123427
R 175
1955 r.

L234.27

Пр. 2010

Пр. 1955 г.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Подъ редакціей А. Е. ГРУЗИНСКАГО.

при ближ. участіи Н. Л. Бродскаго, Н. М. Мендельсона и Н. П. Сидорова.

8(с)Р(092)
К173

Выпускъ I.

Н. В. ГОГОЛЬ

ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ И ПЕРЕПИСКѢ.

СОСТАВИЛЪ В. В. КАЛЛАШЪ.

123497

I. Вступительныя статьи. II. Избранныя мѣста изъ воспоминаній П. В. Анненкова, С. Т. Аксакова, И. С. Тургенева, И. И. Панаева, А. О. Смирновой, Л. И. Арнольди, кн. Д. А. Оболенскаго, Н. В. Берга. III. Сводъ извѣстій о II томѣ Мертвыхъ душъ. IV. Избранныя письма Гоголя. V. Библіографическія указанія.

ФОНД БЕЛЛЕТРИСТИКИ
Научной библиотеки
Ур. Г. У.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
Москва. — 1909.

Г.У.

Отъ редакціи „Историко-литературной Библіотеки".

Важность основательнаго знакомства съ исторіей родной литературы все яснѣе сознается въ наши дни, и интересъ къ ней растетъ, выходя далеко изъ рамокъ школы и захватывая широкіе круги общества. Для удовлетворенія этого интереса имѣются общіе историческіе обзоры различнаго типа, начиная съ краткихъ школьныхъ учебниковъ, кончая солидными научными трудами и большими коллективными предпріятіями, разсчитанными на широкій кругъ образованной публики. Это не покрываетъ, однако, всѣхъ потребностей общества.

Старый способъ изучать литературу, главнымъ образомъ, заочно, по историческимъ очеркамъ и характеристикамъ вполнѣ заслуженно отходитъ въ область преданій, и безъ хорошаго знакомства съ подлиннымъ литературнымъ матеріаломъ теперь трудно себѣ представить преподаваніе даже въ заурядной средней школѣ. Между тѣмъ въ нашей педагогической и популярно-научной литературѣ далеко не все сдѣлано для облегченія такого знакомства. По исторіи литературы до XIX в. существуетъ, по крайней мѣрѣ, рядъ хрестоматій, но для XIX столѣтія такихъ трудовъ почти нѣтъ. Всѣ главныя литературныя направленія этого времени уже сдѣлались достояніемъ науки и могутъ изучаться въ историческомъ освѣщеніи, такъ же, какъ и лучшіе наши писатели, почти всѣ включенные уже въ программу средней школы. Конечно, существуютъ полныя собранія сочиненій классиковъ, но при историко-литературномъ изученіи очень важно бываетъ обращаться и къ другимъ источникамъ, напр., къ письмамъ, къ

воспоминаніямъ современниковъ, а это часто трудно и громоздко (переписка Гоголя, напр., отдѣлена отъ его сочиненій и одна занимаетъ 4 тома). При изученіи же литературныхъ направленій и общественныхъ теченій необходимо привлекать обширный и разнообразный матеріалъ, разбросанный и малодоступный, такъ что волей-неволей приходится прибѣгать къ общимъ обзорамъ чаще, чѣмъ желательно, т.-е. возвращаться къ старой системѣ заочнаго знакомства изъ вторыхъ рукъ.

«Историко-литературная Библіотека» имѣетъ въ виду облегчить правильное изученіе нашей литературы прежде всего за XIX вѣкъ. Съ этой цѣлью выпускается въ свѣтъ первая серія книжекъ, открывающаяся Гоголемъ; за нимъ въ ближайшіе мѣсяцы появятся слѣдующіе выпуски: Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Западничество, Славянофильство. Каждая книжка приблизительно въ 10 печ. листовъ будетъ содержать: 1) избранныя сочиненія писателей въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо, подборъ важнѣйшихъ ихъ писемъ, выдержки изъ мемуаровъ современниковъ,—словомъ, все характерное для отдѣльнаго писателя или для цѣлаго направленія; 2) примѣчанія; 3) вводную руководящую статью. Составленіе каждой книжки редакція поручаетъ отдѣльному компетентному лицу. Въ первой серіи участвуютъ: *В. В. Каллашъ*, *А. Д. Алферовъ*, *Н. А. Заозерскій*, *Ѳ. Ѳ. Нелидовъ* и *Н. Л. Бродскій*.

Предисловіе составителя.

Въ настоящей книгѣ собраны наиболѣе выдающіяся воспоминанія о Гоголѣ его современниковъ и избранныя его письма. И то и другое даетъ возможность заглянуть въ эту сложную, ирраціональную душу, полную неустанной тревоги, противорѣчій и захватывающаго трагизма. Цѣльнаго облика человѣка и писателя они не даютъ, но врядъ ли и вообще возможно свести внутренній міръ Гоголя къ одной опредѣленной формулѣ. Пока можно намѣтить въ немъ только нѣкоторые просвѣты.

При выдержкахъ изъ наиболѣе цѣнныхъ воспоминаній (Анненкова и Аксакова) пришлось считаться съ нашими условіями права литературной собственности и брать изъ нихъ матеріалъ въ предѣлахъ, ограниченныхъ закономъ. Пропуски менѣе важныхъ мѣстъ въ нихъ, какъ и въ письмахъ Гоголя, вездѣ обозначены точками.

Для того, чтобы помочь читателю разобраться во внѣшнихъ фактахъ жизни великаго писателя, при изученіи воспоминаній и переписки, прилагаются краткій біографическій очеркъ и хронологическая канва. Они приноровлены къ матеріалу сборника и на исчерпывающее значеніе не претендуютъ, какъ и указатель Гоголевской литературы, въ которомъ приводится только наиболѣе существенное или наиболѣе пригодное для цѣлей самообразованія и школы.

Вл. Каллашъ.

Москва,
23 февраля 1909 г.

Біографическій очеркъ Н. В. Гоголя.

Гоголи — мелкопомѣстные малорусскіе дворяне, очень недавняго происхожденія, какъ почти все украинское дворянство.

Дѣдъ Гоголя, Аѳанасій Демьяновичъ, семинаристъ, отказавшійся отъ духовной карьеры ради службы въ войсковой канцеляріи, попалъ на «кондиціи» для обученія дѣтей въ домъ знатнаго бунчуковаго товарища Семена Лизогуба. Человѣкъ умный и образованный для своего времени (кромѣ русскаго, онъ зналъ латинскій, греческій, нѣмецкій и польскій языки), талантливый разсказчикъ, онъ сумѣлъ увлечь единственную его дочь Татьяну. Такъ какъ на согласіе родителей, въ особенности матери, гордой и строптивой дочери Танскаго, трудно было разсчитывать, то влюбленные рѣшили бѣжать. Лизогубы впослѣдствіи примирились съ нежданнымъ замужествомъ дочери, и Аѳанасій Демьяновичъ получилъ довольно богатое приданое. Впослѣдствіи онъ былъ назначенъ войсковымъ писаремъ и переименованъ въ секундъ-майоры.

Въ старости дѣдъ и бабка Н. В. зажили на своемъ хуторѣ [1]) обычною жизнью украинскихъ «старосвѣтскихъ» помѣщиковъ. Аѳанасій Демьяновичъ съ увлеченіемъ занимался садоводствомъ и пчеловодствомъ, снаряжалъ «гусара» верхомъ въ Полтаву или Миргородъ къ роднымъ и знакомымъ для собиранія новостей, тщательно записывалъ въ особую книжку всѣ секреты вареній, соленій, настоекъ и т. д. Эта книга, какъ и вообще многія черты жизни дѣда и бабки дали впослѣдствіи Н. В. богатый матеріалъ для его «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» (для Пульхеріи Ивановны онъ воспользовался кое-чѣмъ и изъ наблюденій надъ своею матерью).

---

[1]) Кунчинъ, впослѣдствіи — Васильевка и Яновщина.

Татьяна Семеновна пережила своего мужа и впослѣдствіи всю свою любовь перенесла на маленькаго «Никошу», будущаго великаго писателя.

Ея дѣдъ Танскій [1]), родомъ волохъ, выдвинулся при Петрѣ Великомъ, сумѣлъ добиться вліятельнаго положенія на своей новой родинѣ и большихъ средствъ. Корыстолюбіе и страшныя притѣсненія казаковъ довели его до ссылки въ Сибирь, въ Илимскъ, гдѣ впослѣдствіи томился Радищевъ. Ссылка разорила Танскаго и смирила его крутой характеръ: вернулся онъ въ Малороссію совсѣмъ другимъ человѣкомъ, набожнымъ и всепрощающимъ. Въ его позднѣйшихъ письмахъ много религіознаго лиризма и малороссійскаго юмора.

Отецъ ея, Лизогубъ, былъ человѣкъ образованный, умный, кроткаго и тихаго характера, въ высшей степени религіозный. Семейная жизнь его сложилась очень печально: жена, Ганнуся Танская, скоро оттолкнула его своею гордостью, своеволіемъ, презрѣніемъ къ низшимъ, и они должны были разъѣхаться. Изъ своего уединенія (родовое помѣстіе) онъ то и дѣло писалъ ей благочестивыя увѣщанія, которыя приводили къ еще бо̀льшему раздраженію. Повидимому, онъ настоялъ на примиреніи съ зятемъ — Гоголемъ. Повышенная религіозность была наслѣдственной въ семьѣ Лизогубовъ, перешла къ Татьянѣ Семеновнѣ и ея единственному сыну Василію Аѳанасьевичу, отцу Николая Васильевича.

Василій Аѳанасьевичъ росъ болѣзненнымъ, избалованнымъ ребенкомъ. Поэтъ и мечтатель въ душѣ, онъ плохо справлялся съ практическими требованіями жизни, учился въ Полтавѣ и Кіевѣ очень небрежно, больше увлекаясь голубями, былъ неудачнымъ чиновникомъ, плохимъ хозяиномъ, любящимъ, но тяжелымъ вслѣдствіе своей мнительности и болѣзненной раздражительности семьяниномъ. Это была натура широко, но не глубоко одаренная: онъ легко писалъ стихи (не только письма, но даже прошенія онъ облекалъ иногда въ стихотворную форму), много времени тратилъ на украшеніе сада, устраивалъ, подобно Маниилову, разныя «долины спокойствія» и гроты для сантиментальныхъ

[1]) Одинъ изъ его родственниковъ былъ извѣстнымъ малорусскимъ писателемъ первой половины XVIII вѣка, авторомъ выдающихся интерлюдій.

мечтаніи, запрещалъ мыть бѣлье въ Васильевскомъ прудѣ, чтобы не разгонять соловьевъ стукомъ вальковъ, былъ, вообще, «большимъ мастеромъ на малыя дѣла»: недурно рисовалъ, хорошо разсказывалъ веселые анекдоты, писалъ довольно талантливыя малорусскія комедіи, былъ порядочнымъ актеромъ. Любилъ онъ и читать, главнымъ образомъ, чувствительные романы, кое-что выписывая самъ, остальное доставая изъ библіотеки далекаго родственника своей жены, богатаго малороссійскаго магната, вліятельнаго сановника екатерининскихъ и александровскихъ временъ, Трощинскаго.

Пробовалъ онъ служить, но дальше «находящагося при малороссійскомъ почтамтѣ по дѣламъ сверхъ комплекта» пойти не могъ, если не считать службы при Трощинскомъ, больше носившей характеръ личныхъ услугъ богатому, властному и высокомѣрному родственнику, чѣмъ настоящихъ дѣловыхъ занятій.

Матеріальныя средства его были очень невелики, и отцу Н. В. всю жизнь приходилось нуждаться и иногда прибѣгать даже къ помощи Трощинскаго.

Мать нашего писателя, Марія Ивановна, была дочь почтоваго чиновника Косяровскаго. Василій Аѳанасьевичъ былъ значительно старше ея и влюбился въ нее, когда она была еще дѣвочкой. Онъ долго преслѣдовалъ ее своимъ ухаживаніемъ, нѣжными вздохами, «пріятной музыкой изъ-за кустовъ», чувствительными письмами (въ родѣ: «Милая Машенька! Многія препятствія лишили меня счастія сей день быть у васъ! Слабость моего здоровья наводитъ страшное воображеніе, и лютое отчаяніе терзаетъ мое сердце... Прошу васъ, не показывайте сего несчастнаго выраженія страсти родителямъ вашимъ») и женился на ней, когда ей было только 14 лѣтъ. Оба они глубоко вѣровали, что супружество это было «указано Самой Царицей Небесной».

Ожидая рожденія Н. В., послѣ смерти первыхъ дѣтей, Марія Ивановна дала обѣтъ, если родится сынъ, назвать его въ честь Николая Диканьскаго.

Набожность, царствовавшая въ семьѣ Гоголя, отличалась примитивнымъ, средневѣковымъ характеромъ. Большую роль играли обряды, вѣра въ непосредственное руководительство Промысла, предчувствія и сны. Кроткая и любящая Марія Ивановна была большой фантазеркой, наивной и нѣсколько мистически настроен-

ной. Къ своему «Никошѣ» она относилась съ безграничнымъ обожаніемъ и поклоненіемъ.

Объ обстановкѣ ранняго дѣтства Гоголя мы знаемъ очень мало. Его баловали всѣ—родители, бабушка, многочисленныя родственницы и приживалки (одна изъ нихъ дала впослѣдствіи многія черты для характеристики Плюшкина). Долго жданный и единственный сынъ (другой, Иванъ, очень рано умеръ), онъ чувствовалъ себя центромъ общаго вниманія. Василій Аѳанасьевичъ могъ даже захворать при одномъ извѣстіи о пустяковой болѣзни или непріятности, приключившейся неспаглядному «Никошѣ». Мать носилась съ его исключительными дарованіями и часто неумѣренными похвалами ставила Н. В. въ тяжелое и ложное положеніе. Болѣзненно-чуткій и щепетильный, онъ пріучается рано замыкаться въ себя, многое въ семейной обстановкѣ его коробитъ, отношенія къ роднымъ дѣлаются все менѣе простыми и искренними.

Ребенокъ онъ былъ болѣзненный и странный. Отъ золотухи у него течетъ изъ ушей, тѣло почти всегда покрыто нарывами и сыпями. Его то и дѣло пичкаютъ разными лѣкарствами, отпаиваютъ всевозможными декоктами, вѣчно дрожатъ надъ его здоровьемъ и жизнью. И въ психическомъ мірѣ ребенка много ненормальнаго: одинъ въ саду онъ слышитъ какіе то голоса, порою его охватываетъ стихійный ужасъ, безпричинная тоска.

Послѣ домашняго приготовленія (училъ Гоголя какой то семинаристъ), его отдаютъ съ братомъ Иваномъ въ полтавскую гимназію, но тамъ пришлось пробыть недолго; братъ умеръ, и родители поспѣшили взять Н. В. домой.

Въ 1821 году его опредѣлили въ только что открывшуюся въ Нѣжинѣ «Гимназію высшихъ наукъ».

Она переживала тогда періодъ междуцарствія: первый директоръ ея, Кукольникъ, покончилъ съ собою вслѣдствіе психическаго разстройства, второй, Орлай, еще не пріѣзжалъ. Учебное дѣло было въ хаотическомъ безпорядкѣ, среди педагогическаго персонала шли интриги и раздоры. Нѣсколько хорошихъ профессоровъ (изъ нихъ особенно нужно отмѣтить Бѣлоусова, человѣка талантливаго и широко образованнаго, который имѣлъ на своихъ слушателей благотворное моральное вліяніе, внушая имъ идеи права и гражданскія чувства,

и Зингера, благодаря лекціямъ котораго нѣжинскіе студенты полюбили нѣмецкую литературу) были безсильны устранить тотъ сумбуръ, который, вообще, царствовалъ въ гимназіи. Важнѣе было вліяніе товарищеской среды: въ Нѣжинъ попало нѣсколько хорошо подготовленныхъ дома мальчиковъ (напр., очень извѣстный впослѣдствіи ученый Рѣдкинъ, будущій дипломатъ Базили, Кукольникъ и т. д.), изъ которыхъ скоро сложился кружокъ для самообразованія, устраивавшій спектакли, издававшій ученическіе журналы и даже принимавшійся за такія серьезныя предпріятія, какъ составленіе большого компилятивнаго курса всеобщей исторіи. Гоголь, мало подготовленный дома, отталкивавшій своими золотушными явленіями, болѣзненно-самолюбивый и замкнутый, не сразу вошелъ въ этотъ кружокъ: въ его личномъ развитіи онъ сыгралъ, вообще, небольшую роль. Научныя затѣи кружка почти не затронули его; больше участія принимаетъ онъ въ школьномъ театрѣ и журналахъ. Ученіе его мало привлекало; онъ лѣнился, всякими правдами и неправдами уклонялся отъ уроковъ, порою горячку передъ экзаменами и вынесъ изъ пестраго и нескладнаго гимназическаго курса очень мало свѣдѣній. Впослѣдствіи, уже сдѣлавшись знаменитымъ писателемъ, онъ, по собственному признанію, долженъ былъ потихоньку перечитывать такія элементарныя книги, съ которыми долженъ былъ быть знакомъ любой школяръ.

Окончилъ гимназію Гоголь дѣйствительнымъ студентомъ, въ 1828 году.

Учебныя неудачи не мѣшали его горделивымъ мечтаніямъ о будущемъ. Врожденное ему сознаніе исключительности своей личности, питавшееся обожаніемъ домашнихъ, сценическими и литературными успѣхами въ Нѣжинѣ, заставляетъ его больше вглядываться въ свое будущее, чѣмъ въ прошлое, и рисовать его въ очень радужныхъ краскахъ. Онъ мечтаетъ о Петербургѣ, о блистательной карьерѣ — служебной, но отнюдь не писательской,—собирается облагодѣтельствовать человѣчество.

Петербургскія впечатлѣнія скоро охладили юнаго романтика-мечтателя. Сѣверная природа пришлась не по душѣ южанину, до сихъ поръ не покидавшему своей родины; несмотря на хлопоты и рекомендательныя

письма, все не удавалось найти даже плохонькое мѣстечко; попытка поступить въ актеры оказалась неудачной, вслѣдствіе большого реализма дикціи, который шелъ въ разрѣзъ съ установившимися тогда театральными традиціями; идиллія «Ганцъ Кюхельгартенъ», на которую Гоголь возлагалъ послѣднія надежды, была встрѣчена критикою очень враждебно; изъ дому могли высылать ему очень мало денегъ. Несчастный юноша кидается изъ стороны въ сторону и порою приходитъ въ полное отчаяніе. Только отчаяніемъ и можно объяснить его странную поѣздку въ Любекъ на деньги, которыя нужно было внести за заложенное имѣніе, и искательное обращеніе съ просьбою о мѣстѣ къ Булгарину, который пристроилъ его черезъ занимавшаго видное мѣсто въ жандармскомъ вѣдомствѣ фонъ-Фока въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Позднѣе Гоголь служитъ въ вѣдомствѣ удѣловъ, знакомится съ мелкимъ канцелярскимъ людомъ, но чиновничьихъ добродѣтелей у него не оказалось, и ему пришлось оставить службу. Мало-по-малу у него завязываются журнальныя и литературныя связи, — онъ знакомится и близко сходится съ Плетневымъ, входитъ въ кружокъ Пушкина и Жуковскаго. Послѣ канцелярской атмосферы и всевозможныхъ жизненныхъ неудачъ для него наступаютъ годы относительнаго нравственнаго покоя; передъ нимъ открываются новые горизонты. «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» дали ему крупную литературную извѣстность; Пушкинъ заставляетъ его серьезнѣе отнестись къ своему таланту и заняться самообразованіемъ. Гоголь окончательно почувствовалъ себя литераторомъ, и только литераторомъ. Послѣдовательно и правильно развивается его дарованіе, и каждое новое произведеніе вызываетъ все большій и большій шумъ въ обществѣ и періодической печати. За «Миргородомъ» и «Арабесками» слѣдуетъ «Ревизоръ», за нимъ—«Мертвыя Души». Отзывы Пушкина, Бѣлинскаго, Аксаковыхъ раскрыли передъ нимъ всю мощь значенія его смѣха. Но блистательная литературная карьера имѣла и свои терніи: продолжали шипѣть на него разные литературные гады, въ родѣ Булгарина и Сенковскаго; постановка «Ревизора» въ 1836 году со всѣми ея общественными и театральными треніями измучила и безъ того слишкомъ впечатлительную душу

великаго писателя. Горькій осадокъ, несомнѣнно, оставила въ его душѣ и печальная авантюра съ его неудачнымъ профессорствомъ въ Петербургскомъ университетѣ; мало удовлетворенія дало ему и преподаваніе въ средней школѣ (въ Патріотическомъ институтѣ), при слишкомъ большой затратѣ времени и труда.

Истерзанный всѣмъ этимъ, Гоголь бѣжитъ за границу, чтобы въ Италіи, своей «второй родинѣ», искать отдыха своей наболѣвшей душѣ и изъ «прекраснаго далека» воскрешать въ своемъ творческомъ воображеніи Русь, перерабатывая и доканчивая первый томъ «Мертвыхъ Душъ».

Величественныя развалины Рима и красоты итальянской природы, общій складъ итальянской жизни, насквозь проникнутой эстетизмомъ, культомъ славнаго прошлаго и далекой отъ повседневной сутолоки, опять подымаютъ въ его душѣ волны романтическаго идеализма, которыя ушли было подъ спудъ въ пору наибольшаго развитія реалистическаго таланта. Уже въ лирическихъ мѣстахъ перваго тома «Мертвыхъ душъ» прозвучали опасныя нотки, которыя встревожили чуткаго Бѣлинскаго.

Въ отрывкѣ «Римъ» Гоголь вернулся къ прежней повышенной манерѣ письма, романтическому риторизму. Между основнымъ реалистическимъ свойствомъ таланта и мистико-идеалистическими настроеніями души намѣчается все болѣе и болѣе рѣзкій конфликтъ, который приводитъ скоро къ полному внутреннему разладу.

Насиліе надъ талантомъ приводитъ къ его полному распаду и страшной внутренней борьбѣ, которая болѣзненно выражается въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями», «Развязкѣ Ревизора» и «Размышленіяхъ о божественной литургіи».

Великій писатель подчиняется изувѣрному фанатизму тупого отца Матвѣя, ищетъ нравственной поддержки у свѣтскихъ святошъ и оптинскихъ отшельниковъ, въ Палестинѣ, подрываетъ свой и безъ того надломленный организмъ молитвами и постами, все болѣе отдаляется отъ настоящихъ людей, замыкаясь въ узкомъ и душномъ кругу своихъ немногочисленныхъ единомышленниковъ, доходитъ почти до полнаго психическаго разстройства, терзаетъ родныхъ и близкихъ своими болѣзненными выходками и поученіями.

Его матеріальныя дѣла благодаря упадку творчества и постояннымъ поѣздкамъ за границу и по Россіи все болѣе разстраиваются. Приходится прибѣгать къ помощи императора, прежнихъ друзей и даже совсѣмъ незнакомыхъ людей.

Все это накладываетъ трагическую печать на послѣдніе годы жизни великаго комика...

Скончался Гоголь въ Москвѣ 21 февраля 1852 года. Похороненъ онъ въ Даниловомъ монастырѣ.

Похороны его получили характеръ внушительной общественной манифестаціи. На надгробномъ памятникѣ[1]) его высѣчена глубокая по своему смыслу надпись: «Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся».

[1]) Есть свѣдѣнія, что онъ былъ сооруженъ на средства Хомяковыхъ, и что надписи были выбраны Шевыревымъ.

Хронологическая канва

къ біографіи и исторіи литературнаго творчества

Н. В. Гоголя.

1809 г. 19 или 20 марта день рожденія Гоголя (въ Сорочинцахъ, Полтавской губ. [1]).

1820 г. Гоголь учится въ Полтавѣ.

1821 г. Поступленіе къ Нѣжинскую гимназію высшихъ наукъ.

1828 г. Въ концѣ іюня, окончивъ курсъ, ѣдетъ въ Васильевку; въ половинѣ декабря этого года отправляется въ Петербургъ.

1829 г. Въ іюнѣ вышелъ въ свѣтъ „Ганцъ Кюхельгартенъ“ (подъ псевдон. В. Алова).

Въ августѣ Гоголь выѣзжаетъ въ первый разъ за границу (въ Любекъ). Возвращается въ Петербургъ въ сентябрѣ.

1830 г. Въ „Отечеств. Зап.“ появляется безъ подписи повѣсть „Басаврюкъ“ или „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“.

1831 г. Поступаетъ старшимъ учителемъ въ Патріотическій институтъ.

Въ этомъ же году Гоголь близко сходится съ литературными кругами.

26 мая цензура подписываетъ разрѣшеніе на „Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки“. (I часть).

1832 г. Въ концѣ іюня пріѣзжаетъ въ Москву и знакомится съ семьей Аксаковыхъ, М. С. Щепкинымъ, Погодинымъ и др. Выходитъ II часть „Вечеровъ на хуторѣ“.

1834 г. Въ февралѣ или въ началѣ марта Гоголь избранъ въ члены Общества любителей россійской словесности при Московск. университетѣ.

18 апрѣля дается цензурное разрѣшеніе на „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Иван. съ Иван. Никиф.“.

1834 г. 24 іюля Гоголь опредѣленъ адъюнктъ-профессоромъ по каоедрѣ всеобщей исторіи при С.-Петербургск. унив.

14 августа сообщаетъ М. А. Максимовичу о своемъ намѣреніи поставить „Ревизора“ и „Женитьбу“.

Въ ноябрѣ занятъ подготовл. къ печати „Арабесокъ“, кот. пропущены въ томъ же мѣсяцѣ цензурой.

29 декабря подписано цензурн. разрѣш. на „Миргородъ“.

---

[1]) Эта дата остается до сихъ поръ спорной: документальныя данныя (метрическая книга) указываютъ на 20 число, тогда какъ самъ Гоголь праздновалъ свое рожденіе 19 марта. Показанія другихъ членовъ его семьи по этому поводу вообще противорѣчивы.

1835 г. Въ мартѣ посылаетъ для „Московск. Наблюд.“ повѣсть „Носъ“.
— Начинаетъ писать „Мертвыя Души“, какъ видно изъ письма къ Пушкину отъ 7 октября. Тогда же переписана для Пушкина „Коляска“.
Въ декабрѣ увольняется изъ университета.
1836 г. Въ февралѣ занятъ постановкой „Ревизора“
— 19 апрѣля первое представленіе „Ревизора“ въ Петербургѣ.
— 15 мая поручаетъ Аксакову и Щепкину постановку „Ревизора“ въ Москвѣ. (23 апр. пишетъ объ этомъ Щепкину).
6 іюня уѣзжаетъ за границу.
Августъ, сентябрь и октябрь проводитъ въ Швейцаріи. Въ Веве пишетъ „М. Д.“, надъ которыми продолжаетъ работать и въ Парижѣ.
1837 г. Въ мартѣ поселяется въ Римѣ. Лѣтомъ выѣзжаетъ въ Баденъ-Баденъ, гдѣ часто видается съ А. О. Смирновой и читаетъ ей начало „Мертвыхъ Душъ“. 30 октября Гоголь снова въ Римѣ.
1837—1839. Гоголь проводитъ большую часть времени въ Римѣ. сравнит. ненадолго уѣзжая въ Неаполь, его окрестности и въ Парижъ для свиданія съ товарищемъ своимъ по Нѣжину Данилевскимъ (сентябрь 1838 г.).
1838 г. Въ декабрѣ пріѣзжаетъ въ Римъ Жуковскій, сопровождающій наслѣдника (Александра II). Гоголь и Жуковскій осматриваютъ вѣчный городъ, рисуя „палету лучшіе виды Рима“ [1]).
1839 г. Въ началѣ февраля Жуковскій уѣзжаетъ изъ Рима.
Въ мартѣ пріѣзжаетъ въ Римъ Погодинъ и поселяется вмѣстѣ съ Н. В. Въ это время черезъ Погодина Гоголь сближается съ Шевыревымъ.
— 31 мая или 1 іюня скончался въ Римѣ молодой гр. Іосифъ Віельгорскій, съ которымъ Гоголь былъ очень близокъ. О ночахъ, проведенныхъ Гоголемъ у гр. Віельгорскаго, имъ набросаны тогда же отрывки „Ночи на виллѣ“.
Въ іюнѣ Гоголь выѣзжаетъ изъ Рима, проѣзжаетъ съ остановками черезъ Гапау, Маріенбадъ и Вѣну и въ сентябрѣ появляется вмѣстѣ съ Погодинымъ въ Москвѣ.
— Въ октябрѣ ѣдетъ съ Аксаковыми въ Петербургъ, чтобы взять своихъ сестеръ изъ Патріотическаго института, и возвращается въ Москву въ декабрѣ.
1840 г. Приблизительно въ январѣ закончены „Тяжба“ и „Лакейская“.
— 6 марта Гоголь читалъ у Аксаковыхъ IV главу „Мертвыхъ Душъ“. Нѣкоторое время спустя, въ мартѣ или въ началѣ апрѣля, у нихъ же читаетъ V главу „М. Д.“
— 9 мая въ день именинъ Гоголя среди гостей былъ у него М. Ю. Лермонтовъ и читалъ наизусть отрывокъ изъ „Мцыри“.
— 18 мая Гоголь съ Пановымъ уѣзжаетъ изъ Москвы за границу.
Съ 25 іюня по сентябрь онъ въ Вѣнѣ, гдѣ перерабатываетъ „Тарасъ Бульбу“ и заканчиваетъ „Шинель“.
— Въ сентябрѣ пріѣзжаетъ въ Римъ, поселяется на прежней квартирѣ. Продолжаетъ работу надъ „М. Д.“
1841 г. 29 апрѣля пріѣзжаетъ въ Римъ Анненковъ и поселяется вмѣстѣ съ Гоголемъ въ комнатѣ, которую занималъ Пановъ.

---

[1]) Письмо къ Данилевскому отъ 5 февраля 1839 г.

1841 г. Іюнь, іюль и августъ они проводятъ вмѣстѣ, при чемъ Анненковъ переписываетъ подъ диктовку Гоголя I томъ „М. Д.“ [1]).
Въ августѣ уѣзжаетъ изъ Рима, ѣздитъ по Германіи, а въ октябрѣ пріѣзжаетъ въ Москву и поселяется у Погодина. Въ октябрѣ и ноябрѣ одѣлываетъ окончательно пять послѣднихъ главъ „М. Д“.

1842 г. Въ первыхъ числахъ января Гоголь отправляетъ въ Петербургъ съ Бѣлинскимъ I часть „М. Д.“ Январь и февраль хлопочетъ о цензурномъ разрѣшеніи.

— 9 марта цензоръ А. В. Никитенко разрѣшилъ печатать „М. Д.“

— 17 марта Гоголь посылаетъ для „Современника“ передѣланную повѣсть „Портретъ“.

Между 5 и 9 апрѣля началось печатаніе „М. Д.“ (I т.).

21 мая вышли изъ печати первые экземпляры „М. Д.“

23 мая Гоголь уѣзжаетъ въ Петербургъ, 5 іюня выѣзжаетъ за границу, живетъ въ Гастейнѣ (выѣзжая въ Венецію и Мюнхенъ). Около 9 октября Гоголь вмѣстѣ съ Языковымъ пріѣзжаетъ въ Римъ (третья поѣздка). Отсюда посылаетъ Прокоповичу „Театральный разъѣздъ“. Въ концѣ апрѣля Гоголь выѣзжаетъ изъ Рима во Флоренцію. Проводитъ нѣкоторое время въ переѣздахъ, живетъ на водахъ въ Эмсѣ и Баденѣ. Во Франкфуртѣ встрѣчается съ Жуковскимъ, съ которымъ изъ Бадена ѣдетъ вмѣстѣ въ Дюссельдорфъ.

1843 г. Въ августѣ или въ сентябрѣ вышло первое „Собраніе сочиненій“ Гоголя.

1845 г. Въ январѣ въ Парижѣ съ Віельгорскими. Сожженіе рукоп. „М. Д.“, ч. II.

1846 г. Изъ Швальбаха 30 іюля посылаетъ Плетневу 1 тетрадь „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“. Въ октябрѣ изъ Страсбурга пишетъ Шевыреву, поручая ему издать (послѣ выхода „Выбранныхъ мѣстъ“) „*Ревизора съ Развязкой, въ пользу бѣдныхъ*“.

— 31 декабря вышли въ Петербургѣ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“.

1848 г. Въ январѣ отправляется на пароходѣ въ Палестину. Въ февралѣ Гоголь уже въ Іерусалимѣ.

— 16 мая Гоголь снова въ Россіи, у себя на родинѣ въ Васильевкѣ.

— Въ октябрѣ пріѣзжаетъ въ Москву и поселяется у Погодина, затѣмъ въ декабрѣ переѣзжаетъ къ гр. А. П. Толстому.

1849 г. Въ іюнѣ пріѣзжаетъ въ Москву Смирнова, у нея Гоголь знакомится съ ея братомъ по матери Л. И. Арнольди. Лѣтомъ въ іюлѣ вмѣстѣ съ Арнольди ѣдетъ въ деревню Смирновой, затѣмъ въ Калугу, гдѣ читаетъ Смирн. II томъ „М. Д.“ 29 іюля возвращается въ Москву. Въ августѣ на дачѣ у Шевырева читаетъ первыя главы II т. „М. Д.“

1850 г. 15 іюня въ Калугѣ у Смирновой встрѣчается съ гр. Алексѣемъ Толстымъ. Въ концѣ іюня или въ началѣ іюля Гоголь пріѣзжаетъ въ Васильевку, гдѣ проводитъ приблизительно мѣсяцъ.

---

[1]) См. статью Анненкова: „Гоголь въ Римѣ“.

1851 г. Гоголь во второй половинѣ апрѣля выѣзжаетъ изъ Одессы въ Васильевку, откуда уѣзжаетъ во второй половинѣ мая въ Москву.
— Около 13 октября Гоголь вмѣстѣ съ Арнольди былъ въ театрѣ на представл. „Ревизора“ и смотрѣлъ Шумскаго въ роли Хлестакова.
— 20 октября посѣтилъ Гоголя вмѣстѣ съ М. С. Щепкинымъ И. С. Тургеневъ.
1852 г. 26 января скончалась Екат. Мих. Хомякова [1]).
— 10 февраля проситъ гр. А. П. Толстого передать нѣкоторыя свои сочин. для просмотра митроп. Филарету.
— 11 февраля, ночью, послѣ всенощной, Гоголь сжегъ II томъ „Мертв. Душъ“.
— 12 февраля Гоголь впадаетъ въ тоскливую апатію и заявляетъ: „Надо меня оставить: я знаю, что долженъ умереть“.
— 21 февраля, въ 8 ч. утра Гоголь скончался.
— 25 февраля послѣ отпѣванія въ университетской церкви, тѣло Гоголя погребено въ Даниловомъ монастырѣ.
1909 г. 26 апрѣля въ Москвѣ на Арбатской площади открытъ памятникъ Гоголю работы художника Н. А. Андреева.

---

[1]) Эта смерть произвела на Гоголя подавляющее впечатлѣніе.

Н. В. Гоголь и его письма.

Во всей исторіи міровой литературы трудно подыскать что-нибудь трагичнѣе жизни Гоголя, въ особенности ея послѣднихъ лѣтъ.

Онъ, который, казалось, «болѣе всѣхъ смѣялся на свѣтѣ», лилъ «часто душевныя, глубокія слезы» и умеръ непонятный и неразгаданный, одинокій, покинутый почти всѣми прежними друзьями, окруженный свѣтскими святошами и изувѣрами.

Многіе видѣли, но немногіе поняли его «горькій смѣхъ», почти никто не сумѣлъ въ немъ разсмотрѣть тогда «незримыя, невѣдомыя слезы», «горячія искры вѣчной могучей любви». Такъ и не дождался онъ, замучивъ себя и замученный жизнью, той всѣмъ сердцемъ желанной минуты, «когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ священный ужасъ и блистанье главы, и почуютъ въ священномъ трепетѣ величавый громъ другихъ рѣчей»...

Силою могучаго таланта вызвалъ онъ «на всенародныя очи» весь легіонъ бѣсовъ тогдашняго русскаго ада, жутко и страшно сдѣлалось ему, но не спасли его отъ смертной тоски и полной душевной растерянности ни изувѣрныя молитвы и наставленія ограниченнаго фанатика-духовника, ни сплывающіеся, безжизненные обликн Уленьки, добродѣтельныхъ откупщиковъ и идеальныхъ генералъ-губернаторовъ второго тома «Мертвыхъ Душъ»...

Онъ запутался и погибъ среди сбивчивыхъ и противорѣчивыхъ впечатлѣній тогдашней русской дѣйствительности, разрозненныхъ и несоединимыхъ осколковъ своего больного міровоззрѣнія.

Мучительная загадка для близкихъ, капризный чудакъ для ограниченныхъ наблюдателей, онъ такъ и покинулъ міръ «сфинксомъ, не разгаданнымъ до гроба».

Только отчасти въ глубокіе тайники его души, представляющіе исключительный историко-литературный и психологическій интересъ, вводятъ его письма, въ которыхъ, боязливо-недовѣрчивый и самолюбиво-скрытный, онъ все же часто проговаривается.

Раскрыть и объяснить всю психологію Гоголя, сложную, противорѣчивую и больную, — задача едва ли осуществимая и возможная. Но его письма, освѣщенныя біографическими фактами, воспоминаніями современниковъ, сочиненіями и общими историко-литературными соображеніями, даютъ ключъ ко многимъ ея сторонамъ и сами по себѣ являются глубоко поучительными.

Мы не имѣемъ возможности подробно, въ хронологической послѣдовательности, останавливаться на каждомъ отдѣльномъ періодѣ жизни Гоголя и соотвѣтственно этому детально разбирать каждую группу писемъ отмѣчать ея основное настроеніе, объяснять отношенія Гоголя къ тѣмъ или инымъ его корреспондентамъ и указывать, какъ въ зависимости отъ этихъ отношеній мѣняется и самый тонъ писемъ. Эти вопросы глубоко интересны, но они требуютъ внимательнаго, всесторонняго изслѣдованія и не укладываются въ небольшія рамки настоящаго очерка, который имѣетъ цѣлью болѣе или менѣе ввести въ настроеніе писемъ Гоголя вообще, указать на ихъ основныя черты, встрѣчающіяся на протяженіи всей его переписки.

Если самая сущность загадочной натуры Гоголя отъ насъ скрыта, то за тѣми или иными проявленіями этой сущности мы можемъ слѣдить по его перепискѣ, остерегая себя отъ слишкомъ поверхностныхъ, скороспѣлыхъ выводовъ и заключеній, стараясь не путаться въ мелочахъ, имѣющихъ иногда случайный характеръ.

Письма Гоголя вводятъ насъ въ громадный, запутанный лабиринтъ: какое удивительное соединеніе въ нихъ самой задушевной искренности, непосредственности съ явными признаками природной хитрости, — хитрости, скрывающейся еще въ дѣтствѣ, вмѣстѣ съ странной преждевременной практичностью и раннимъ умѣньемъ играть на самыхъ затаенныхъ струнахъ человѣческой души! Въ нихъ и искательность, преклоне-

ніе передъ сильными, и гордость геніальной натуры, увѣренность въ себѣ и сознаніе своего высокаго назначенія. Стремленіе найти родную душу, высказаться ей и полная самостоятельность отношеній; могучее чутье дѣйствительности и сантиментально-элегическая мечтательность, способность далеко уноситься отъ жизни въ міръ грёзъ и идеала; капризная надменность, широковѣщательныя, навязчивыя, чисто-мессіаническія предсказанія и поученія, и острое сожалѣніе къ обиженному человѣку, самобичеваніе; всегдашнее исканіе совершенства и постоянная личная неудовлетворенность; порою чисто-дѣтская теплая религіозность — наслѣдіе матери — и высокомѣрное ханжество, мистическая вѣра въ исключительность своего избранничества; — смѣхъ и слезы.

Въ этихъ письмахъ много искусственнаго: онъ стремится быть откровеннымъ, но, не доводя своей откровенности до конца, какъ бы останавливается на полдорогѣ, переходитъ отъ дружеской бесѣды къ реторическимъ отступленіямъ и напряженному «сочинительству». Съ другой стороны, явное нежеланіе обнажать свою душу тому или другому лицу съ первыхъ же строкъ заставляетъ его прибѣгать къ нравственной гриммировкѣ, ставить передъ собою ширму, за которую онъ прячетъ свое болѣзненно-самолюбивое «я».

Недовѣріе къ самымъ близкимъ лицамъ, боязнь быть непонятымъ съ раннихъ лѣтъ порождаютъ въ немъ необыкновенную раздвоенность натуры, которая не только не уничтожалась съ годами, но росла и увеличивалась все болѣе и болѣе. Эта раздвоенность углубляла старые и вырывала новые тайники въ его душевномъ лабиринтѣ, въ которомъ заблудился онъ самъ и погибъ, не находя выхода.

Недовѣріе къ людямъ въ такомъ человѣкѣ, какъ Гоголь, не можетъ не вызывать удивленія. Онъ, столь мучительно любившій ихъ, превратившій всю свою жизнь въ сплошной подвигъ самопожертвованія, ни передъ кѣмъ не распахнулъ своей души. Можетъ быть, потому это происходило, что самая его любовь къ людямъ носила какой то особый, отвлеченный характеръ: отдавая свою душу массѣ въ ея цѣломъ, на отдѣльной личности не могъ онъ сосредоточить сильной, глубокой привязанности, — привязанности, которая настолько

сближаетъ, что какое-либо замалчиваніе и недосказанность становятся уже невозможными. А между тѣмъ онъ бывалъ нѣжно-заботливъ и внимателенъ ко многимъ, но эта заботливость рѣдко проявляется въ его словахъ, находя себѣ болѣе полное выраженіе въ дѣйствіяхъ и поступкахъ. Отношенія Гоголя къ его друзьямъ, благодаря всему этому, зачастую кажутся странными. Возьмемъ хотя бы, напр., то письмо къ Жуковскому, въ которомъ онъ проситъ его выхлопотать пособіе отъ государя. Гоголь зналъ, что Жуковскій его цѣнитъ и любитъ, самъ говоритъ ему объ этомъ, а между тѣмъ письмо его не носитъ характера простой дружеской просьбы, а скорѣе представляетъ изъ себя какую то робкую челобитную, исполненную непріятнаго и ненужнаго самоуничиженія. Къ Пушкину обращается онъ, какъ къ литературному «генералу», въ преувеличенно скромномъ тонѣ, и одновременно съ этимъ звучатъ самолюбивыя нотки человѣка, знающаго себѣ цѣну.

Но всего интереснѣе письма Гоголя къ роднымъ и другимъ близкимъ лицамъ, писанныя еще въ ранній дѣтскій, а затѣмъ юношескій періодъ. Вначалѣ очень элементарныя и ребяческія, они постепенно осложняются все новыми и новыми мотивами и, указывая на необыкновенно быстрый нравственный ростъ его, въ то же самое время обнаруживаютъ тѣ черты его духовной физіономіи, которыя впослѣдствіи развиваются чѣмъ дальше, тѣмъ больше, теряясь въ тысячѣ причудливыхъ изломовъ, принимая самые неожиданные обороты.

Извѣстно, какой любовью и нѣжностью окружала Гоголя его семья, какъ привольно жилось ему въ родной Васильевкѣ, среди неусыпныхъ попеченій доброй, чуткой матери и мягкаго мечтателя-романтика отца. Казалось бы, всѣ данныя налицо для того, чтобы вселить въ его душу полную откровенность отношеній, а между тѣмъ мы сплошь да рядомъ встрѣчаемъ проблески наивной дипломатіи, къ которой онъ прибѣгаетъ даже въ самыхъ простыхъ случаяхъ. То преувеличеннымъ разсказомъ о своихъ нравственныхъ и физическихъ страданіяхъ старается онъ навести родителей на мысль взять его изъ скучнаго заключенія Нѣжинской гимназіи, прямо не высказывая своего желанія, то, напр., сопровождаетъ просьбу о присылкѣ денегъ

жалобнымъ повѣствованіемъ о томъ, какъ пропалъ у него чужой ножикъ, и надо за этотъ ножикъ, во избѣжаніе наказаній «со всею строгостію», немедленно заплатить потерпѣвшему товарищу, и т. п.

Онъ рано, даже слишкомъ рано, набилъ руку въ литературности изложенія, не безъ самоудовлетворенія щеголяетъ изысканной фразой, иногда прямо впадая въ трескучую реторику, и благодаря этому мы почти не находимъ въ его письмахъ тѣхъ простыхъ дѣтскихъ словъ, многозначительныхъ своей безыскусственностью, которыя бы такъ естественно было слышать отъ него при его возрастѣ. Читая поздравительное письмо къ матери, по случаю ея именинъ, а затѣмъ обращеніе къ ней же послѣ только что полученнаго извѣстія о смерти отца, котораго онъ несомнѣнно любилъ, мы съ напряженіемъ ищемъ, гдѣ кончается «фраза», и гдѣ начинается неподдѣльное, глубокое, лишенное всякихъ искусственныхъ оболочекъ чувство. Мы знаемъ, что горе его непритворно, но не изъ словъ о томъ, что онъ «предался всей силѣ безумнаго отчаянія» и «хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою»... Не менѣе поражаютъ приводимыя въ этомъ же письмѣ религіозныя изліянія: «Благословляю тебя, священная вѣра! Въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей горести».

Глубоко задумываешься надъ этимъ, и невольно всплываетъ вопросъ: былъ ли когда нибудь Гоголь ребенкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова?..

Романтическій приподнятый тонъ въ письмахъ къ старшему товарищу по Нѣжину, Высоцкому, уже болѣе понятенъ. Горделивыя мечтанія юноши о томъ сказочномъ Петербургѣ, въ которомъ онъ сразу расправитъ крылья, восторженные разсказы о блестящихъ любительскихъ спектакляхъ въ гимназіи (въ нихъ Гоголь принималъ дѣятельное участіе) — все это ему самому такъ дорого и близко, что и человѣкъ, въ письмахъ къ которому онъ можетъ говорить и спрашивать объ интересующихъ предметахъ, становится ближе, и онъ даже преувеличиваетъ значеніе этого пріятеля въ своей духовной жизни. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и съ Высоцкимъ не вполнѣ откровененъ и не дѣлится съ нимъ своими планами о широкой государственной дѣятельности, своими желаніями ни болѣе, ни менѣе какъ

облагодѣтельствовать цѣлую страну... Въ этомъ отношеніи онъ больше довѣряетъ слѣпо обожающей его матери, а въ особенности своему дядѣ Косяровскому.

Мы болѣе подробно останавливаемся на юношескихъ письмахъ Гоголя, потому что въ нихъ высказался онъ весь, со всѣми сильными и слабыми, здоровыми и больными сторонами своей необыкновенно сложной, геніальной натуры, тонкой, нервной и неуравновѣшенной. Онъ былъ правъ, утверждая потомъ, на закатѣ своей литературной дѣятельности, что онъ всегда оставался вѣренъ себѣ и послѣдователенъ, что онъ очень рано сложился: «Я не совращался съ своего пути, я шелъ тою же дорогою», «отъ ранней юности у меня была одна дорога, по которой иду; я былъ только скрытенъ, потому что не былъ глупъ — вотъ и все».

Послѣдующія письма, относящіяся къ различнымъ періодамъ жизни Гоголя, начиная съ его вступленія на самостоятельную дорогу (при переѣздѣ въ Петербургъ) и кончая послѣдними годами его жизни, выдвигаютъ все тѣ же основные мотивы, съ тою лишь только разницею, что болѣе зрѣлый возрастъ намѣчаетъ ему и болѣе ясныя и широкія перспективы литературной дѣятельности, которая, достигая своего кульминаціоннаго пункта въ созданіи перваго тома «Мертвыхъ Душъ», болѣзненно обрывается въ послѣднее десятилѣтіе жизни великаго писателя, окончательно отравленная медленно разлагающимъ ядомъ мистицизма.

Помимо интереса психологическаго, письма Гоголя представляютъ и глубокій литературный интересъ. Они проливаютъ значительный свѣтъ на исторію его творчества, даютъ понятіе о его тѣсной связи съ малорусской стариной, о привязанности къ родной Украйнѣ и ея пѣснямъ, — привязанности, которая нашла себѣ такое поэтическое выраженіе въ «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки» и «Миргородѣ».

Въ нихъ же находимъ мы глубокое отраженіе эстетическаго чувства, необыкновенное чутье красоты, нѣжно-восторженную любовь къ природѣ. Какой неподдѣльной силой дышатъ его письма объ Италіи и Римѣ, въ который, по словамъ одного изъ современниковъ, Гоголь «былъ влюбленъ»: «Съ какою радостью я бросилъ Швейцарію и полетѣлъ въ мою душеньку, въ мою красавицу Италію! Она моя! Никто въ мірѣ ея не

отниметъ у меня. Я родился здѣсь. Россія, Петербургъ, снѣга, подлецы, департаментъ, каѳедра, театръ — все это мнѣ снилось. Я проснулся опять на родинѣ. Какъ будто съ цѣлью всемогущая рука Провидѣнія бросила меня подъ сверкающее небо Италіи, чтобы я забылъ о горѣ, о людяхъ, о всемъ, и весь впился въ ея роскошныя красы. Она замѣнила мнѣ все». Такой же восторженный гимнъ поетъ онъ украинской веснѣ въ одномъ изъ писемъ къ Максимовичу, когда, скучая и томясь въ сѣромъ, холодномъ, угрюмомъ Петербургѣ, онъ строитъ планы о профессурѣ въ Кіевскомъ университетѣ.

Торопливо бѣжитъ жизнь съ своими суетными заботами каждаго дня, поднимаясь и падая, смѣняются настроенія, меркнутъ однѣ за другими пестрыя краски минутныхъ впечатлѣній, глухо гудитъ жизненная борьба, опрокидывая старыхъ боговъ и воздвигая новые алтари... И посреди всего этого въ смутномъ туманѣ прошлаго встаетъ передъ нами величавая фигура писателя-подвижника, этого «двуликаго Януса», взгляды котораго, съ одной стороны, обращены въ бездонный омутъ человѣческой пошлости, гдѣ кишмя кишатъ вѣчные Собакевичи, Плюшкины, Чичиковы и всякая прочая «нечисть», а другими — «духовными очами» въ невыразимой тоскѣ одиночества хочетъ проникнуть онъ въ «горній міръ» идеаловъ, ищетъ и не находитъ отвѣта...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ редакціи „Историко-литературной Библіотеки" . . . III
Предисловіе составителя V
Біографическій очеркъ VII
Хронологическая канва XV
Гоголь и его письма. XIX

Воспоминанія:

П. В. Анненкова 3
С. Т. Аксакова 27
И. С. Тургенева 55
Н. Н. Папаева. 64
А. О. Смирновой 70
Л. И. Арнольди 83
Кн. Д. А. Оболенскаго 96
Н. В. Берга. 98
Сводъ извѣстій о дальнѣйш. содерж. „Мертвыхъ Душъ" . . 107
Письма 139
Указатель литературы о Гоголѣ 259

ВОСПОМИНАНІЯ о ГОГОЛѢ.

I.

Воспоминанія П. В. Анненкова [1]).

Въ статьѣ «Н. В. Гоголь въ Римѣ» Анненковъ, воспроизводя свои воспоминанія о знакомствѣ съ авторомъ «Мертвыхъ Душъ», описывая встрѣчи съ нимъ въ различные періоды, даетъ необыкновенно яркую характеристику личности писателя, вводитъ насъ въ психологію его творчества до и послѣ поворота.

Чуждый подтасовокъ, рискованныхъ обобщеній, Анненковъ передаетъ только факты, достаточно говорящіе за себя, и рисуетъ Гоголя во весь ростъ, освѣщая то ту, то другую сторону его многогранной, не поддающейся обычнымъ мѣркамъ натуры. Не задаваясь цѣлью писать біографію, онъ въ то же самое время намѣчаетъ тѣ пути, по которымъ долженъ идти будущій изслѣдователь жизни и творчества Н. В., указываетъ на особенности его генія, причудливымъ узоромъ расцвѣчивающія личность писателя и человѣка, предупреждаетъ критика отъ скороспѣлыхъ выводовъ и заключеній, призывая его подходить къ облику великаго поэта съ вдумчивой и благоговѣйной осторожностью... Самъ Анненковъ, слишкомъ близко стоявшій къ Гоголю для того, чтобы имѣть возможность подводить какіе-либо итоги его значенію, сумѣлъ, однако, тонко его почувствовать; не придавая особой важности отдѣльнымъ, случайнымъ проявленіямъ, разсматривалъ его какъ нѣчто цѣлое.

Воспоминанія Анненкова являются одной изъ лучшихъ характеристикъ Гоголя; исполненныя чуткаго,

[1]) Воспоминанія и критическіе очерки, т. I, Спб., 1877, стр. 161 — 240.

проникновеннаго пониманія геніальной личности, они особенно цѣнны по сравненію съ другими отзывами о Н. В. его современниковъ. Это необыкновенно талантливо исполненный эскизъ для будущей грандіозной жизнеописательной картины.

П. В. Анненковъ познакомился съ Гоголемъ около 1832 года и принадлежалъ къ кружку его молодыхъ друзей; состоявшему, главнымъ образомъ, изъ гимназическихъ товарищей Н. В. Кромѣ Петербурга, Анненковъ встрѣчался съ Гоголемъ за границей, жилъ съ нимъ вмѣстѣ въ Римѣ, гдѣ, между прочимъ, подъ диктовку Н. В. переписывалъ подготовлявшійся для печати I томъ «Мертвыхъ Душъ».

Къ сожалѣнію, не имѣя возможности привести статью Анненкова цѣликомъ, мы принуждены брать изъ нея лишь наиболѣе характерные отрывки, при чемъ для приданія имъ большей связи и послѣдовательности, сначала выдѣляемъ все относящееся къ молодому Гоголю, а затѣмъ данныя о совмѣстной жизни Гоголя и Анненкова въ Римѣ и о послѣднемъ періодѣ литературной дѣятельности великаго писателя.

«Въ Петербургѣ около Гоголя [1]) составился кругъ его школьныхъ пріятелей и новыхъ молодыхъ знакомыхъ, которые любили его горячо и были ему по душѣ. Передъ этимъ кругомъ Гоголь всегда стоялъ просто, въ обыкновенной своей позиціи, хотя сосредоточенный, нѣсколько скрытный характеръ и наклонность овладѣвать и управлять людьми не оставляли его никогда. Кромѣ жаркой привязанности, которую онъ питалъ вообще къ двумъ-тремъ товарищамъ своего дѣтства, «ближайшимъ людямъ своимъ», какъ онъ ихъ называлъ, — Гоголю долженъ былъ нравиться и тотъ откровенный энтузіазмъ, который высказывался тутъ къ тогдашней литературной дѣятельности его, несмотря на совершенно короткое, нецеремонное обращеніе пріятелей между собою. Въ этомъ кругѣ онъ встрѣчалъ только ласковыя, часто имъ же воодушевленныя лица,

---

[1]) Въ началѣ 30-хъ годовъ.

и не было ему надобности осматриваться, беречься и отклонять отъ себя взоры. За чертой круга Гоголь открывалъ себѣ широкій путь жизни всѣми средствами, которыя находились въ его богатой натурѣ, не исключая хитрости и сноровки затрогивать наиболѣе живыя струны человѣческаго сердца. Онъ сходилъ съ этой арены въ безвѣстный и, такъ сказать, уединенный кругъ своихъ пріятелей, если не отдыхать (въ это время онъ не отдыхалъ почти никогда, но *жилъ* постоянно всѣми своими способностями), то, по крайней мѣрѣ, сравнивать его безкорыстныя сужденія о себѣ и рядъ надеждъ, возлагаемыхъ на него, съ тѣмъ, что говорилось и дѣлалось по поводу его особы на другомъ, болѣе обширномъ поприщѣ. Онъ былъ простъ передъ своимъ кругомъ, добродушенъ, веселъ, хотя и сохранялъ тонкій, можетъ быть, невольный оттѣнокъ чувства своего превосходства и своего значенія. Мало-по-малу родъ поученія, ободренія и удовольствія, какія онъ почерпалъ въ этомъ кругѣ, становились ему менѣе нужны и менѣе привлекательны; жизнь начала нестись съ такой силой вокругъ него, показались такія горячія, страстныя привязанности, дѣйствовавшія и на общественное мнѣніе, что никѣмъ невѣдомый и запертый въ самомъ себѣ кружокъ долженъ былъ потерять значеніе въ его глазахъ. Притомъ же вскорѣ явились требованія со стороны другихъ приверженцевъ Гоголя, на которыя старый кругъ не могъ отвѣчать, и явленія въ самомъ Гоголѣ, которыя трудно было понять ему; но почти ко всѣмъ его лицамъ Гоголь сохранилъ неизмѣнное расположеніе, доказывавшее теплоту и благородство его сердца... [1]).

...Съ 1830 по 1836 гг., т.-е. вплоть до отъѣзда за границу, Гоголь былъ занятъ исключительно одной

[1]) Здѣсь, какъ и ниже, опущены отступленія Анненкова по поводу біографовъ Гоголя, не сумѣвшихъ дать «цѣльно изображенный его характеръ».

мыслью — открыть себѣ дорогу въ этомъ свѣтѣ, который по злоупотребленію эпитетовъ называется обыкновенно большимъ и пространнымъ... Гоголь перепробовалъ множество родовъ дѣятельности — служебную, актерскую, художническую, писательскую. Съ появленія «Вечеровъ на хуторѣ», имѣвшихъ огромный успѣхъ, дорога, наконецъ, была найдена, но дѣятельность его еще удвоивается послѣ успѣха. Тутъ я съ нимъ и познакомился. Онъ былъ весь обращенъ лицомъ къ будущему, къ расчищенію себѣ путей во всѣ направленія, движимый потребностью развить всѣ силы свои, богатство которыхъ невольно сознавалъ въ себѣ. Необычайная житейская опытность, пріобрѣтенная размышленіями о людяхъ, выказывалась на каждомъ шагу. Онъ исчерпывалъ людей такъ свободно и легко, какъ другіе живутъ съ ними. Не довольствуясь ограниченнымъ кругомъ ближайшихъ знакомыхъ, онъ смѣло вступалъ во всѣ круга, и цѣли его умножались и росли по мѣрѣ того, какъ преодолѣвалъ онъ первыя препятствія на пути... Никто тогда не походилъ болѣе его на итальянскихъ художниковъ XVI вѣка, которые были въ одно время геніальными людьми, благородными любящими натурами—и глубоко практическими умами».

Изображая Гоголя въ первый періодъ его дѣятельности, Анненковъ описываетъ «чайные вечера», на которыхъ собирался тѣсный кружокъ пріятелей. По его словамъ, «на этихъ сходкахъ царствовала веселость, бойкая насмѣшка надъ низостью и лицемѣріемъ, которой журнальные, литературные и всякіе другіе анекдоты служили пищей, но особенно любилъ Гоголь составлять куплеты и пѣсни на общихъ знакомыхъ». Но среди веселости и шутокъ Гоголь чутко прислушивается ко всему, такъ сказать, схватываетъ жизнь налету. На этихъ вечерахъ, между прочимъ, почерпнулъ онъ матеріалъ для «Записокъ сумасшедшаго», здѣсь же услышалъ разсказъ, изъ котораго создалъ впослѣдствіи «Шинель». Анненковъ такъ объ этомъ передаетъ:

«Однажды при Гоголѣ разсказанъ былъ канцелярскій анекдотъ о какомъ то бѣдномъ чиновникѣ, страстномъ охотникѣ за птицей, который необычайной экономіей и неутомимыми, усиленными трудами сверхъ должности накопилъ сумму, достаточную на покупку хорошаго лепажевскаго ружья рублей въ 200 (асс.). Въ первый разъ, какъ на маленькой своей лодочкѣ пустился онъ по Финскому заливу — за добычей, положивъ драгоцѣнное ружье передъ собою на носъ, онъ находился, по его собственному увѣренію, въ какомъ то самозабвеніи и пришелъ въ себя только тогда, какъ, взглянувъ на носъ, не увидалъ своей обновки. Ружье было стянуто въ воду густымъ тростникомъ, черезъ который онъ гдѣ то проѣзжалъ, и всѣ усилія отыскать его были тщетны. Чиновникъ возвратился домой, легъ въ постель и уже не вставалъ: онъ схватилъ горячку. Только общей подпиской его товарищей, узнавшихъ о происшествіи и купившихъ ему новое ружье, возвращенъ онъ былъ къ жизни, но о страшномъ событіи онъ уже не могъ никогда вспоминать безъ смертельной блѣдности на лицѣ... [1]) Всѣ смѣялись анекдоту, имѣвшему въ основаніи истинное происшествіе, исключая Гоголя, который выслушалъ его задумчиво и опустилъ голову. Анекдотъ былъ первой мыслію чудной повѣсти его «Шинель», и она заронилась въ душу его въ тотъ же самый вечеръ. Поэтическій взглядъ на предметы былъ такъ свойственъ его природѣ и казался ему такимъ обыкновеннымъ дѣломъ, что самая теорія творчества, которую онъ излагалъ тогда, отличалась поэтому необыкновенной простотой. Онъ говорилъ, что для успѣха повѣсти и вообще разсказа достаточно, если авторъ опишетъ знакомую ему комнату и знакомую улицу. «У кого есть способность передать живописно свою квартиру, тотъ можетъ быть и весьма

[1]) Многоточіе въ подлинникѣ.

замѣчательнымъ авторомъ впослѣдствіи», говорилъ онъ. На этомъ основаніи онъ побуждалъ даже многихъ изъ своихъ друзей приняться за писательство. Но если теорія была слишкомъ проста и умалчивала о многихъ качествахъ, необходимыхъ писателю, то критика Гоголя, наоборотъ, отличалась разнообразіемъ, глубиной и замѣчательной многосложностью требованій. Не говоря уже о томъ, что онъ угадывалъ по инстинкту всякое не живое, а придуманное лицо, сознаваясь, что оно возбуждаетъ въ немъ почти такое же отвращеніе, какъ трупъ или скелетъ, но Гоголь ненавидѣлъ *идеальничанье* въ искусствѣ прежде критиковъ, возбудившихъ гоненіе на него. Онъ никакъ не могъ пріучить себя къ трескучимъ драмамъ Кукольника, которыя тогда хвалились въ Петербургѣ, ни къ сантиментальнымъ романамъ Полевого, которые тогда хвалились въ Москвѣ. Поэзія, которая почерпается въ созерцаніи живыхъ, существующихъ, дѣйствительныхъ предметовъ, такъ глубоко понималась и чувствовалась имъ, что онъ, постоянно и упорно удаляясь отъ умниковъ, имѣющихъ готовыя опредѣленія на всякій предметъ, постоянно и упорно смѣялся надъ ними и, наоборотъ, могъ проводить цѣлые часы съ любымъ коннымъ заводчикомъ, съ фабрикантомъ, съ мастеровымъ, излагающимъ глубочайшія тонкости *игры въ бабки*, со всякимъ спеціальнымъ человѣкомъ, который далѣе своей спеціальности и ничего не знаетъ... Но, по нашему мнѣнію, важнѣе всего этого была въ Гоголѣ та мысль, которую онъ приносилъ съ собой въ это время повсюду. Мы говоримъ объ энергическомъ пониманіи вреда, производимаго пошлостію, лѣнью, потворствомъ злу, съ одной стороны, и грубымъ самодовольствомъ, кичливостію и ничтожествомъ моральныхъ основаній—съ другой. Онъ относился ко всѣмъ этимъ явленіямъ совсѣмъ не равнодушно, какъ можно заключить даже изъ напечатанныхъ его писемъ о московской журналистикѣ и объ условіяхъ хорошей ко-

медіи. Въ его преслѣдованіи темныхъ сторонъ человѣческаго существованія была страсть, которая и составляла истинное нравственное выраженіе его физіономіи. Онъ и не думалъ еще тогда представлять свою дѣятельность, какъ подвигъ личнаго совершенствованія, да и никто изъ знавшихъ его не согласится видѣть въ ней намеки на какое-либо страданіе, томленіе, жажду примиренія и проч. Онъ ненавидѣлъ пошлость откровенно и наносилъ ей удары, къ какимъ только была способна его рука, съ единственной цѣлью: потрясти ее, если можно, въ основаніи. Этотъ родъ одушевленія сказывался тогда во всей его особѣ, составляя и существенную часть нравственной красоты ея. Честь безкорыстной борьбы за добро, во имя только самаго добра и по одному только отвращенію къ извращенной и опошленной жизни, должна быть удержана за Гоголемъ этой эпохи, даже и противъ него самого, еслибы нужно было. Несомнѣнныя историческія свидѣтельства суть важнѣе признаній автора, подсказанныхъ другого рода соображеніями и сильнымъ подавляющимъ вліяніемъ новыхъ идей, позднѣе возникшихъ въ его сердцѣ».

Переходя затѣмъ къ причинамъ, заставившимъ Гоголя уѣхать за границу, авторъ воспоминаній указываетъ, между прочимъ, на «неуспѣхъ его университетскаго преподаванія», на «ожесточенное преслѣдованіе новыхъ его книгъ: «Миргородъ» и «Арабески» тогдашней критикой». Анненковъ обращаетъ вниманіе на то, что Гоголь придавалъ большое значеніе мнѣнію и толкамъ публики, которая въ то время (въ Петербургѣ) относилась къ нему «подозрительно и недовѣрчиво», и приводитъ характерный въ этомъ отношеніи разсказъ о первомъ представленіи «Ревизора».

«Послѣдній ударъ нанесенъ былъ представленіемъ «Ревизора». Читатель долженъ хорошо помнить превосходное описаніе этого театральнаго вечера, данное самимъ Гоголемъ. Хлопотливость автора во время по-

становки своей піесы, казавшаяся странной, выходящей изъ всѣхъ обыкновеній и даже, какъ говорили, изъ всѣхъ приличій, горестно оправдалась водевильнымъ характеромъ, сообщеннымъ главному лицу комедіи, и пошло-каррикатурнымъ, отразившимся на другихъ. Гоголь пострадалъ весь этотъ вечеръ. Мнѣ, свидѣтелю этого перваго представленія, позволено будетъ сказать, что изображала сама зала театра въ продолженіе 4 часовъ замѣчательнѣйшаго спектакля, когда-либо имъ видѣннаго. Уже послѣ перваго акта недоумѣніе было написано на всѣхъ лицахъ (публика была избранная въ полномъ смыслѣ слова), словно никто не зналъ, какъ должно думать о картинѣ, только что представленной. Недоумѣніе это возрастало потомъ съ каждымъ актомъ. Какъ будто находя успокоеніе въ одномъ предположеніи, что дается фарсъ, большинство зрителей, выбитое изъ всѣхъ театральныхъ ожиданій и привычекъ, остановилось на этомъ предположеніи съ непоколебимой рѣшимостію. Однакоже въ этомъ фарсѣ были черты и явленія, исполненныя такой жизненной истины, что раза два, особенно въ мѣстахъ, наименѣе противорѣчащихъ тому понятію о комедіи вообще, которое сложилось въ большинствѣ зрителей, раздавался общій смѣхъ. Совсѣмъ другое произошло въ четвертомъ актѣ: смѣхъ, по временамъ, еще перелеталъ изъ конца залы въ другой, но это былъ какой то робкій смѣхъ, тотчасъ же и пропадавшій; аплодисментовъ почти совсѣмъ не было; зато напряженное вниманіе, судорожное, усиленное слѣдованіе за всѣми оттѣнками піесы, иногда мертвая тишина показывали, что дѣло, происходившее на сценѣ, страстно захватывало сердца зрителей. По окончаніи акта прежнее недоумѣніе уже переродилось почти во всеобщее негодованіе, которое довершено было пятымъ актомъ. Многіе вызывали автора потомъ за то, что написалъ комедію, другіе за то, что виденъ талантъ въ нѣкоторыхъ сце-

нахъ, простая публика за то, что смѣялась, но общій голосъ, слышавшійся по всѣмъ сторонамъ избранной публики, былъ: «Это невозможность, клевета и фарсъ». По окончаніи спектакля, Гоголь явился къ Н. Я. Прокоповичу [1]) въ раздраженномъ состояніи духа. Хозяинъ вздумалъ поднесть ему экземпляръ «Ревизора», только что вышедшій изъ печати, со словами: «Полюбуйтесь на сынку». Гоголь швырнулъ экземпляръ на полъ, подошелъ къ столу и, опираясь на него, проговорилъ задумчиво: «Господи Боже! Ну, еслибы одинъ, два ругали, ну, и Богъ съ ними, а то всѣ, всѣ»...

Въ началѣ лѣта 1836 года Гоголь уѣхалъ за границу на пароходѣ. Онъ дѣйствительно «усталъ душой и тѣломъ», какъ самъ говоритъ. Шесть лѣтъ безпрерывнаго труда, разнообразныхъ предпріятій и волненій, даже не принимая во вниманіе послѣднихъ тяжелыхъ ударовъ, нанесенныхъ всѣмъ его ожиданіямъ, — требовали сами собой отдыха».

Заграница мало удовлетворяла Гоголя; отъ шумной жизни Франціи и Германіи онъ уѣзжаетъ въ Римъ, гдѣ проводитъ весну 1837 года, а затѣмъ живетъ почти безпрерывно съ осени 1837 по осень 1839. Вліяніе Рима на Гоголя было очень сильное и подготовляло почву для того поворота, къ которому постепенно приближалась душа писателя.

«...Вліяніе (Рима) начинаетъ все болѣе усиливаться и проявляется отвращеніемъ къ европейской цивилизаціи, наклонностію къ художническому уединенію, сосредоточенностію мысли, поискомъ за крѣпкимъ основаніемъ, которое могло бы держать духъ въ напряженномъ довольствѣ однимъ самимъ собою. Со всѣмъ тѣмъ особенности эти, возникающія мало-по-малу въ характерѣ Гоголя, до такой степени еще слиты съ прежнимъ сво-

[1]) Нѣжинскому товарищу.

боднымъ и многостороннимъ направленіемъ, что указать начало ихъ, первый, такъ сказать, толчокъ, подвигнувшій умъ въ эту сторону, нѣтъ никакой возможности. Это все равно, что желать подсмотрѣть минуту, когда зарождается болѣзнь въ человѣкѣ, или уловить мгновеніе, когда начинается развитіе какой-либо части въ организмѣ его. Мало-по-малу также Гоголь погружается весь въ новый свой трудъ: «Мертвыя Души». Если эта поэма, по справедливости, можетъ назваться памятникомъ его, какъ писателя, то съ не меньшей основательностію позволено сказать, что въ ней готовилъ онъ себѣ и гробницу, какъ человѣку. «Мертвыя Души» была та подвижническая келья, въ которой онъ бился и страдалъ до тѣхъ поръ, пока вынесли его бездыханнымъ изъ нея... Лѣтомъ 1841 г., когда я встрѣтилъ Гоголя, онъ стоялъ на рубежѣ новаго направленія, принадлежа двумъ различнымъ мірамъ. По тайнымъ стремленіямъ своей мысли, онъ уже относился къ строгому исключительному міру, открывавшемуся впереди; по вкусамъ, нѣкоторымъ частнымъ воззрѣніямъ и привычкамъ художнической независимости — къ прежнему направленію. Послѣднее уже преобладало въ немъ, но онъ уже доживалъ сочтенные дни своей молодости, ея стремленій, борьбы, паденій и — ея славы!» [1])

«Поселившись рядомъ съ Гоголемъ, въ комнатѣ, двери которой почти всегда были отворены, я связанъ былъ съ Николаемъ Васильевичемъ только однимъ часомъ дня, когда занимался перепиской «Мертвыхъ Душъ». Остальное время мы жили розно, и каждый по-своему. Правда, въ теченіе дня сталкивались мы другъ у друга довольно часто, а вечера обыкновенно проводили вмѣстѣ, но важно было то, что между нами существовало молчаливое условіе не давать чувство-

[1]) Дальше идетъ у Анненкова разсказъ о празднованіи святой недѣли въ Римѣ.

вать себя товарищу ни подъ какимъ видомъ. Гоголь вообще любилъ тѣ отношенія между людьми, гдѣ нѣтъ никакихъ связующихъ правъ и обязательствъ, гдѣ отъ него ничего не требовали. Онъ тогда только и давалъ что-либо отъ себя. Въ Римѣ система эта, предоставивъ каждому полную свободу дѣйствій, поставила каждаго въ нравственную независимость, которою онъ всего болѣе дорожилъ».

О самомъ процессѣ переписки «Мертвыхъ Душъ» Анненковъ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ:

«...Гоголь крѣпче притворялъ внутреннія ставни оконъ отъ неотразимаго южнаго солнца, я садился за круглый столъ, а Николай Васильевичъ, разложивъ передъ собой тетрадку на томъ же столѣ подалѣе, весь уходилъ въ нее и начиналъ диктовать мѣрно, торжественно, съ такимъ чувствомъ и полнотой выраженія, что главы перваго тома «Мертвыхъ Душъ» пріобрѣли въ моей памяти особенный колоритъ. Это было похоже на спокойное, правильно-разлитое вдохновеніе, какое порождается обыкновенно глубокимъ созерцаніемъ предмета. Николай Васильевичъ ждалъ терпѣливо моего послѣдняго слова и продолжалъ новый періодъ тѣмъ же голосомъ, проникнутымъ сосредоточеннымъ чувствомъ и мыслію. Превосходный тонъ этой поэтической диктовки былъ такъ истиненъ въ самомъ себѣ, что не могъ быть ничѣмъ ослабленъ или измѣненъ. Часто ревъ итальянскаго осла пронзительно раздавался въ комнатѣ, затѣмъ слышался ударъ палки по бокамъ его и сердитый вскрикъ женщины: Ecco, ladrone (вотъ тебѣ, разбойникъ!) — Гоголь останавливался, проговаривалъ, улыбаясь: «Какъ разнѣжился, негодяй!» и снова начиналъ вторую половину фразы съ той же силой и крѣпостью, съ какой вылилась у него ея первая половина. Случалось также, что онъ прекращалъ диктовку на моихъ орѳографическихъ замѣткахъ, обсужи-

валъ дѣло и, какъ будто не было ни малѣйшаго перерыва въ теченіи его мыслей, возвращался свободно къ своему тону, къ своей поэтической нотѣ. Помню, напримѣръ, что, передавая ему написанную фразу, я вмѣсто продиктованнаго имъ слова: «щекатурка» — употребилъ «штукатурка». Гоголь остановился и спросилъ: «Отчего такъ?» — «Да, правильнѣе, кажется». — Гоголь побѣжалъ къ книжнымъ шкафамъ своимъ, вынулъ оттуда какой то лексиконъ, пріискалъ нѣмецкій корень слова, русскую его передачу и, тщательно обслѣдовавъ всѣ доводы, закрылъ книгу и поставилъ опять на мѣсто, сказавъ: «А за науку спасибо». Затѣмъ онъ сѣлъ попрежнему въ кресло, помолчалъ немного, и снова полилась та же звучная, повидимому, простая, но возвышенная и волнующая рѣчь. Случалось такъ, что прежде исполненія моей обязанности переписчика, я въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опрокидывался назадъ и разражался хохотомъ. Гоголь глядѣлъ на меня хладнокровно, но ласково улыбался и только проговаривалъ: «Старайтесь не смѣяться, Жюль» [1]). Дѣйствительно, я зналъ, что переписка замедляется подобнымъ выраженіемъ личныхъ моихъ ощущеній, и дѣлалъ усилія надъ самимъ собой, но въ тѣ годы усилія эти рѣдко сопровождались успѣхомъ. Впрочемъ, самъ Гоголь иногда слѣдовалъ моему примѣру и вторилъ мнѣ при случаѣ какимъ то сдержаннымъ полусмѣхомъ, если могу такъ выразиться. Это случилось, напримѣръ, послѣ окончанія «Повѣсти о капитанѣ Копейкинѣ», первая редакція которой, далеко превосходящая въ силѣ и развитіи напечатанную, только не-

[1]) Это названіе дано было Анненкову самимъ Н. В.: «Надо сказать, что около 1832 года, когда я впервые познакомился съ Гоголемъ, — разсказываетъ авторъ воспоминаній, — онъ далъ всѣмъ своимъ товарищамъ по Нѣжинскому лицею и ихъ пріятелямъ прозвища, украсивъ ихъ именами *знаменитыхъ* французскихъ писателей, которыми тогда восхищался весь Петербургъ... Не знаю, почему я получилъ титулъ Жюль-Жанена, подъ которымъ я состоялъ до конца».

давно сдѣлалась извѣстна публикѣ. Когда, по окончаніи повѣсти, я отдался неудержимому порыву веселости, Гоголь смѣялся вмѣстѣ со мною и нѣсколько разъ спрашивалъ: «Какова повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ?» — «Но увидитъ ли она печать когда-нибудь?» замѣтилъ я. «Печать — пустяки», отвѣчалъ Гоголь съ самоувѣренностью: «все будетъ въ печати». Еще гораздо сильнѣе выразилось чувство авторскаго самодовольствія въ главѣ, гдѣ описывается садъ Плюшкина. Никогда еще паѳосъ диктовки, помню, не достигалъ такой высоты въ Гоголѣ, сохраняя всю художническую естественность, какъ въ этомъ мѣстѣ. Гоголь даже всталъ съ кресель (видно было, что природа, имъ описываемая, носится въ эту минуту передъ глазами его) и сопровождалъ диктовку гордымъ, какимъ то повелительнымъ жестомъ. По окончаніи всей этой изумительной VI главы, я былъ въ волненіи и, положивъ перо на столъ, сказалъ откровенно: «Я считаю эту главу, Николай Васильевичъ, геніальной вещью». Гоголь крѣпко сжалъ маленькую тетрадку, по которой диктовалъ, въ кольцо и произнесъ тонкимъ, едва слышнымъ голосомъ: «Повѣрьте, что и другія не хуже ея». Въ ту же минуту, однакожъ, возвысивъ голосъ, онъ продолжалъ: «Знаете ли, что намъ до сепаге (ужина) осталось еще много: пойдемте смотрѣть сады Саллюстія, которыхъ вы еще не видали, и въ виллу Людовизи постучимся» [1]). По свѣтлому выраженію его лица, да и по самому предложенію видно было, что впечатлѣнія диктовки привели его въ веселое состояніе духа. Это ока-

[1]) ...Сады Саллюстія — нынѣ живописный огородъ, въ которомъ разбросаны руины бывшихъ построекъ, а великолѣпная вилла Людовизи замѣчательна тѣмъ, что отворяется для немногихъ посѣтителей, надѣленныхъ особенной рекомендаціей посланниковъ или значительныхъ лицъ города. Въ ней, какъ извѣстно, сохраняются колоссальный бюстъ Юноны и знаменитая статуя «Арія и Петусъ». Причину ея недоступности объясняютъ покражей или порчей, произведенной въ ней какими то англійскими туристами.

Прим. автора.

залось еще болѣе на дорогѣ. Гоголь взялъ съ собой зонтикъ на всякій случай, и какъ только повернули мы налѣво отъ дворца Барберини въ глухой переулокъ, онъ принялся пѣть разгульную малороссійскую пѣсню, наконецъ, пустился просто въ плясъ и сталъ вывертывать зонтикомъ на воздухѣ такія штуки, что не далѣе двухъ минутъ, ручка зонтика осталась у него въ рукахъ, а остальное полетѣло въ сторону. Онъ быстро поднялъ отломленную часть и продолжалъ пѣсню. Такъ отозвалось удовлетворенное художническое чувство: Гоголь праздновалъ миръ съ самимъ собою, и въ значеніи этого бурнаго порыва веселости, который вполнѣ напомнилъ мнѣ стараго Гоголя, я не ошибся и тогда [1]).

...Такъ, взлелѣянный уединеніемъ Рима, онъ весь предался творчеству и пересталъ читать и заботиться о томъ, что дѣлается въ остальной Европѣ. Онъ самъ говорилъ, что, въ извѣстныя эпохи, одна хорошая книга достаточна для наполненія всей жизни человѣка. Въ Римѣ онъ только перечитывалъ любимыя мѣста изъ Данте, «Иліады» Гнѣдича и стихотвореній Пушкина. Это было совершенно вровень, такъ сказать, съ городомъ, который подъ управленіемъ папы Григорія XVI обращенъ былъ офиціально и формально только къ прошлому. Добродушный пастырь этотъ, такъ ласково улыбавшійся народу при церемоніальныхъ поѣздахъ и съ такою любовію благословлявшій его, умѣлъ остановить всѣ новыя почки европейской образованности и европейскихъ стремленій, завязавшіяся въ его паствѣ, и когда умеръ, они еще поражены были онѣмѣніемъ. О томъ, какими средствами достигъ онъ своей цѣли, никто изъ иностранцевъ не спрашивалъ: это составляло домашнюю тайну римлянъ, до которой никому особеннаго дѣла не было. Гоголь, вѣроятно, зналъ ее: это

---

[1]) Послѣ краткаго разсказа объ обѣдѣ Анненковъ переходитъ къ вліянію Рима на Гоголя.

видно даже по намекамъ въ его статьѣ [1]), гдѣ мнѣніе народа о господствующемъ клерикальномъ сословіи нисколько не скрыто; но она не тревожила его, потому что если не оправдывалась, то, по крайней мѣрѣ, объяснялась воззрѣніемъ на Римъ. Вотъ собственныя его слова изъ статьи: «Самое духовное правительство, этотъ странный, уцѣлѣвшій призракъ минувшихъ временъ, осталось какъ будто для того, чтобы сохранить народъ отъ посторонняго вліянія... чтобы до времени въ тишинѣ таилась его гордая народность». Послѣдующія событія доказали, что народъ не былъ сохраненъ отъ посторонняго вліянія, и подтвердили убѣдительнымъ образомъ старую истину, что государство, находящееся въ Европѣ, не можетъ убѣжать отъ Европы... Необычайными мѣрами, еще въ нѣкоторой степени продолжающимися и теперь, съ него была снята только работа, требуемая временемъ и его необходимостями, и благодаря этому обстоятельству народъ предался однимъ своимъ природнымъ наклонностямъ, артистическому веселью, остроумной безпечности и столь свойственному ему художническому творчеству... Стремленіе римскаго населенія сдѣлаться причастникомъ общихъ благъ просвѣщенія и развитія признается теперь законнымъ почти всѣми, но оно жило во многихъ сердцахъ и тогда. Гоголь зналъ это, но встрѣчалъ явленіе съ нѣкоторой грустью. Помню, разъ на мое замѣчаніе, «что, вѣроятно, въ самомъ Римѣ есть люди, которые иначе смотрятъ на него, чѣмъ мы съ нимъ», Гоголь отвѣчалъ почти со вздохомъ: «Ахъ, да, батюшка, есть, есть такіе». Далѣе онъ не продолжалъ. Видно было, что утрата нѣкоторыхъ старыхъ обычаевъ, прозрѣваемая имъ въ будущемъ и почти неизбѣжная при новыхъ стремленіяхъ, поражала его непріятнымъ образомъ. Онъ былъ влюбленъ, смѣю сказать, въ свое воззрѣніе на Римъ, да тутъ же дѣйство-

[1]) «Римъ».

валъ отчасти и малороссійскій элементъ, всегда охотно обращенный къ тому, что носитъ печать стародавняго или его напоминаетъ [1]).

...Вообще слѣдуетъ помнить, что въ эту эпоху онъ былъ занятъ внутренней работой, которая началась для него со второго тома «Мертвыхъ Душъ», тогда же имъ предпринятаго, какъ я могу утверждать положительно. Значеніе этой работы никѣмъ еще не понималось вокругъ него, и только впослѣдствіи можно было разобрать, что для второго тома «Мертвыхъ Душъ» началъ онъ сводить къ одному общему выраженію какъ свою жизнь, образъ мыслей, нравственное направленіе, такъ и самый взглядъ на духъ и свойство русскаго общества... Онъ осматривалъ и взвѣшивалъ явленія, готовясь оторваться отъ однихъ и пристроиться къ другимъ. Такъ, напримѣръ, долго, съ великимъ вниманіемъ и съ великимъ участіемъ слушалъ онъ горячія повѣствованія о Россіи, заносимыя въ Римъ пріѣзжими, но ничего не говорилъ въ отвѣтъ, оставляя послѣднее слово и рѣшеніе для самого себя. Отсюда также и тѣ длинные часы нѣмого созерцанія, какому предавался онъ въ Римѣ. На дачѣ княгини З. Волконской [2]), упиравшейся въ старый римскій водопроводъ, который служилъ ей террассой, онъ ложился спиной на аркаду богатыхъ, какъ называлъ, древнихъ римлянъ, и по полусуткамъ смотрѣлъ въ голубое небо, на мертвую и великолѣпную римскую Кампанью. Такъ точно было и въ Тиволи, въ густой растительности, окружающей его *каскателли* [3]); онъ садился гдѣ-нибудь въ чащѣ, упиралъ зоркіе, недвижные глаза въ темную зелень, купами сбѣгавшую по скаламъ, и оставался недви-

---

[1]) Дальше Анненковъ говоритъ о ненависти Гоголя къ Франціи и французамъ.

[2]) Писательница, пріятельница Пушкина и Веневитинова, перешедшая въ 30-хъ годахъ въ католицизмъ.

[3]) Маленькіе искусственные водопады.

жимъ цѣлые часы съ воспаленными щеками. Разъ послѣ вечера, проведеннаго съ однимъ знакомымъ живописца Овербека, разсказывавшимъ о попыткахъ этого мастера воскресить простоту, ясность, скромное и набожное созерцаніе живописцевъ до-Рафаэлевой эпохи, мы возвращались домой, и я былъ удивленъ, когда Гоголь, внимательно и напряженно слушавшій разсказъ, замѣтилъ въ раздумьи: «Подобная мысль могла только явиться въ головѣ нѣмецкаго педанта». Такъ еще никому собственно не принадлежалъ онъ, и выходъ изъ этого душевнаго состоянія явился уже послѣ отъѣзда моего изъ Рима. Я засталъ предуготовительный процессъ: борьбу, нерѣшительность, томительную муку соображеній...

Одна только сторона въ Гоголѣ не потерпѣла ничего и оставалась во всей своей цѣлости — именно художническое его чувство. Гоголь не только безъ устали любовался тогдашнимъ Римомъ, но и увлекалъ неудержимо всѣхъ къ тому же поклоненію чудесамъ его... [1]) Мы, разумѣется, весьма прилежно осматривали памятники, музеи, дворцы, картинныя галлереи, гдѣ Гоголь почти всегда погружался въ нѣмое созерцаніе, рѣдко прерываемое отрывистымъ замѣчаніемъ. Только уже по прошествіи нѣкотораго времени развязывался у него языкъ, и можно было услыхать его сужденіе о видѣнныхъ предметахъ. Всего замѣчательнѣе, что скульптурныя произведенія древнихъ тогда еще производили на него сильное впечатлѣніе. Онъ говорилъ про нихъ: «То была религія, иначе нельзя бы и проникнуться такимъ чувствомъ красоты».

Можетъ статься, всего тяжелѣе было для позднѣйшаго Гоголя побѣдить врожденное благоговѣніе къ высокой, непогрѣшительной, идеальной пластической формѣ, ка-

[1]) Дальше говорится объ отношеніяхъ Гоголя къ религіозной и общественной жизни Рима.

кое высказывалось у него въ мое время поминутно. Онъ часто забѣгалъ въ мастерскую извѣстнаго Тенерани любоваться его «Флорой», приводимой тогда къ окончанію, и съ восторгомъ говорилъ о чудныхъ линіяхъ, которыя представляетъ она со всѣхъ сторонъ и особенно сзади: «Тайна красоты линій, — прибавлялъ онъ, — потеряна теперь во Франціи, Англіи, Германіи и сохраняется только въ Италіи»... Никогда не забывалъ Гоголь, при разговорѣ о римскихъ женщинахъ или даже при встрѣчѣ съ замѣчательной женской фигурой, какихъ много въ этой странѣ, сказать: «А еслибы посмотрѣть на нее въ одномъ только одѣяніи цѣломудрія, такъ скажешь: женщина эта съ неба сошла». Не нужно, полагаю, толковать, что поводомъ ко всѣмъ словамъ такого рода было одно артистическое чувство его: жизнь велъ онъ всегда цѣломудренную, близкую даже къ суровости и, если исключить маленькія гастрономическія прихоти, болѣе исполненную лишеній, чѣмъ довольства».

Описывая настроеніе Гоголя этой поры (1841 г.) Анненковъ указываетъ на его необыкновенный юморъ, который сохранялся еще «въ полной свѣжести, несмотря на возникающую потребность идеализаціи окружающаго и приближающійся переломъ въ его жизни», подчеркиваетъ живую, бодрую наблюдательность, которая не пропускала ничего въ окружавшей его своеобразной жизни папскаго Рима.

Бодрое настроеніе, часто проявлявшееся у него тогда, вызывалось «полнотой внутренней жизни и творчества», вѣра въ свои силы звучала доминирующимъ аккордомъ, который впослѣдствіи перешелъ въ мистическій взглядъ на свое призваніе. Это настроеніе тонко подмѣтилъ и передалъ Анненковъ въ своей статьѣ:

«Не надо забывать, что вмѣстѣ съ полнотой внутренней жизни и творчества, Гоголь обнаруживалъ въ это время и признаки самонадѣянности, которая высказывалась иногда въ быстромъ замѣчаніи, иногда въ гордомъ мимолетномъ словѣ, выдававшемъ тайну его мы-

сли. Онъ еще тогда вполнѣ сберегалъ довѣренность къ себѣ, наслаждался чувствомъ своей силы и полагалъ высокія надежды на себя и на дѣятельность свою. О скромности и христіанскомъ смиреніи еще и помину не было. Такъ, при самомъ началѣ моего пребыванія въ Римѣ, разгуливая съ нимъ по отдаленнымъ улицамъ его, мы коснулись неожиданно Пушкина и недавней его смерти. Я замѣтилъ, что кончина поэта сопровождалась явленіемъ, въ высшей степени отраднымъ и поучительнымъ: она разбудила хладнокровный дѣловой Петербургъ и потрясла его... [1]) Гоголь отвѣчалъ тотчасъ же какимъ то горделивымъ, пророческимъ тономъ, поразившимъ меня: «Что мудренаго? человѣка всегда можно потрясти... То ли еще будетъ съ нимъ... увидите»...[2])

...Съ приближеніемъ къ концу своего завѣтнаго труда, Гоголь начинаетъ уже смотрѣть на себя, какъ на человѣка, въ жизни котораго слышатся шаги невѣдомаго, таинственнаго предопредѣленія. Взглядъ этотъ на самого себя все болѣе и болѣе укрѣпляется по мѣрѣ развитія работы и, наконецъ, переходитъ въ убѣжденіе, которое нераздѣльно срастается со всѣмъ его существованіемъ. При повѣркѣ его писемъ всѣми извѣстными обстоятельствами его жизни, мы видимъ, какъ по мѣрѣ окончанія какой-либо части романа, свѣжихъ, живыхъ отпрысковъ, данныхъ имъ, или обогащенія его какимъ-либо новымъ представленіемъ, Гоголь проникается каждымъ изъ этихъ явленій, настраиваетъ душу на высокій ладъ и возвѣщаетъ друзьямъ событіе торжественными, пророческими намеками, приводившими ихъ въ такое недоумѣніе сначала. Онъ смотритъ на самого себя при такихъ случаяхъ со стороны (объективно) и гово-

[1]) Многоточіе въ подлинникѣ.

[2]) Дальше Анненковъ говоритъ объ юморѣ Гоголя, его отношеніяхъ къ болѣзни и смерти и причинахъ происшедшаго въ немъ нравственнаго перелома.

ритъ о себѣ прямо съ благоговѣніемъ, какое слѣдуетъ питать ко всякому, хотя бы и непонятному орудію предопредѣленія. Его вдохновенные, лирическіе возгласы, частое провозвѣстіе близкаго и великаго будущаго до того совпадаютъ съ годами и эпохами окончанія разныхъ частей романа, съ намѣреніями автора въ отношеніи ихъ, что могутъ служить несомнѣнными свидѣтельствами хода его работъ и предпріятій».

О нѣкоторыхъ сторонахъ Гоголя, какъ человѣка, Анненковъ сообщаетъ очень интересныя и характерныя данныя: нервный, болѣзненный Н. В. боялся чужихъ физическихъ страданій, которыя отражались на его собственной впечатлительной и легко возбудимой натурѣ, а потому старался избѣгать самаго вида болѣзни.

...«Кажется, видъ страданія былъ невыносимъ для него, какъ и видъ смерти. Картина немощи если не погружала его въ горькое лирическое настроеніе, какъ это случилось у постели больного графа Іосифа Віельгорскаго въ 1839 году [1]), то уже гнала его прочь отъ себя: онъ не могъ вытерпѣть природнаго безобразія всякихъ физическихъ страданій. Что касается до созерцанія смерти, извѣстно, какъ подѣйствовалъ на весь организмъ его гробъ г-жи Хомяковой, за которымъ онъ самъ послѣдовалъ вскорѣ въ могилу. Вообще при сердцѣ, способномъ на глубокое сочувствіе, Гоголь лишенъ былъ дара и умѣнья прикасаться собственными руками къ ранамъ ближняго. Ему недоставало для этого той особенной твердости характера, которая не всегда встрѣчается и у самыхъ энергическихъ людей. Бѣду и заботу человѣка онъ переводилъ на разумный примѣръ добраго посредника и помогалъ ближнему совѣтомъ, заступничествомъ, связями, но никогда не переживалъ съ нимъ горечи страданія, никогда не былъ съ нимъ въ живомъ, такъ сказать, натуральномъ общеніи. Онъ могъ отдать страждущему свою мысль, свою мо-

[1]) См. «Ночи на виллѣ» Гоголя.

литву, пламенное желаніе своего сердца, но самого себя ни въ какомъ случаѣ не отдавалъ. Нельзя и требовать отъ натуры человѣка, чего въ ней не заключается (довольно, что натура была благородная и любящая посвоему), но замѣчаніе это показалось намъ совершенно необходимымъ въ виду тѣхъ безразличныхъ, ничего не выражающихъ фразъ объ «ангельской» душѣ, «необычайномъ» сердцѣ и проч., которыя расточаются біографами Гоголя въ опытахъ изображенія его характера— и характеръ его нисколько не опредѣляютъ».

Послѣ отъѣзда своего изъ Рима, Анненковъ не видался съ Гоголемъ до 1846 г., когда одновременно имъ пришлось быть въ Парижѣ. Встрѣча эта была очень непродолжительная; притомъ первый разъ онъ видѣлъ Н. В. всего на нѣсколько минутъ, а второе свиданіе происходило въ присутствіи большого общества, Гоголь былъ молчаливъ и ограничивался лишь прочтеніемъ полученной имъ изъ Россіи «Рѣчи» одного изъ извѣстныхъ духовныхъ проповѣдниковъ. Наружность Гоголя этого періода онъ описываетъ слѣдующими словами:

...«Гоголь постарѣлъ, но пріобрѣлъ особеннаго рода красоту, которую нельзя иначе опредѣлить, какъ красотой мыслящаго человѣка. Лицо его поблѣднѣло, осунулось; глубокая, томительная работа мысли положила на немъ ясную печать истощенія и усталости, но общее выраженіе его показалось мнѣ какъ то свѣтлѣе и спокойнѣе прежняго. Это было лицо философа. Оно оттѣнялось, по-старому, длинными, густыми волосами до плечъ, въ рамѣ которыхъ глаза Гоголя не только что не потеряли своего блеска, но, казалось мнѣ, еще болѣе исполнились огня и выраженія».

Весной того же года они опять, совершенно случайно, на нѣсколько часовъ столкнулись въ Бамбергѣ. Анненковъ встрѣтилъ Н. В., когда тотъ во время остановки дорожнаго дилижанса пошелъ осматривать знаменитый старинный соборъ. Во время этой прогулки у нихъ произошелъ разговоръ, въ которомъ ярко уже

проглядываютъ черты новаго настроенія великаго писателя.

...«Гоголь принялъ серьезный, торжественный видъ: онъ собирался послать изъ Швальбаха, куда ѣхалъ, первую тетрадку «Выбранной переписки» [1]) въ Петербургъ и, по обыкновенію, весь былъ проникнутъ важностью, значеніемъ, будущими громадными слѣдствіями новой публикаціи. Я тогда еще и не понималъ настоящаго смысла таинственныхъ, пророческихъ его намековъ, которые уяснились мнѣ только впослѣдствіи. «Намъ остается немного времени», сказалъ онъ мнѣ, когда мы стали медленно спускаться съ горы, «и я вамъ скажу нужную для васъ вещь... Что вы дѣлаете теперь?» Я отвѣчалъ, что нахожусь въ Европѣ подъ обаяніемъ простого чувства любопытства. Гоголь помолчалъ и потомъ началъ говорить отрывисто; фразы его звучатъ у меня въ ушахъ и въ памяти до сихъ поръ: «Это черта хорошая... но все же это безпокойство... надо же и остановиться когда-нибудь... Если все вѣшать на одномъ гвоздѣ, такъ уже слѣдуетъ запастись, по крайней мѣрѣ, хорошимъ гвоздемъ... Знаете ли что?.. Пріѣзжайте на зиму въ Неаполь... я тоже тамъ буду». Не помню, что я отвѣчалъ ему, только Гоголь продолжалъ: «Вы услышите въ Неаполѣ вещи, которыхъ и не ожидаете... Я вамъ скажу то, что до васъ касается... да, лично до васъ... Человѣкъ не можетъ предвидѣть, гдѣ найдетъ его нужная помощь... Я вамъ говорю пріѣзжайте въ Неаполь... я открою тогда секретъ, за который вы будете меня благодарить». Полагая, что настоящій смыслъ загадочныхъ словъ Гоголя можетъ быть объясненъ приближающимся срокомъ его вояжа въ Іерусалимъ, для котораго онъ ищетъ теперь товарища, я высказалъ ему свою догадку... «Нѣтъ, — отвѣчалъ Гоголь. — Конечно, это дѣло хорошее... мы могли

[1]) «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями».

бы вмѣстѣ сдѣлать путешествіе, но прежде можетъ случиться еще нѣчто такое, что васъ самихъ перевернетъ... тогда вы уже и рѣшите сами все... только пріѣзжайте въ Неаполь... Кто знаетъ, гдѣ застигнетъ человѣка новая жизнь...» Въ голосѣ его было такъ много глубокаго чувства, такъ много сильнаго внутренняго убѣжденія, что, не давая рѣшительнаго слова, я обѣщалъ, однакоже, серьезно подумать о его предложеніи. Гоголь пересталъ говорить объ этомъ предметѣ и остальную дорогу съ какой то задумчивостью, исполненной еще страсти и сосредоточенной энергіи, если смѣю такъ выразиться, мѣрнымъ, отрывистымъ, но пламеннымъ словомъ сталъ дѣлать замѣчанія объ отношеніяхъ европейскаго современнаго быта къ быту Россіи. Не привожу всего, что говорилъ онъ тогда о лицахъ и вещахъ, да и не все сохранилось въ памяти моей. «Вотъ,— сказалъ онъ разъ,— начали бояться у насъ европейской неурядицы — пролетаріата... думаютъ, какъ изъ русскихъ мужиковъ сдѣлать нѣмецкихъ фермеровъ... А къ чему это?.. Можно ли раздѣлить мужика съ землею?.. Какое же тутъ пролетаріатство? Вы вѣдь подумайте, что мужикъ нашъ плачетъ отъ радости, увидавъ землю свою; нѣкоторые ложатся на землю и цѣлуютъ ее, какъ любовницу. Это что-нибудь да значитъ!.. Объ этомъ то и надо поразмыслить». Вообще онъ былъ убѣжденъ тогда, что русскій міръ составляетъ отдѣльную сферу, имѣющую свои законы, о которыхъ въ Европѣ не имѣютъ понятія. Какъ теперь смотрю на него, когда онъ высказывалъ эти мысли своимъ протяжнымъ, медленно-текущимъ голосомъ, исполненнымъ силы и выраженія. Это былъ совсѣмъ другой Гоголь, чѣмъ тотъ, котораго я оставилъ въ Парижѣ, и разнился онъ значительно съ Гоголемъ римской эпохи. Все въ немъ установилось, опредѣлилось и выработалось. Задумчиво шагалъ онъ по мостовой въ коротенькомъ пальто своемъ, съ глазами, устремленными по-

стоянно въ землю и поглощенный такъ сильно мыслями, что, вѣроятно, не могъ дать отчета себѣ о физіономіи Бамберга черезъ пять минутъ послѣ выѣзда изъ него. Между тѣмъ мы подошли къ дилижансу; тамъ уже впрягали лошадей, и пассажиры начинали суетиться около мѣстъ своихъ. «А что, развѣ вы и въ самомъ дѣлѣ останетесь безъ обѣда?» спросилъ я. — «Да, кстати, хорошо, что напомнили: нѣтъ ли здѣсь гдѣ кондитерской или пирожной?» Пирожная была подъ рукою. Гоголь выбралъ аккуратно десятокъ сладкихъ пирожковъ, съ яблоками, черносливомъ и варенъемъ, велѣлъ ихъ завернуть въ бумагу и потащилъ съ собой этотъ обѣдъ, который, конечно, не былъ способенъ укрѣпить его силы. Мы еще немного постояли у дилижанса, когда раздалась труба кондуктора. Гоголь сѣлъ въ купе, помѣстившись какъ то бокомъ къ своему сосѣду нѣмцу пожилыхъ лѣтъ, сунулъ передъ собой куда то пакетъ съ пирожками и сказалъ мнѣ: «Прощайте еще разъ... Помните мои слова... Подумайте о Неаполѣ». Затѣмъ онъ поднялъ воротникъ шинели, которую накинулъ на себя при входѣ въ купе, принялъ выраженіе мертваго каменнаго безстрастія и равнодушія, которыя должны были отбить всякую охоту къ разговору у сотоварища его путешествія, и въ этомъ положеніи статуи съ полузакрытымъ лицомъ, тупыми, ничего не выражающими глазами, еще кивнулъ мнѣ головой... Карета тронулась.

Такимъ образомъ расквитался я съ нимъ съ моей стороны за проводы изъ Альбано [1]). Мы также разстались у дилижанса въ то время, но какая разница между тогдашнимъ, живымъ, бодрымъ Гоголемъ и нынѣшнимъ восторженнымъ и отчасти измученнымъ болѣзнію мысли, отразившейся и на красивомъ, впаломъ лицѣ его».

---

[1]) Когда Анненковъ уѣзжалъ изъ Рима, Гоголь его провожалъ до Альбано.

II.

Изъ воспоминаній С. Т. Аксакова [1]).

«Исторія моего знакомства съ Гоголемъ» представляетъ изъ себя очень интересный матеріалъ для характеристики личности творца «М. Д.» какъ по многимъ даннымъ, сообщаемымъ Аксаковымъ, такъ и по той необыкновенной искренности и правдивости, которой проникнута эта книга. Вся семья Аксаковыхъ, въ особенности же сынъ С. Т., Константинъ Серг., относилась къ Гоголю съ рѣдкой симпатіей, часто доходившей до восторженнаго поклоненія, и этой дружбѣ не измѣнила до конца. Чувство благоговѣйнаго уваженія къ Н. В. сквозитъ въ каждой строкѣ воспоминаній, писанныхъ уже тогда, когда авторъ ихъ старался подвести итоги своимъ впечатлѣніямъ и составить прежде *для самого себя* цѣльное представленіе о Гоголѣ, главнымъ образомъ, какъ о личности. Многія странности и шероховатости характера великаго писателя часто ставятъ Аксакова въ тупикъ, но онъ далекъ отъ того, чтобы рѣшить вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ для Гоголя и, если у него нѣтъ объясненія тому или иному поступку, онъ старается истолковать его, какъ проявленіе геніальной, непохожей на другихъ натуры Гоголя, къ которой не примѣнимы никакія обычныя мѣрки. И въ то же самое время Аксаковъ чуждъ какого-либо умалчиванія — съ трогательной простотой и откровенностью онъ ведетъ свою «лѣтопись», будучи увѣренъ, что слишкомъ высоко стоитъ Гоголь для того, чтобы отдѣльныя мелочи могли бросить на него тѣнь, оскорбить его память.

Аксаковъ познакомился съ Гоголемъ въ 1832 году въ Москвѣ. Вотъ какъ разсказываетъ онъ объ этомъ знакомствѣ и о впечатлѣніи, произведенномъ на него тогдашнимъ Гоголемъ:

«По субботамъ постоянно обѣдали у насъ и проводили вечеръ короткіе мои пріятели. Въ одинъ изъ та-

[1]) Исторія моего знакомства съ Гоголемъ. М. 1890.

кихъ вечеровъ, въ кабинетѣ моемъ, находившемся въ мезонинѣ, игралъ я въ карты въ четверной бостонъ, а человѣка три не игравшихъ сидѣли около стола. Въ комнатѣ было жарко, и нѣкоторые, въ томъ числѣ и я, сидѣли безъ фраковъ. Вдругъ Погодинъ, безъ всякаго предувѣдомленія, вошелъ въ комнату съ неизвѣстнымъ мнѣ очень молодымъ человѣкомъ, подошелъ прямо ко мнѣ и сказалъ: «Вотъ вамъ Николай Васильевичъ Гоголь!» Эффектъ былъ сильный. Я очень сконфузился, бросился надѣвать сюртукъ, бормоча пустыя слова пошлыхъ рекомендацій. Во всякое другое время я не такъ бы встрѣтилъ Гоголя. Всѣ мои гости... тоже какъ то озадачились и молчали. Пріемъ былъ не то что холодный, но конфузный. Игра на время прекратилась; но Гоголь и Погодинъ упросили меня продолжать игру, потому что замѣнить меня было некому. Скоро, однако, прибѣжалъ Константинъ, бросился къ Гоголю и заговорилъ съ нимъ съ большимъ чувствомъ и пылкостью. Я очень обрадовался и разсѣянно продолжалъ игру, прислушиваясь однимъ ухомъ къ словамъ Гоголя; но онъ говорилъ тихо, и я ничего не слыхалъ.

Наружный видъ Гоголя былъ тогда совершенно другой и невыгодный для него: хохолъ на головѣ, гладко подстриженные височки, выбритые усы и подбородокъ, большіе и крѣпко накрахмаленные воротнички придавали совсѣмъ другую физіономію его лицу: намъ показалось, что въ немъ было что то хохлацкое и плутоватое. Въ платьѣ Гоголя примѣтна была претензія на щегольство. У меня осталось въ памяти, что на немъ былъ пестрый свѣтлый жилетъ съ большой цѣпочкой. У насъ остались портреты, изображающіе его въ тогдашнемъ видѣ, подаренные впослѣдствіи Константину самимъ Гоголемъ [1]).

[1]) Вѣроятно, копіи портрета Венеціанова.

...Черезъ часъ онъ ушелъ, сказавъ, что побываетъ у меня на-дняхъ, какъ-нибудь пораньше утромъ и попроситъ сводить его къ Загоскину, съ которымъ ему очень хотѣлось познакомиться, и который жилъ очень близко отъ меня. Константинъ тоже не помнитъ своихъ разговоровъ съ нимъ, кромѣ того, что Гоголь сказалъ про себя, что онъ былъ прежде толстякъ, а теперь боленъ; но помнитъ, что онъ держалъ себя непривѣтливо, небрежно и какъ то свысока, чего, разумѣется, не было, но могло такъ показаться. Ему не понравились манеры Гоголя, который произвелъ на всѣхъ безъ исключенія невыгодное, несимпатичное впечатлѣніе. Отдать визитъ Гоголю не было возможности, потому что не знали, гдѣ онъ остановился: Гоголь не хотѣлъ этого сказать.

Черезъ нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ я уже предупредилъ Загоскина, что Гоголь хочетъ съ нимъ познакомиться и что я приведу его къ нему, явился ко мнѣ довольно рано Николай Васильевичъ. Я обратился къ нему съ искренними похвалами его «Диканькѣ», но, видно, слова мои показались ему обыкновенными комплиментами, и онъ принялъ ихъ очень сухо. Вообще въ немъ было что-то отталкивающее, не допускавшее меня до искренняго увлеченія и излія-нія, къ которымъ я способенъ до излишества. По его просьбѣ мы скоро пошли пѣшкомъ къ Загоскину. Дорогой онъ удивилъ меня тѣмъ, что началъ жаловаться на свои болѣзни... и сказалъ даже, что боленъ неизлѣчимо. Смотря на него изумленными и недовѣрчивыми глазами, потому что онъ казался здоровымъ, я спросилъ его: «Да чѣмъ же вы больны?» Онъ отвѣчалъ неопредѣленно и сказалъ, что причина его болѣзни находится въ кишкахъ. Дорогой разговоръ шелъ о Загоскинѣ. Гоголь хвалилъ его за веселость, но сказалъ, что онъ не то пишетъ, что слѣдуетъ, особенно для театра. Я легкомысленно возразилъ, что у насъ писать не о чемъ,

что въ свѣтѣ все такъ однообразно, гладко, прилично и пусто, что

...даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

но Гоголь посмотрѣлъ на меня какъ то значительно и сказалъ, что «это неправда, что комизмъ кроется вездѣ, что, живя посреди него, мы его не видимъ, но что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы же сами надъ собой будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его». Можетъ быть, онъ выразился не совсѣмъ такими словами, но мысль была точно та. Я былъ ею озадаченъ, особенно потому, что никакъ не ожидалъ ее услышать отъ Гоголя. Изъ послѣдующихъ словъ я замѣтилъ, что русская комедія его сильно занимала, и что у него есть свой оригинальный взглядъ на нее».

Послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ отношенія между Гоголемъ и семьей Аксакова стали короче и дружественнѣе. Въ 1836 г. Гоголь хлопоталъ по поводу постановки «Ревизора» въ Москвѣ, которую поручилъ М. С. Щепкину. Этотъ послѣдній въ виду затрудненій съ артистами обратился къ С. Т. Аксакову съ просьбой принять на себя завѣдываніе постановкой піесы, т. к. С. Т. пользовался большимъ авторитетомъ и въ средѣ актеровъ и въ дирекціи театра. Аксаковъ обратился съ письмомъ къ Гоголю и получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ:

«Я получилъ пріятное для меня письмо ваше. Участіе ваше меня тронуло. Пріятно думать, что среди многолюдной неблаговолящей толпы скрывается тѣсный кружокъ избранныхъ, повѣряющій творенія наши вѣрнымъ внутреннимъ чувствомъ и вкусомъ; еще болѣе пріятно, когда глаза его обращаются на творца ихъ съ тою любовью, какая дышитъ въ письмѣ вашемъ.— Я не знаю, какъ благодарить васъ за готовность вашу принять на себя обузу и хлопоты по моей піесѣ. Я поручилъ ее уже Щепкину и писалъ объ этомъ письмо

къ Загоскину. Если же ему точно нѣтъ возможности ладить самому съ дирекціей, и если онъ не отдавалъ еще письма, то извѣстите меня, я въ ту же минуту приготовлю новое письмо къ Загоскину. Самъ я никакимъ образомъ не могу пріѣхать къ вамъ, потому что занятъ приготовленіями къ моему отъѣзду, который будетъ если не 30 мая, то 6 іюня непремѣнно. Но по возвращеніи изъ чужихъ краевъ я постоянный житель столицы древней.

Еще разъ принося вамъ чувствительнѣйшую мою благодарность, остаюсь навсегда вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Н. Гоголь».

Вспоминая позднѣе это начало своей переписки съ великимъ писателемъ, Аксаковъ писалъ: «Какъ это странно, что письмо такое простое, искреннее не понравилось всѣмъ и даже мнѣ».

Отсюда начинается долговременная и тяжелая исторія неполнаго пониманія Гоголя людьми самыми ему близкими, искренно и горячо его любившими, называвшимися его друзьями! Безграничной, безусловной довѣренности въ свою искренность Гоголь не имѣлъ до своей смерти. Нельзя предположить, чтобъ всѣ мы были виноваты въ этомъ безъ всякаго основанія; оно заключалось въ наружности обращенія и въ необъяснимыхъ странностяхъ его духа. Это матерія длинная и, чтобы бросить на нее нѣкоторый свѣтъ, заранѣе скажу только, что впослѣдствіи я часто говаривалъ для успокоенія Шевырева и особенно Погодина: «Господа, ну какъ мы можемъ судить Гоголя по себѣ? Можетъ быть, у него всѣ нервы вдесятеро тоньше нашихъ и устроены какънибудь вверхъ ногами!» На что Погодинъ со смѣхомъ отвѣчалъ: «Развѣ что такъ!»

Послѣ пятилѣтняго отсутствія Гоголь опять появляется въ Москвѣ въ домѣ у Аксаковыхъ, уже въ качествѣ совершенно близкаго, своего человѣка.

«Наружность Гоголя такъ перемѣнилась, что его можно было не узнать: слѣдовъ не было прежняго, гладковыбритаго и обстриженнаго (кромѣ хохла) франтика въ модномъ фракѣ! Прекрасные бѣлокурые густые волосы лежали у него почти по плечамъ; красивые усы, эспаньолка довершали перемѣну; всѣ черты лица получили совсѣмъ другое значеніе; особенно въ глазахъ, когда онъ говорилъ, выражалась доброта, веселость и любовь ко всѣмъ; когда же онъ молчалъ или задумывался, то сейчасъ изображалось въ нихъ серьезное устремленіе къ чему то высокому. Сюртукъ, въ родѣ пальто, замѣнилъ фракъ, который Гоголь надѣвалъ только въ совершенной крайности. Самая фигура Гоголя въ сюртукѣ сдѣлалась благообразнѣе. Шутки Гоголя, которыхъ передать нѣтъ никакой возможности, были такъ оригинальны и забавны, что неудержимый смѣхъ одолѣвалъ всѣхъ, кто его слушалъ, самъ же онъ всегда шутилъ не улыбаясь...

...Гоголь сказалъ намъ, что ему надобно ѣхать въ Петербургъ, чтобъ взять сестеръ своихъ изъ Патріотическаго института, гдѣ онѣ воспитывались на казенномъ содержаніи. Мать Гоголя должна была весною пріѣхать за дочерьми въ Москву».

Аксакову тоже нужно было ѣхать въ Петербургъ, опредѣлять въ Пажескій корпусъ сына, и они отправились вмѣстѣ, выѣхавъ 26 октября 1839 г.

...«Я взялъ особый дилижансъ, раздѣленный на два купе: въ заднемъ — я съ Вѣрой [1]). Оба купе сообщались двумя небольшими окнами, въ которыхъ деревянныя рамки можно было поднимать и опускать: съ нашей стороны въ рамкахъ были вставлены два зеркала. Это путешествіе было для меня и для дѣтей моихъ такъ пріятно, такъ весело, что я и теперь вспоминаю о немъ

[1]) Дочерью С. Т.

съ удовольствіемъ. Гоголь былъ такъ любезенъ, такъ постоянно шутливъ, что мы помирали со смѣху. Всѣ эти шутки обыкновенно происходили на станціяхъ или при разговорахъ съ кондукторомъ и ямщиками. Самый обыкновенный вопросъ или какое-нибудь требованіе Гоголь умѣлъ такъ сказать забавно, что мы сейчасъ начинали хохотать; иногда даже было намъ совѣстно передъ Гоголемъ, особенно когда мы бывали окружены толпою слушателей. Въ продолженіе дороги, которая тянулась болѣе четырехъ сутокъ, Гоголь говорилъ иногда съ увлеченіемъ о жизни въ Италіи, о живописи (которую очень любилъ, и къ которой имѣлъ рѣшительный талантъ), объ искусствѣ вообще, о комедіи въ особенности, о своемъ «Ревизорѣ», очень сожалѣя о томъ, что главная роль Хлестакова играется дурно въ Петербургѣ и Москвѣ, отъ чего піеса теряла весь смыслъ (хотя въ Москвѣ онъ не видалъ «Ревизора»). Онъ предлагалъ мнѣ, воротясь изъ Петербурга, разыграть «Ревизора» на домашнемъ театрѣ; самъ хотѣлъ взять роль Хлестакова, мнѣ предлагалъ городничаго, Томашевскому (съ которымъ я успѣлъ его познакомить), служившему цензоромъ въ почтамтѣ, назначалъ роль почтмейстера, и такъ далѣе. Много высказывалъ Гоголь такихъ ясныхъ и вѣрныхъ взглядовъ на искусство, такихъ тонкихъ пониманій художества, что я былъ очарованъ имъ. Большую же часть во время ѣзды, закутавшись въ шинель, поднявъ ея воротникъ выше головы, онъ читалъ какую то книгу, которую пряталъ подъ себя или клалъ въ мѣшокъ, который всегда выносилъ съ собою на станціяхъ. Въ этомъ огромномъ мѣшкѣ находились принадлежности туалета: какое то масло, которымъ онъ мазалъ свои волосы, усы и эспаньолку, нѣсколько головныхъ щетокъ, изъ которыхъ одна была очень большая и кривая; ею Гоголь расчесывалъ свои длинные волосы. Тутъ же были ножницы, щипчики и щеточки для ногтей, наконецъ, нѣсколько книгъ. Сосѣдъ Гоголя, че-

тырнадцатилѣтній Миша [1]), живой и веселый, всегда показывалъ намъ знаками, что дѣлалъ Гоголь, читаетъ или дремлетъ. Миша подсмотрѣлъ даже, какую книгу онъ читалъ: это былъ Шекспиръ на французскомъ языкѣ».

Далѣе Аксаковъ подробно изображаетъ заботы Гоголя о своихъ сестрахъ, сопряженныя съ тяжелыми матеріальными хлопотами, доставлявшими Н. В. не мало страданій. Пребываніе въ Петербургѣ затянулось довольно долго, а затѣмъ Аксаковъ съ дочерью и Гоголь съ сестрами вернулись въ Москву, куда пріѣхала и мать Н. В., о которой Аксаковъ отзывается съ необыкновенной симпатіей.

...«Передъ Святой недѣлей пріѣхала мать Гоголя съ его меньшой сестрой. Взглянувъ на Марью Ивановну (такъ зовутъ мать Гоголя) и поговоря съ ней нѣсколько минутъ отъ души, можно было понять, что у такой женщины могъ родиться такой сынъ. Это было доброе, нѣжное, любящее существо, полное эстетическаго чувства, съ легкимъ оттѣнкомъ кроткаго юмора. Она была такъ моложава, такъ хороша собой, что ее рѣшительно можно было назвать только старшею сестрою Гоголя».

«Марья Ивановна — женщина необыкновенная. Она такъ моложава и хороша собой, что дочери кажутся при ней дурными. Она вся исполнена самоотверженія и тихой любви къ своимъ дѣтямъ; она отдала имъ свое сердце и сама не только не имѣетъ воли, но даже своихъ желаній; по крайней мѣрѣ, не показываетъ ихъ. Сына любитъ она болѣе всего на свѣтѣ и между тѣмъ должна отъ него почти отказаться, видѣть изрѣдка и то на короткое время. Лицо ея постоянно грустно, особенно послѣ отъѣзда Николая Васильевича; она плачетъ мало, но видно, какъ глубоко огорчена, и между тѣмъ говоритъ, что не надобно грустить, ибо у нихъ есть повѣрье, что тотъ человѣкъ, о которомъ грустятъ,

[1]) Сынъ С. Т. Аксакова.

будетъ отъ того грустить больше... Какъ то странно видѣть мать Гоголя и слышать, какъ она говоритъ о немъ. Напримѣръ: «*Когда Николенька писалъ «Мертвыя Души», онъ желалъ только добра людямъ*» и т. п. выраженія въ этомъ родѣ... Она, конечно, не можетъ смотрѣть на него иначе, какъ на сына, и во всѣхъ словахъ о немъ слышится материнское чувство, даже тогда, когда она говоритъ о немъ, какъ о великомъ писателѣ. Какъ она боится того впечатлѣнія, которое произведетъ на цѣлую Россію его новая книга! Она боится непріязненнаго впечатлѣнія только потому, что это можетъ его разстроить и повредить его здоровью. Какъ интересны всѣ тѣ мелочныя подробности, которыя она разсказываетъ про дѣтство своего Николеньки. Напримѣръ, какъ онъ написалъ одинъ разъ какое то сочиненіе и поднесъ ей, а потомъ самъ же тихонько утащилъ его и, вѣроятно, истребилъ, какъ она подозрѣваетъ, и пр. и пр. Какъ она смотритъ на портретъ сына, который онъ оставилъ ей, и который въ самомъ дѣлѣ похожъ чрезвычайно! Какъ она объясняетъ то, что выражается на лицѣ его. «Онъ улыбается», говоритъ она, «но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думаетъ грустное; какъ будто хочетъ сказать людямъ: вы ошибаетесь во мнѣ, моя душа чиста и ясна, и много любви въ ней!..» Она увидала одинъ разъ только вышедшій томъ «Мертвыхъ Душъ», лежавшій на столѣ у насъ въ гостиной; она развернула книгу и прочла: «О моя юность, о моя свѣжесть»... и залилась слезами. Поразительно было видѣть, какъ по наружности молодая, прекрасная и свѣжая женщина оплакивала увядшую юность и свѣжесть своего сына».

Приводимая дальше часть воспоминаній относится уже къ болѣе поздней эпохѣ — времени возвращенія Гоголя изъ Рима въ 1841 году.

«Въ этотъ годъ послѣдовала сильная перемѣна въ Гоголѣ, не въ отношеніи къ наружности, а въ отно-

шеніи къ его нраву и свойствамъ. Впрочемъ, и по наружности онъ сталъ худъ, блѣденъ, и тихая покорность волѣ Божіей слышна была въ каждомъ его словѣ; гастрономическаго направленія и прежней проказливости какъ будто не бывало. Иногда, очевидно, безъ намѣренія, слышался юморъ и природный его комизмъ; но смѣхъ слушателей, прежде не противный ему или не замѣчаемый имъ, въ настоящее время сейчасъ заставлялъ его перемѣнить тонъ разговора. Проявленіе послѣдней его проказливости случилось во время переѣзда Гоголя изъ Петербурга въ Москву. Онъ пріѣхалъ въ одной почтовой каретѣ съ Петр. Ив. Пейкеромъ и сидѣлъ съ нимъ въ одномъ купе. Замѣтя, что товарищъ очень обрадовался сосѣдству знаменитаго писателя, онъ увѣрилъ его, что онъ не *Гоголь*, а *Гогель*, прикинулся смиреннымъ простячкомъ, круглымъ сиротой и разсказалъ о себѣ преплачевную исторію. Притомъ на всѣ вопросы отвѣчалъ: «Нѣтъ, не знаю».

Затѣмъ, какъ разсказываетъ Аксаковъ, Гоголь встрѣтился у нихъ въ домѣ съ этимъ самымъ Пейкеромъ и тотъ узналъ «въ Гоголѣ несноснаго своего сосѣда Гогеля».

...«Въ это время, т.-е. въ концѣ 1841 года и въ началѣ 1842 года, начали возникать неудовольствія между Гоголемъ и Погодинымъ. Гоголь молчалъ, но казался разстроеннымъ, а Погодинъ началъ сильно жаловаться на Гоголя: на его капризность, скрытность, неискренность, даже ложь, холодность и невниманіе къ хозяевамъ, т.-е. къ нему, къ его женѣ, къ матери и къ тещѣ, которыя будто бы ничѣмъ не могли ему угодить. Я долженъ признаться, къ сожалѣнію, что жалобы и обвиненія Погодина казались такъ правдоподобными, что сильно смущали мое семейство и отчасти меня самого, а также и Шевырева. Я, однако, объясняя себѣ поступки Гоголя его природною скрытностью и замкнутостью, его правилами, принятыми сыздѣтства,

что иногда должно не только не говорить настоящей правды людямъ, но и выдумывать всякій вздоръ для скрытія истины, я старался успокоить другихъ моими объясненіями... Я тогда еще не вполнѣ понималъ Погодина и потому не догадывался, что главнѣйшею причиною его неудовольствія было то, что Гоголь ничего не давалъ ему въ журналъ [1]), чего онъ постоянно и грубо требовалъ, несмотря на всѣ уже приведенныя мною письмо Гоголя [2]). Послѣ объяснилось, что Погодинъ нилилъ, мучилъ Гоголя не только словами, но даже записками, требуя статей себѣ въ журналъ и укоряя его въ неблагодарности, которыя посылалъ ему ежедневно снизу наверхъ. Такая жизнь сдѣлалась мученьемъ для Гоголя и была единственною причиною его скораго отъѣзда за границу. Теперь для меня ясно, что грубая, черствая, топорная натура Погодина, лишенная отъ природы или отъ воспитанія всѣхъ нервъ, передающихъ чувства деликатности, разборчивости, нѣжности, не могла иначе поступать съ натурою Гоголя, самою поэтическою, воспріимчивою и по преимуществу нѣжною. Погодинъ сдѣлалъ много добра Гоголю, хлопоталъ за него горячо всегда и вездѣ, передавалъ ему много денегъ (не имѣя почти никакого состоянія и имѣя на рукахъ большое семейство), содержалъ его съ сестрами и съ матерью у себя дома и по всему этому считалъ, что онъ имѣетъ полное право распоряжаться въ свою пользу талантомъ Гоголя и заставлять его писать въ издаваемый имъ журналъ...

...Я сказалъ, что были случаи, въ которыхъ я никакъ не умѣлъ объяснить себѣ поступковъ Гоголя;

---

[1]) Погодинъ издавалъ «Москвитянинъ».

[2]) Въ письмахъ къ Аксакову Н. В. неоднократно ссылается на то, какъ трудно и тяжело ему отрываться отъ своего труда, въ которомъ онъ видитъ свое призваніе, свой подвигъ,—для журнальной статьи: «И для презрѣннаго журнальнаго ли, пошлаго, занятаго ежедневнымъ дрязгомъ, я долженъ совершать непрощаемыя преступленія?» говоритъ онъ, но все-таки дальше прибавляетъ, что статья будетъ готова.

именно въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ 1842 г. было два такихъ случая. Пріѣхалъ въ Москву старый мой, еще по гимназіи, товарищъ и другъ, Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ; онъ былъ прекраснѣйшій человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, умный, образованный, живой, добрый, любящій и одаренный сильнымъ эстетическимъ чувствомъ. Кромѣ того, что онъ, по крайней мѣрѣ, до изданія «Мертв. Д.», понималъ и цѣнилъ Гоголя, онъ былъ съ нимъ очень дружески знакомъ въ Римѣ и, какъ гостепріимный славянинъ, не одинъ разъ угощалъ у себя Гоголя. Княжевичъ очень обрадовался, узнавъ, что мы съ Гоголемъ друзья, и что онъ бываетъ у насъ всякій день. Я думалъ, что и Гоголь этому обрадуется. Что же вышло? Въ первый разъ, когда Княжевичъ первый разъ пріѣхалъ къ намъ при Гоголѣ и сталъ здороваться съ кѣмъ то за дверьми маленькой гостиной, въ который мы всѣ сидѣли, Гоголь непримѣтно юркнулъ въ мой кабинетъ, и когда мы хватились его, то узнали, что онъ поспѣшно убѣжалъ изъ дому. Такой поступокъ поразилъ всѣхъ насъ, особенно удивилъ Княжевича. На другой день продолжалась такая же исторія, только съ тою разницею, что Гоголь не убѣжалъ изъ дому, когда пріѣхалъ Княжевичъ, а спрятался въ дальній кабинетецъ, схватилъ книгу, усѣлся въ большія кресла и притворился спящимъ. Онъ оставался въ такомъ положеніи болѣе двухъ часовъ и также потихоньку уѣхалъ. На вопросы, что съ нимъ сдѣлалось, онъ отвѣчалъ самыми дѣтскими отговорками: въ первый пріѣздъ Княжевича онъ будто вспомнилъ какое то необходимое дѣло, по которому надобно было ему сейчасъ уѣхать, а въ другой разъ будто ему такъ захотѣлось спать, что онъ не могъ тому противиться, а проснувшись, почувствовалъ головную боль и необходимость поскорѣе освѣжиться на чистомъ воздухѣ. Мы всѣ были не только поражены изумленіемъ, но даже оскорблены. Я хотѣлъ даже заставить

Гоголя объясниться съ Княжевичемъ, но послѣдній упросилъ меня этого не дѣлать и даже взялъ съ меня честное слово, что я и наединѣ не стану говорить объ этомъ съ Гоголемъ. Онъ думалъ, что, вѣроятно, Гоголю что-нибудь насказали, и что онъ имѣетъ на него неудовольствіе. Княжевичъ такъ любилъ горячо и меня и Гоголя, что буквально счелъ бы за несчастіе быть причиною размолвки между нами. Несмотря на то, наше обращеніе съ Гоголемъ измѣнилось и стало холоднѣе. Гоголь притворился, что не примѣчаетъ того. На третій день опять пріѣхалъ Княжевичъ съ дочерью, тогда какъ мы съ Гоголемъ сидѣли всѣ въ моемъ кабинетѣ. Мы всѣ сейчасъ встали, пошли навстрѣчу своему гостю и, затворивъ Гоголя въ кабинетѣ, расположились въ гостиной. Черезъ полчаса вдругъ двери отворились, вбѣжалъ Гоголь и съ словами: «Ахъ, здравствуйте, Дмитрій Максимовичъ!..» протянулъ ему обѣ руки, кажется, даже обнялъ его, и началась самая дружеская бесѣда пріятелей, не видавшихся давно другъ съ другомъ... Точно онъ встрѣтился съ нимъ въ первый разъ послѣ разлуки, и точно прошедшихъ двухъ дней не бывало. Покорно прошу объяснить такую странность! Всякое объясненіе казалось мнѣ такъ невыгоднымъ для Гоголя, что я уже никогда не говорилъ съ нимъ объ этомъ, въ чемъ раскаиваюсь теперь».

Другой случай, передаваемый Аксаковымъ, изображаетъ «бѣгство» Гоголя изъ театра во время представленія «Ревизора», когда публика стала устраивать ему овацію. Публика этимъ внезапнымъ исчезновеніемъ, по словамъ Серг. Тимоф., была «очень недовольна, сочла такой поступокъ оскорбительнымъ и приписала его безмѣрному самолюбію и гордости автора». На другой день Гоголь, какъ говоритъ Аксаковъ, «одумался» и написалъ директору театра извинительное письмо для сообщенія публикѣ, въ которомъ «благодарилъ, извинялся и наклепалъ на себя небывалыя обстоятельства». Письмо это, впрочемъ, оглашено не было.

Передъ отъѣздомъ Гоголя въ Палестину произошелъ случай, хорошо обрисовывающій мистическое направленіе Н. В.

«Черезъ нѣсколько дней, передъ вечеромъ, уѣзжалъ я въ клубъ, и всѣ меня провожали до передней. Вдругъ входитъ Гоголь съ образомъ Спасителя въ рукахъ и сіяющимъ, просвѣтленнымъ лицомъ. Такого выраженія въ глазахъ у него я никогда не видывалъ. Гоголь сказалъ: «Я все ждалъ, что кто-нибудь благословитъ меня образомъ, и никто не сдѣлалъ этого; наконецъ, Иннокентій благословилъ меня. Теперь я могу объявить, куда я ѣду: ко Гробу Господню». Онъ провожалъ Иннокентія, и тотъ, прощаясь, благословилъ его образомъ. Иннокентію, какъ архіерею, весьма естественно было благословить Гоголя образомъ; но Гоголь давно желалъ, чтобы его благословила Ольга Семеновна [1]), а прямо сказать не хотѣлъ. Онъ все ожидалъ, что она почувствуетъ къ этому влеченіе и даже самъ подговаривался, но Ольга Семеновна не догадывалась, да и какъ было догадаться? Признаюсь, я не былъ доволенъ ни просвѣтленнымъ лицомъ Гоголя, ни намѣреніемъ его ѣхать ко святымъ мѣстамъ. Все это казалось мнѣ напряженнымъ нервнымъ состояніемъ и особенно страннымъ въ Гоголѣ, какъ художникѣ, — и я уѣхалъ въ клубъ. Безъ меня было много разговоровъ объ этомъ предметѣ, и особенно Вѣра приставала къ Гоголю съ многими вопросами, которые, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ были ему пріятны. Напримѣръ, на вопросъ: «Съ какимъ намѣреніемъ онъ пріѣзжалъ въ Россію: съ тѣмъ ли, чтобъ остаться въ ней навсегда, или съ тѣмъ, чтобы такъ скоро уѣхать?» Гоголь отвѣчалъ: «Съ тѣмъ, чтобъ проститься». Всѣмъ извѣстно, что и письменно и словесно Гоголь высказывалъ совсѣмъ другое намѣреніе. На вопросъ, надолго ли ѣдетъ онъ, Гоголь отвѣчалъ

[1]) Жена С. Т. Аксакова.

различно. Сначала сказалъ, что уѣзжаетъ на два года, потомъ, что на десять и, наконецъ, что онъ ѣдетъ на пять лѣтъ. Ольга Семеновна сказала ему, что теперь она ожидаетъ отъ него описанія Палестины, на что Гоголь отвѣчалъ: «Да, я опишу вамъ ее, но для того мнѣ надо очиститься и быть достойну». Черезъ нѣсколько времени онъ ушелъ, оставя образъ у насъ, и взялъ его уже на другой день».

Вскорѣ состоялся и отъѣздъ Гоголя, котораго провожали друзья, въ томъ числѣ, конечно, и Аксаковы. Во время проводовъ Гоголь обратился съ просьбой къ С. Т. Аксакову:

...«старательно вслушиваться во всѣ сужденія и отзывы о «Мертвыхъ Душахъ», предпочтительно дурные, записывать ихъ изъ слова въ слова и всѣ безъ исключенія сообщать ему въ Италію. Онъ увѣрялъ меня, что это ему необходимо; просилъ, чтобъ я не пренебрегалъ мнѣніями и замѣчаніями людей самыхъ глупыхъ и ничтожныхъ, особенно людей, расположенныхъ къ нему враждебно. Онъ думалъ, что злость, напрягая и изощряя умъ самаго пошлаго человѣка, можетъ открыть въ сочиненіи такіе недостатки, которые ускользали не только отъ пристрастныхъ друзей, но и отъ людей, равнодушныхъ къ личности автора, хотя бы они были очень умны и образованы».

Въ описаніи этихъ проводовъ С. Т. невольно высказываетъ грустное удивленіе по поводу того, что Гоголь такъ спокойно разстается съ друзьями и съ Россіей «безъ всякихъ искреннихъ дружескихъ изліяній».

«Гоголь внутренно былъ чрезвычайно радъ, что уѣзжаетъ изъ Москвы, но глубоко скрывалъ свою радость. Онъ чувствовалъ въ то же время, что обманулъ наши ожиданія и уѣзжаетъ слишкомъ рано, тогда какъ обѣщалъ навсегда оставаться въ Москвѣ. Онъ чувствовалъ, что мы, для которыхъ было закрыто внутреннее состояніе его души, его мучительное положеніе въ домѣ По-

година, котораго оставить онъ не могъ безъ огласки, имѣли полное право обвинять его въ причудливости, непостоянствѣ, капризности, пристрастіи къ Италіи и въ холодности къ Москвѣ и Россіи... Мы воротились съ прогулки довольно скучной [1]), сѣли обѣдать, выпили здоровье Гоголя привезеннымъ съ собою шампанскимъ и, сидя за столомъ, продолжали разговаривать о разныхъ пустякахъ до пріѣзда дилижанса, который явился очень скоро. Увидавъ дилижансъ, Гоголь торопливо всталъ, началъ собираться и простился съ нами, равно какъ и мы съ нимъ, не съ такимъ сильнымъ чувствомъ, какого можно было ожидать. Товарищемъ Гоголя въ купе опять случился военный, съ иностранной фамиліей, кажется, нѣмецкой, но человѣкъ необыкновенной толщины. Гоголь и тутъ, для предупрежденія разныхъ объясненій и любопытства, назвалъ себя *Гонолемъ* и даже записался такъ, предполагая, что не будутъ справляться съ его паспортомъ. Хотя я давно начиналъ быть иногда недоволенъ поступками Гоголя, но въ ту минуту я все забылъ и чувствовалъ только горесть, что великій художникъ покидаетъ отечество и насъ. Горькое чувство овладѣло мною, когда захлопнулись дверцы дилижанса; образъ Гоголя исчезъ въ немъ, и дилижансъ покатился по Петербургскому шоссе. Въ то же время, какъ мы отправились провожать Гоголя, его мать съ дочерьми и Ольга Семеновна, также съ дочерьми, отправились въ двухъ экипажахъ къ Троицѣ, помолиться Богу. Марья Ивановна была очень огорчена: сердце матери предчувствовало долгую разлуку».

---

[1]) Гоголя провожали до станціи Химки, находящейся по нынѣшней Николаевск. дорогѣ.

Къ воспоминаніямъ С. Т. Аксакова.

Роль семьи Аксаковыхъ въ перипетіяхъ душевной трагедіи Гоголя всего лучше выясняется изъ переписки С. Т. и Н. В. Въ отдѣлѣ писемъ Гоголя читатели найдутъ отвѣтныя письма великаго писателя. Здѣсь, въ видѣ дополненія къ выдержкамъ изъ воспоминаній старика Аксакова, мы приводимъ наиболѣе характерныя письма его самого и сына К. С., знаменитаго славянофила.

1.

Письмо С. Т. Аксакова къ Гоголю.

1842 іюля 3-го, Гаврилково.

«Вотъ уже другой мѣсяцъ живемъ мы въ прелестной деревушкѣ, милый другъ Николай Васильевичъ. Другой мѣсяцъ или читаемъ васъ, или говоримъ о васъ. Никому не повѣрю, чтобъ нашелся человѣкъ, который могъ бы съ перваго раза вполнѣ понять ваши безсмертныя «Мертвыя Души»! Я восхищался ими вмѣстѣ съ другими, а можетъ быть, и больше другихъ, или, по крайней мѣрѣ, многихъ; но восхищеніе мое было одностороннее. Нѣкоторыя, болѣе выдающіяся (по натурѣ своей) части, закрывали отъ меня остальное. Это міръ Божій... Можно ли однимъ взглядомъ его разсмотрѣть? Какое надобно вниманіе и разумѣніе, чтобъ открыть въ немъ совершенство творчества въ малѣйшихъ подробностяхъ, повидимому, и не стоящихъ большого вниманія? Признаю торжественно превосходство эстетическаго чувства въ моемъ Константинѣ: онъ понялъ васъ болѣе меня и болѣе всѣхъ, сколько мнѣ извѣстно, изъ прежнихъ вашихъ твореній. Что казалось восторженностью, доходившею до смѣшного изліянства, то теперь стало истиною, понятою еще немногими, но, тѣмъ не менѣе, непреложной истиной! Конечно, молодое поколѣніе образованныхъ юношей, все безъ исключенія почти, кромѣ несчастныхъ,

лишенныхъ всякаго чувства изящнаго, болѣе и полнѣе васъ поймetъ, чѣмъ сорокалѣтніе и пятидесятилѣтніе люди. Всѣ мы съ нѣкоторыми измѣненіями успѣли засорить свой умъ, притупить чувство и не можемъ вдругъ стряхнуть съ себя сего ложнаго воззрѣнія и направленія. Константинъ написалъ статью, которая печатается въ «Москвитянинѣ»; въ ней вѣрно и ясно указаны причины, отчего порядочные люди, понимавшіе и чувствовавшіе другихъ поэтовъ, не могутъ вдругъ и вполнѣ понять и почувствовать «Мертвыя Души». Я прочелъ ихъ два раза про себя и третій разъ вслухъ для всего моего семейства; надобно нѣкоторымъ образомъ остыть, чтобъ не пропустить красотъ творенія, естественно ускользающихъ отъ пылающей головы и сильно бьющагося сердца. Теперь мы съ жадностью бросились перечитывать все, написанное вами прежде, по порядку, какъ оно выходило. Разстояніе велико; но элементы уже тѣ. Главное: свѣжесть, ароматность, такъ сказать, жизни, неостижимыя!.. Прочту ли я остальныя части «Чичикова»? Доживу ли я до этого счастія? Кромѣ моего семейства, у меня нѣтъ другого, столь высокаго интереса, въ остальномъ теченіи моей жизни, какъ желанье и надежда прочесть два тома «Мертвыхъ Душъ».

...«Я обѣщалъ вамъ записывать разные толки о Чичиковѣ, я сдѣлалъ это, сколько могъ успѣть; ибо черезъ недѣлю мы уѣхали изъ Москвы. Вотъ они; выписываю ихъ съ дипломатическою точностью. С. В. Перфильевъ [1]) сказалъ мнѣ: «Не смѣю говорить утвердительно, но признаюсь: «*Мертвыя Души*» мнѣ не такъ нравятся, какъ я ожидалъ. Даже какъ то скучно читать; все одно и то же, натянуто; видно желаніе перейти въ русскіе писатели; употребленіе руссицизмовъ вставочное не выливается изъ характера лица, которое

[1]) Жандармскій генералъ, близкій знакомый Аксаковыхъ и Гоголя.

ихъ говоритъ». Онъ прочелъ залпомъ въ одинъ день. Я просилъ его черезъ нѣсколько времени прочесть въ другой разъ и не искать анекдота. Онъ хотѣлъ прочесть три раза. Уходя, онъ прибавилъ, что сальности въ прежнихъ сочиненіяхъ, даже въ «Ревизорѣ», его не оскорбляли; но что здѣсь онѣ оскорбительны, потому что какъ будто нарочно вставляются авторомъ. Н. И. Васьковъ говоритъ, «что составъ губернскаго общества не вѣренъ (какъ и въ «Ревизорѣ», гдѣ пропущены: стряпчій, казначей и исправникъ); что предсѣдателей двое, что полицмейстеръ лицо ничтожное въ губернскомъ городѣ; что, представивъ сначала все въ дрянномъ и смѣшномъ видѣ, странно сдѣлать такое горячее обращеніе къ Россіи; что часто шутки автора плоски, неблагопристойны и что порядочной женщинѣ нельзя читать всю книгу». Наконецъ нашелся одинъ, который обидѣлся слѣдующими словами: «*Посмотримъ, что дѣлаетъ нашъ пріятель?*» И кто же этотъ пріятель?.. Селифанъ или половой!.. Что же они мнѣ за пріятели?.. Не сочтите за выдумку послѣдняго выраженія: все правда до послѣдней буквы. Есть, впрочемъ, обвиненія и справедливыя. Я очень браню себя, что одно просмотрѣлъ, а на другое мало настаивалъ: крестьяне на выводъ продаются съ семействами, а Чичиковъ отказался отъ женскаго пола; безъ довѣренности, выданной въ присутственномъ мѣстѣ, нельзя продать чужихъ крестьянъ, да и предсѣдатель не можетъ быть въ одно и то же время и довѣреннымъ лицомъ и присутствующимъ по этому дѣлу...»

2.

Письмо К. С. Аксакова къ Гоголю.

«...Вы уѣхали, дорогой Николай Васильевичъ, и оставили намъ книгу, которая произвела необыкновенный шумъ. Давно не бывало у насъ такого движенія,

какое теперь по случаю «Мертв. Душъ». Ни одинъ, рѣшительно, человѣкъ не остался равнодушенъ; книга всѣхъ тронула, всѣхъ подняла, и всякій говоритъ свое мнѣніе. Хвала и брань раздаются со всѣхъ сторонъ, и того и другого много; но зато полное отсутствіе равнодушія. Отвсюду слышны мнѣнія: ихъ говоритъ всякій; всякій открылъ свое сужденіе и потому, — при этомъ всеобщемъ объявленіи своихъ мыслей, взглядовъ на вещи, при этомъ всеобщемъ признаніи, вынужденномъ книгою, — произошла такая разность мнѣній, такія поразительныя несходства, что едва вѣришь ушамъ своимъ. Безъ этой книги и предполагать нельзя бы было такого различія мнѣній, которое вышло теперь на свѣтъ. Одни говорятъ, что только тутъ видятъ они Гоголя, который до сихъ поръ далеко не такъ поражалъ ихъ; что только тутъ почувствовали они его колоссальность; другіе провозгласили было въ самомъ началѣ, что эта книга — паденіе Гоголя, смерть его таланта; но скоро должны были замолчать, оглушенные всеобщимъ шумомъ, поднявшимся надъ ихъ главами; они ограничиваются тѣмъ теперь, что указываютъ на прежнія ваши сочиненія, на Малороссію. Для иныхъ здѣсь колоссально предстаетъ Россія, сквозящая сквозь первую часть и выступившая въ концѣ книги; слезы навертываются у нихъ на глазахъ при чтеніи послѣднихъ строкъ. Другіе съ горестью читаютъ, говорятъ, что надо терзаться и плакать. *Посмотрите*, говорилъ мнѣ одинъ, *какая тяжелая, страшная насмѣшка въ окончаніи этой книги.* Какая? спросилъ я, выпучивъ глаза. — *Въ словахъ, которыми оканчивается книга.* — Какъ, въ этихъ словахъ? — *Да развѣ вы не замѣтили! Русь, куда несешься ты, сама не знаешь, не даешь отвѣта.* И это говорятъ серьезно, съ искреннею, глубокою грустью. Мнѣ удалось, однако, поколебать это печальное мнѣніе. — Одни говорятъ, что «М. Д.» поэма, что они понимаютъ смыслъ этого названія; другіе видятъ въ этомъ на-

смѣшку въ духѣ Гоголя: *нате вотъ, грызитесь за это слово.* Многіе помѣщики не на шутку выходятъ изъ себя и считаютъ васъ своимъ смертельнымъ, личнымъ врагомъ. Само собою разумѣется, что ко всему этому присоединяются нападенія на васъ, на неприличіе; съ другой стороны дается этимъ нападеніямъ живой отпоръ.— Я говорю вамъ, дорогой Николай Васильевичъ, пока вообще, но потомъ постараюсь написать мнѣнія въ отдѣльности.

...Словомъ сказать, литераторы, журналисты, книгопродавцы, частные люди — всѣ говорятъ, что давно не бывало такого страшнаго шума въ литературномъ мірѣ, одни браня, другіе хваля. Изъ послѣднихъ, одни со слезами на глазахъ отъ того живого свѣта русской жизни, проникающаго наружу теплымъ лучомъ, передъ которымъ падаетъ всякое сомнѣніе и растетъ надежда, вмѣстѣ съ силами и бодростью духа. — Другіе со слезами на глазахъ отъ совершеннаго отчаянія; они говорятъ, что тотъ не русскій, у кого сердце не обольется кровью, глядя на безотрадное состояніе; говорятъ: *Гоголь не любитъ Россіи; посмотрите, какъ хороша Малороссія и какова Россія;* прибавляютъ: *замѣтьте, что самая природа Россіи не пощажена, и погода даже все мокрая и грязная.*

Но мнѣ хочется также сказать вамъ собственно про себя, дорогой Николай Васильевичъ. Когда я слышалъ «М. Д.», еще никакого впечатлѣнія цѣлаго не было возбуждено во мнѣ. Я прочелъ ихъ; я чувствовалъ, что прекрасно; видѣлъ красоту созданія, жизнь каждой отдѣльной черты; но что такое самое созданіе, какой общій смыслъ его, въ которомъ соединяются въ одно цѣлое всѣ эти чудныя, живыя черты,—этого я не могъ себѣ постигнуть. Мысль была въ недоумѣніи. Но потомъ открылась для меня внутренняя гармонія всего созданія: стали (слагаться) въ одно цѣлое всѣ малѣйшія черты, понятна стала глубочайшая связь всего между

собою, основанная не на внѣшней анекдотической завязкѣ (отсутствіе которой смущаетъ съ перваго разу), но на внутреннемъ единствѣ жизни, и тогда могъ я наслаждаться самимъ созданіемъ, цѣлымъ его образомъ, который, кажется, сталъ доступенъ мнѣ... Мнѣ кажется, главная трудность лежитъ въ настоящемъ уразумѣніи слова: *поэма;* такъ, по крайней мѣрѣ, какъ я его понимаю. Когда сталъ я говорить о «М. Д», то нашелъ согласнымъ съ собой Хомякова и Самарина. *Это древній эпосъ съ его великимъ созерцаніемъ; разумѣется, современный и свободный, въ наше время, но это онъ...*

3.

Мистическія увлеченія Гоголя были не по душѣ С. Т., несмотря на всю его религіозность. Въ своей «Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ» онъ даетъ такую ихъ оцѣнку.

«Гоголю начинало мѣшать его религіозное направленіе... Гоголь, погруженный безпрестанно въ нравственныя размышленія, начиналъ думать, что онъ можетъ и долженъ поучать другихъ, и что поученія его будутъ полезнѣе его юмористическихъ сочиненій. Во всѣхъ его письмахъ тогдашняго времени, къ кому бы они ни были писаны, уже начинаетъ звучать этотъ противный мнѣ тонъ наставника. Въ это время сошелся онъ съ гр. А. П. Толстымъ, и я считаю это знакомство рѣшительно гибельнымъ для Гоголя. Не менѣе вредны были ему дружескія связи съ женщинами, большею частью высшаго круга. Онѣ сейчасъ сдѣлали изъ него нѣчто въ родѣ духовника своего, вскружили ему голову восторженными похвалами и увѣреніями, что его письма и совѣты или поддерживаютъ, или возвращаютъ ихъ на путь добродѣтели. Нѣкоторыхъ я даже не знаю и назову только Віельгорскую, Сологубъ и Смирнову. Первыхъ двухъ, конечно, не должно смѣшивать съ послѣд-

ней; но высокость нравственнаго ихъ достоинства, можетъ быть, была для Гоголя еще вреднѣе, ибо онъ долженъ былъ скорѣе имъ повѣрить, чѣмъ другимъ. Я не знаю, какъ сильна была его привязанность къ Сологубъ и Вiельгорской; но Смирнову онъ любилъ съ увлеченiемъ, можетъ быть, потому, что видѣлъ въ ней кающуюся Магдалину и считалъ себя спасителемъ ея души. По моему же простому человѣческому смыслу, Гоголь, несмотря на свою духовную высоту и чистоту, на свой строго монашескiй образъ жизни, самъ того не вѣдая, былъ нѣсколько неравнодушенъ къ Смирновой, блестящiй умъ которой и живость были тогда еще очаровательны. Она сама сказала ему одинъ разъ: «Послушайте, вы влюблены въ меня...» Гоголь осердился, убѣжалъ и три дня не ходилъ къ ней. Все это надѣлала продолжительная заграничная жизнь внѣ отечества, внѣ круга пріятелей и литераторовъ, людей свободнаго образа мыслей, чуждыхъ ханжества, богомольства и всякихъ мистическихъ суевѣрiй. Впрочемъ, я считаю, что ему также была очень вредна дружба съ Жуковскимъ, котораго, безъ сомнѣнiя, погубила та же заграничная жизнь. Такъ, по крайней мѣрѣ, я думаю».

При откровенности характера С. Т. это рѣзко отрицательное отношенiе должно было выразиться и въ перепискѣ. 9 декабря 1846 г. С. Т. Аксаковъ пишетъ Гоголю:

«Давно, очень давно надобно было писать къ вамъ. Давно душа моя рвалась излиться въ вашу душу, но съ февраля прошедшаго года я жестоко страдаю и только лѣтомъ имѣю отдыхъ, какъ будто для того, чтобъ собраться съ силами; съ 1 же октября по настоящее число декабря я страдаю постоянно. Но главное препятствiе состояло не въ этомъ: при всякомъ ослабленiи болѣзни я думаю и думалъ объ васъ и часто говорю мысленно съ вами; итакъ, стоило только эти мысли положить на бумагу, и это то меня до сихъ поръ оста-

навливало. Я хочу говорить съ вами такъ глубоко откровенно, что только мой голосъ или моя рука имѣетъ право произнести или написать такія рѣчи; а я съ трудомъ могу подписать мое имя! Необходимость заставила меня употребить Константина, такого человѣка, который любитъ васъ и преданъ вамъ безпредѣльно. Кажется, вы не должны оскорбиться этимъ.

Уже давно начало не нравиться мнѣ ваше религіозное направленіе. Не потому, что я, будучи плохимъ христіаниномъ, плохо понималъ его и оттого боялся; но потому, что проявленіе христіанскаго смиренія казалось мнѣ проявленіемъ духовной гордости вашей. Многія мѣста въ вашихъ письмахъ ко мнѣ меня смущали; но они были окружены такимъ блескомъ поэзіи, такою искренностью чувства, что я не смѣлъ предаться, не смѣлъ повѣрить моему внутреннему голосу, ихъ охуждавшему, и старался перетолковать свое непріятное впечатлѣніе въ благопріятную для васъ сторону. Я бывалъ даже увлеченъ, ослѣпленъ вами и помню, что одинъ разъ написалъ къ вамъ горячее письмо, истинно скорбя о томъ, что я самъ, какъ христіанинъ, неизмѣримо далекъ отъ того, чѣмъ бы я могъ быть. Между тѣмъ ваше новое направленіе развивалось и росло. Опасенія мои возобновились съ большей силой: каждое ваше письмо подтверждало ихъ. Вмѣсто прежнихъ дружескихъ, теплыхъ изліяній, начали появляться наставленія проповѣдника, таинственныя, иногда пророческія, всегда холодныя и, что хуже всего, полныя гордыни въ рубищѣ смиренія. Я могъ бы доказать слова мои многими выписками изъ вашихъ писемъ, но считаю это излишнимъ и слишкомъ тягостнымъ для себя трудомъ. Вскорѣ прислали вы намъ при самомъ загадочномъ письмѣ душеспасительное житіе Ѳомы Кемпійскаго съ подробнымъ рецептомъ: какъ, когда и по скольку употреблять его, обѣщая намъ несомнѣнный переворотъ въ духовной жизни нашей... Опасенія мои превраги-

лись въ страхъ, и я написалъ вамъ довольно рѣзкое и откровенное письмо. Въ это время меня начинала постигать ужасная бѣда: я терялъ безвозвратно зрѣніе въ одномъ глазу и начиналъ чувствовать ослабленіе его въ другомъ. Отчаяніе овладѣвало мною. Я излилъ скорбь мою въ вашу душу и получилъ въ отвѣтъ нѣсколько сухихъ и холодныхъ строкъ, способныхъ не умилить, не усладить страждущее сердце друга, а возмутить его. Послѣ того вы были долго больны сами, и вскорѣ послѣ вашего медленнаго выздоровленія начались мои мучительныя страданія, и теперь продолжающіяся. Немного было предметовъ, возбуждавшихъ мое душевное участіе; но вы были изъ первыхъ. Тѣлесное здоровье ваше, какъ видно, поправилось, и дѣятельность возобновилась; но какая дѣятельность? Каждое ваше дѣйствіе было для меня новымъ ударомъ и одинъ другого сильнѣйшимъ... Предисловіе ваше ко 2 изданію «Мертвыхъ Душъ» поразило меня глубже, и когда Шевыревъ читалъ мнѣ его, то мои стенанія физическихъ мученій замѣнились стенаніями душевными, и я тогда же предлагалъ не печатать вашего объясненія съ читателями. Въ короткихъ словахъ скажу вамъ заключеніе, которое выведетъ изъ него здравый толкъ простого русскаго человѣка: «*Кой чортъ, скажетъ онъ, сочинитель самъ признается, что плохо знаетъ Русь и для того, чтобы избѣжать промаховъ во 2 томъ своего сочиненія, почти пять лѣтъ живетъ за границей, да видно и еще хочетъ тамъ оставаться, потому что проситъ насъ замѣчать его промахи, описывать нравы наши, обычаи и вообще весь русскій бытъ, и все это пересылать къ нему черезъ петерб. и московскихъ корреспондентовъ! Онъ видно хочетъ, живя на чужбинѣ и съ каждымъ днемъ забывая то, что зналъ о святой Руси, чужими руками жаръ загребать*». Нужно ли говорить, что скажутъ тѣ люди, которые понимаютъ, какъ ложна мысль, будто изъ мертвыхъ

описаній житейскихъ фактовъ и анекдотовъ можетъ постигаться жизнь и духъ обширнѣйшей, разнообразнѣйшей страны и великаго народа, въ ней живущаго. Вслѣдъ за этимъ разнеслись темные слухи, что въ Петербургѣ печатается цѣлая книга вашихъ сочиненій, въ которой помѣщена ваша переписка съ друзьями, состоящая изъ проповѣдей и пророчествъ, ваше признанье, что все написанное вами до сихъ поръ ничтожно и недостойно вниманія, ваше извѣщеніе, что вы сожгли продолженіе «Мертвыхъ Душъ», и что вы отправляетесь въ Іерусалимъ и, наконецъ, ваше завѣщаніе, чтобы не ставили никакого памятника на вашей могилѣ. Не зная, до какой степени справедливы эти слухи, тѣмъ не менѣе, уже не я одинъ, но многіе изъ тѣхъ, для конхъ драгоцѣнны вы и вашъ великій талантъ, пришли въ неописанный ужасъ. Враги ваши торжествовали, и уже Брамбеусъ [1]) торжественно и печатно объявилъ, что новый Гомеръ впалъ въ мистицизмъ. Вскорѣ получили мы доказательства, послѣ которыхъ, по моему мнѣнію, должно было всему повѣрить: мы получили для напечатанія *Предувѣдомленіе* къ 4 изданію «Ревизора» въ пользу бѣдныхъ и новую развязку [2]). Другъ мой, гдѣ же то христіанское смиреніе, которое велитъ дѣлать добро такъ, чтобы шуйца не вѣдала, что творитъ десница? Вы всенародно, въ услышаніе всей Россіи, устраиваете свое благотворительное общество, назначаете поименно членовъ онаго и съ подробностью предписываете имъ образъ ихъ дѣйствій, невозможный въ исполненіи, несообразный ни съ чѣмъ до послѣдней крайности. Какъ вы могли думать, что лица, назначаемыя вами, особенно женщины, могли быть такъ неразборчивы, такъ нескромны, что согласились бы принять публичныя обязанности благотворенія, вами на нихъ возлагаемыя?.. Разумѣется, ни-

[1]) Сенковскій, редакторъ «Библіотеки для чтенія».
[2]) «Ревизора».

кто не согласится, и ваше Предувѣдомленіе уничтожается само собою. Но гдѣ же вашъ прежній, ясный и здравый взглядъ на публичность, гласность въ дѣлѣхъ благотворенія? Давно ли вы сами поручали такія дѣла Шевыреву и мнѣ подъ условіемъ глубокой тайны? Этой тайны не знаютъ даже наши семейства. Наконецъ обращаюсь къ послѣднему вашему дѣйствію — къ новой развязкѣ «Ревизора». Не говорю о томъ, что тутъ нѣтъ никакой развязки, да и нѣтъ въ ней никакой надобности; но подумали ли вы о томъ, какимъ образомъ Щепкинъ, давая себѣ въ бенефисъ «Ревизора», увѣнчаетъ самъ себя какимъ то вѣнцомъ, поднесеннымъ ему актерами? Вы позабыли всякую человѣческую скромность. Вы позабыли, вы уже не знаете, какъ приняла бы все это русская образованная публика. Вы позабыли, что мы не французы, готовые восторгаться отъ всякой эффектной церемоніи. Но мало этого. Скажите мнѣ, ради Бога, положа руку на сердце: неужели ваши объясненія «Ревизора» искренни? Неужели вы, испугавшись нелѣпыхъ толкованій невѣждъ и дураковъ, сами святотатственно посягаете на искаженіе своихъ живыхъ творческихъ созданій, называя ихъ аллегорическими лицами? Неужели вы не видите, что аллегорія внутренняго города не льнетъ къ нимъ, какъ горохъ къ стѣнѣ; что названіе Хлестакова свѣтскою совѣстью не имѣетъ смысла, ибо принятіе Хлестакова за ревизора есть случайность? Вы нѣкогда обвиняли меня въ неполной искренности, вы требовали безпощадной правды — вотъ она. Если выраженія мои рѣзки, то вы, зная меня, не должны ими оскорбиться; но берегитесь подумать, что это вспышка моей горячей, страстной, какъ вы называете, натуры — вы жестоко ошибетесь. Пятый годъ душа моя наполняется этими чувствами и убѣжденіями, и, наконецъ, переполнилась мѣра. Посердитесь на меня, лишите меня вашей дружбы, но внемлите правдѣ, высказанной мною».

4.

Письмо С. Т. Аксакова къ Гоголю о „Перепискѣ съ друзьями“.

27 генваря 1847 г.

«Другъ мой! Если вы желали произвести шумъ, желали, чтобъ высказались и хвалители и порицатели ваши, которые теперь, отчасти, перемѣнились мѣстами, то вы вполнѣ достигли своей цѣли. Если это была съ вашей стороны шутка, то успѣхъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія: все одурачено! Противники и защитники представляютъ безконечно-разнообразный рядъ комическихъ явленій... Но — увы! — нельзя мнѣ обмануть себя: вы искренно подумали, что призваніе ваше состоитъ въ возвѣщеніи людямъ высокихъ нравственныхъ истинъ въ формѣ разсужденій и поученій, которыхъ образчикъ содержится въ вашей книгѣ... Вы грубо и жалко ошиблись. Вы совершенно сбились, запутались, противорѣчите сами себѣ безпрестанно и, думая служить небу и человѣчеству, оскорбляете и Бога и человѣка.

Еслибъ эту книгу написалъ обыкновенный писатель—Богъ бы съ нимъ! Но книга написана вами; въ ней блещетъ мѣстами прежній, могучій талантъ вашъ, и потому книга ваша вредна: она распространяетъ ложь вашихъ умствованій и заблужденій. Издали предчувствовалъ я эту бѣду, долго горевалъ и думалъ встрѣтить грозу спокойно; но когда разразился ударъ, то разлетѣлось мое разумное спокойствіе. О, недобрый былъ тотъ день и часъ, когда вы вздумали ѣхать въ чужіе края, въ этотъ Римъ, губитель русскихъ умовъ и дарованій! Дадутъ Богу отвѣтъ эти друзья ваши, слѣпые фанатики и знаменитые Маниловы, которые не только допустили, но и сами помогли вамъ запутаться въ сѣти собственнаго ума вашего, дьявольской гордости, которую

вы принимаете за христіанское смиреніе. Горько убѣждаюсь я, что никому не проходитъ безнаказанно бѣгство изъ отечества, ибо продолжительное отсутствіе есть бѣгство, измѣна ему»...

III.

Изъ „Литературныхъ и житейскихъ воспоминаній“ И. С. Тургенева.

Среди всѣхъ замѣтокъ и воспоминаній о Гоголѣ читатель, невольно для себя, съ особеннымъ интересомъ раскрываетъ воспоминанія И. С. Тургенева, ожидая найти въ нихъ не только обычную передачу тѣхъ или иныхъ фактовъ, но и болѣе глубокое, проникновенное пониманіе личности великаго писателя его высокодаровитымъ собратомъ. Къ сожалѣнію, Тургеневъ встрѣчался съ Гоголемъ всего только два раза и, конечно, во время этихъ мимолетныхъ свиданій не могъ вынести достаточнаго количества наблюденій, которыя дали бы ему возможность произвести безпристрастную и всестороннюю оцѣнку Гоголя, какъ человѣка.

Принадлежа къ кружку Бѣлинскаго и западниковъ, Тургеневъ съ особеннымъ, рѣзкимъ негодованіемъ обрушивается на Гоголя за его «паденіе», ярко выразившееся въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями», обвиняетъ его въ ханжествѣ, низкопоклонствѣ и угодливости великимъ міра сего и видитъ въ нравственныхъ страданіяхъ Гоголя, въ этой сложной внутренней трагедіи лишь муки уязвленнаго самолюбія, вызванныя неудачей «Выбранныхъ мѣстъ». Но въ то же самое время, на ряду съ осужденіемъ, сказывается глубокій піэтетъ, безграничное преклоненіе передъ великимъ, неподражаемымъ художникомъ...

Эта двойственность отношенія, эти перебои чувства отражаются на воспоминаніяхъ Тургенева, которыя все же являются прекраснымъ «наброскомъ съ натуры», рисующимъ Гоголя въ послѣдніе дни его жизни.

Меня свелъ къ Гоголю покойный Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Помню день нашего посѣщенія: 20 октября 1851 года. Гоголь жилъ тогда въ Москвѣ на

Никитской, въ домѣ Талызина, у графа Толстого. Мы пріѣхали въ часъ пополудни; онъ немедленно насъ принялъ. Комната его находилась возлѣ сѣней, направо. Мы вошли въ нее — и я увидѣлъ Гоголя, стоявшаго передъ конторкой съ перомъ въ рукѣ. Онъ былъ одѣтъ въ темное пальто, зеленый бархатный жилетъ и коричневыя панталоны. За недѣлю до того дня я его видѣлъ въ театрѣ, на представленіи «Ревизора»; онъ сидѣлъ въ ложѣ бель-этажа, около самой двери, и, вытянувъ голову, съ первическимъ безпокойствомъ поглядывалъ на сцену, черезъ плечи двухъ дюжихъ дамъ, служившихъ ему защитой отъ любопытной публики. Мнѣ указалъ на него сидѣвшій рядомъ со мною Ѳ. Я быстро обернулся, чтобы посмотрѣть на него; онъ, вѣроятно, замѣтилъ это движеніе и немного отодвинулся назадъ, въ уголъ. Меня поразила перемѣна, происшедшая въ немъ съ 1841 года. Я раза два встрѣтилъ его тогда у Авдотьи Петровны Е — ной [1]). Въ то время онъ смотрѣлъ приземистымъ и плотнымъ малороссомъ; теперь онъ казался худымъ и испитымъ человѣкомъ, котораго уже успѣла на порядкахъ измыкать жизнь. Какая то затаенная боль и трезога примѣнивались къ постоянно проницательному выраженію его лица.

Увидѣвъ насъ со Щепкинымъ, онъ съ веселымъ видомъ пошелъ къ намъ навстрѣчу и, пожавъ мнѣ руку, промолвилъ: «Намъ давно слѣдовало быть знакомыми». Мы сѣли. Я — рядомъ съ нимъ, на широкомъ диванѣ. Михаилъ Семеновичъ на креслахъ, возлѣ него. Я попристальнѣе вглядѣлся въ его черты. Его бѣлокурые волосы, которые отъ висковъ падали прямо, какъ обыкновенно у казаковъ, сохранили еще цвѣтъ молодости, но уже замѣтно порѣдѣли; отъ его покатаго, гладкаго, бѣлаго лба попрежнему такъ и вѣяло умомъ. Въ не-

[1]) Елагиной.

большихъ карихъ глазахъ искрилась по временамъ веселость — именно веселость, а не насмѣшливость; но вообще взглядъ ихъ казался усталымъ. Длинный, заостренный носъ придавалъ физіономіи Гоголя нѣчто хитрое, лисье; невыгодное впечатлѣніе производили также его одутловатыя, мягкія губы подъ остриженными усами; въ ихъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ выражались — такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось — темныя стороны его характера: когда онъ говорилъ, онѣ непріятно раскрывались и выказывали рядъ нехорошихъ зубовъ; маленькій подбородокъ уходилъ въ широкій бархатный черный галстукъ. Въ осанкѣ Гоголя, въ его тѣлодвиженіяхъ было что то не профессорское, а учительское — что то напоминавшее преподавателей въ провинціальныхъ институтахъ и гимназіяхъ. «Какое ты умное, и странное, и больное существо!» невольно думалось, глядя на него. Помнится, мы съ Михаиломъ Семеновичемъ и ѣхали къ нему, какъ къ необыкновенному, геніальному человѣку, у котораго что то тронулось въ головѣ... вся Москва была о немъ такого мнѣнія. Михаилъ Семеновичъ предупредилъ меня, что съ нимъ не слѣдуетъ говорить о продолженіи «Мертвыхъ Душъ», объ этой второй части, надъ которою онъ такъ долго и такъ упорно трудился, и которую онъ, какъ извѣстно, сжегъ передъ смертію; что онъ этого разговора не любитъ. О «Перепискѣ съ друзьями» я самъ не упомянулъ бы, такъ какъ ничего не могъ сказать о ней хорошаго. Впрочемъ, я и не готовился ни къ какой бесѣдѣ, а просто жаждалъ видѣться съ человѣкомъ, творенія котораго я чуть не зналъ наизусть. Нынѣшнимъ молодымъ людямъ даже трудно растолковать обаяніе, окружавшее тогда его имя; теперь же и нѣтъ никого, на комъ могло бы сосредоточиться общее вниманіе.

Щепкинъ заранѣе объявилъ мнѣ, что Гоголь не словоохотливъ; на дѣлѣ вышло иначе. Гоголь говорилъ

много, съ оживленіемъ, размѣренно отталкивая и отчеканивая каждое слово, что не только не казалось неестественнымъ, но, напротивъ, придавало его рѣчи какую то пріятную вѣскость и впечатлительность. Онъ говорилъ на *о;* другихъ для русскаго уха менѣе любезныхъ особенностей малороссійскаго говора я не замѣтилъ. Все выходило ладно, складно, вкусно и мѣтко. Впечатлѣніе усталости, болѣзненнаго, нервическаго безпокойства, которое онъ сперва произвелъ на меня, исчезло. Онъ говорилъ о значеніи литературы, о призваніи писателя, о томъ, какъ слѣдуетъ относиться къ собственнымъ произведеніямъ; высказалъ нѣсколько тонкихъ и вѣрныхъ замѣчаній о самомъ процессѣ работы, самой, если можно такъ выразиться, физіологіи сочинительства; и все это — языкомъ образнымъ, оригинальнымъ — и, сколько я могъ замѣтить, нимало не подготовленнымъ заранѣе, какъ это сплошь да рядомъ бываетъ у «знаменитостей». Только когда онъ завелъ рѣчь о цензурѣ, чуть не возвеличивая, чуть не одобряя ее, какъ средство развивать въ писателѣ сноровку, умѣніе защищать свое дѣтище, терпѣніе и множество другихъ христіанскихъ и свѣтскихъ добродѣтелей — только тогда мнѣ показалось, что онъ черпаетъ изъ готоваго арсенала. Притомъ доказывать такимъ образомъ необходимость цензуры — не значило ли рекомендовать и почти похваливать хитрость и лукавство рабства? Я могу еще допустить стихъ итальянскаго поэта: «Si, servi siam; ma servi ognor frementi» [1]), но самодовольное смиреніе и плутовство рабства... нѣтъ! лучше не говорить объ этомъ. Въ подобныхъ измышленіяхъ и разсужденіяхъ Гоголя слишкомъ явно выказывалось вліяніе тѣхъ особъ высшаго полета, которымъ посвящена бо̀льшая часть «Переписки»: оттуда шелъ этотъ затхлый и прѣсный духъ. Вообще я скоро почувство-

[1]) Мы рабы... да; но рабы, вѣчно негодующіе.

валъ, что между міросозерцаніемъ Гоголя и моимъ лежала цѣлая бездна. Не одно и то же мы ненавидѣли, не одно любили; но въ ту минуту — въ моихъ глазахъ все это не имѣло важности. Великій поэтъ, великій художникъ былъ передо мною, и я глядѣлъ на него, слушалъ его съ благоговѣніемъ, даже когда не соглашался съ нимъ.

Гоголь, вѣроятно, зналъ мои отношенія къ Бѣлинскому, къ Искандеру [1]); о первомъ изъ нихъ, объ его письмѣ къ нему [2]) — онъ не заикнулся: это имя обожгло бы его губы. Но въ то время только что появилась — въ одномъ заграничномъ изданіи — статья Искандера, въ которой онъ, по поводу пресловутой «Переписки», упрекалъ Гоголя въ отступничествѣ отъ прежнихъ убѣжденій. Гоголь самъ заговорилъ объ этой статьѣ. Изъ его писемъ, напечатанныхъ послѣ его смерти (о! какую услугу оказалъ бы ему издатель, еслибъ выкинулъ изъ нихъ цѣлыя двѣ трети, или, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, которыя писаны къ свѣтскимъ дамамъ... болѣе противной смѣси гордыни и подыскиванія, ханжества и тщеславія, пророческаго и прихлебательскаго тона — въ литературѣ не существуетъ!) изъ писемъ Гоголя мы знаемъ, какою неизлѣчимой раной залегло въ его сердцѣ полное фіаско его «Переписки» — это фіаско, въ которомъ нельзя не привѣтствовать одно изъ немногихъ утѣшительныхъ проявленій тогдашняго общественнаго мнѣнія. И мы, съ покойнымъ М. С. Щепкинымъ, были свидѣтелями — въ день нашего посѣщенія — до какой степени эта рана наболѣла. Гоголь началъ увѣрять насъ — внезапно измѣнившимся, торопливымъ голосомъ, — что не можетъ понять, почему въ прежнихъ его сочиненіяхъ нѣкоторые люди находятъ какую то оппозицію, что то такое.

---

[1]) Герцену.

[2]) Знаменитое письмо изъ-за границы по поводу «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями».

чему онъ измѣнилъ впослѣдствіи; что онъ всегда придерживался однихъ и тѣхъ же религіозныхъ и охранительныхъ началъ — и, въ доказательство того, готовъ намъ указать на нѣкоторыя мѣста въ одной своей, уже давно напечатанной, книгѣ... Промолвивъ эти слова, Гоголь съ почти юношеской живостью вскочилъ съ дивана и побѣжалъ въ сосѣднюю комнату. Михаилъ Семенычъ только брови возвелъ горѣ и указательный палецъ поднялъ... «Никогда такимъ его не видалъ» шепнулъ онъ мнѣ...

Гоголь вернулся съ томомъ «Арабесокъ» въ рукахъ и началъ читать на выдержку нѣкоторыя мѣста одной изъ тѣхъ дѣтски-напыщенныхъ и утомительно-пустыхъ статей, которыми наполненъ этотъ сборникъ. Помнится, рѣчь шла о необходимости строгаго порядка, безусловнаго повиновенія властямъ и т. п. «Вотъ видите, — твердилъ Гоголь: — я и прежде всегда то же думалъ, точно такія же высказывалъ убѣжденія, какъ и теперь!.. Съ какой же стати упрекать меня въ измѣнѣ, въ отступничествѣ... Меня?» И это говорилъ авторъ «Ревизора», одной изъ самыхъ отрицательныхъ комедій, какія когда-либо являлись на сценѣ! Мы съ Щепкинымъ молчали. Гоголь бросилъ, наконецъ, книгу на столъ и снова заговорилъ объ искусствѣ, о театрѣ; объявилъ, что остался недоволенъ игрою актеровъ въ «Ревизорѣ», что они «тонъ потеряли», и что онъ готовъ имъ прочесть всю піесу съ начала до конца. Щепкинъ ухватился за это слово и тутъ же уладилъ, гдѣ и когда читать. Какая то старая барыня пріѣхала къ Гоголю; она привезла ему просфору съ вынутой частицей. Мы удалились.

Дня черезъ два происходило чтеніе «Ревизора» въ одной изъ залъ того дома, гдѣ проживалъ Гоголь. Я выпросилъ позволеніе присутствовать на этомъ чтеніи. Покойный профессоръ Шевыревъ также былъ въ числѣ слушателей и, если не ошибаюсь, Погодинъ. Къ ве-

ликому моему удивленію, далеко не всѣ актеры, участвовавшіе въ «Ревизорѣ», явились на приглашеніе Гоголя: имъ показалось обиднымъ, что ихъ словно хотятъ учить! Ни одной актрисы также не пріѣхало. Сколько я могъ замѣтить, Гоголя огорчилъ этотъ неохотный и слабый отзывъ на его предложеніе... Извѣстно, до какой степени онъ скупился на подобныя милости. Лицо его приняло выраженіе угрюмое и холодное; глаза подозрительно насторожились. Въ тотъ день онъ смотрѣлъ, точно, больнымъ человѣкомъ. Онъ принялся читать — и понемногу оживился. Щеки покрылись легкой краской; глаза расширились и посвѣтлѣли. Читалъ Гоголь превосходно... Я слушалъ его тогда въ первый — и въ послѣдній разъ. Диккенсъ, также превосходный чтецъ, можно сказать разыгрываетъ свои романы, чтеніе его — драматическое, почти театральное: въ одномъ его лицѣ является нѣсколько первоклассныхъ актеровъ, которые заставляютъ васъ то смѣяться, то плакать; Гоголь, напротивъ, поразилъ меня чрезвычайной простотой и сдержанностью манеры, какой то важной и въ то же время наивной искренностью, которой словно и дѣла нѣтъ, есть ли тутъ слушатели и что они думаютъ. Казалось, Гоголь только и заботился о томъ, какъ бы вникнуть въ предметъ, для него самого новый, и какъ бы вѣрнѣе передать собственное впечатлѣніе. Эффектъ выходилъ необычайный — особенно въ комическихъ, юмористическихъ мѣстахъ; не было возможности не смѣяться—хорошимъ здоровымъ смѣхомъ; а виновникъ всей этой потѣхи продолжалъ, не смущаясь общей веселостью и какъ бы внутренно дивясь ей, все болѣе и болѣе погружаться въ самое дѣло — и лишь изрѣдка, на губахъ и около глазъ, чуть замѣтно трепетала лукавая усмѣшка мастера. Съ какимъ недоумѣніемъ, съ какимъ изумленіемъ Гоголь произнесъ знаменитую фразу городничаго о двухъ крысахъ (въ самомъ началѣ піесы). «Пришли, понюхали

и пошли прочь!» Онъ даже медленно оглянулъ насъ, какъ бы спрашивая объясненія такого удивительнаго происшествія. Я только тутъ понялъ, какъ вообще невѣрно, поверхностно, съ какимъ желаніемъ только поскорѣй насмѣшить — обыкновенно разыгрывается на сценѣ «Ревизоръ». Я сидѣлъ, погруженный въ радостное умиленіе: это былъ для меня настоящій пиръ и праздникъ. Къ сожалѣнію, онъ продолжался недолго. Гоголь еще не успѣлъ прочесть половину перваго акта, какъ вдругъ дверь шумно растворилась и, торопливо улыбаясь и кивая головою, промчался черезъ всю комнату одинъ еще очень молодой, но уже необыкновенно назойливый литераторъ — и, не сказавъ никому ни слова, поспѣшилъ занять мѣсто въ углу. Гоголь остановился, съ размаху ударилъ рукой по звонку — и съ сердцемъ замѣтилъ вошедшему камердинеру: «Вѣдь я велѣлъ тебѣ никого не впускать!» Молодой литераторъ слегка пошевелился на стулѣ, а впрочемъ, не смутился нисколько. Гоголь отпилъ немного воды — и снова принялся читать, но ужъ это было совсѣмъ не то. Онъ сталъ спѣшить, бормотать себѣ подъ носъ, не доканчивать словъ; иногда онъ пропускалъ цѣлыя фразы — и только махалъ рукою. Неожиданное появленіе литератора его разстроило: нервы его, очевидно, не выдерживали малѣйшаго толчка. Только въ извѣстной сценѣ, гдѣ Хлестаковъ завирается, Гоголь снова ободрился и возвысилъ голосъ: ему хотѣлось показать исполнявшему роль Ивана Александровича, какъ должно передавать это дѣйствительно затруднительное мѣсто. Въ чтеніи Гоголя оно показалось мнѣ естественнымъ и правдоподобнымъ. Хлестаковъ увлеченъ и странностью своего положенія, и окружающей его средой, и собственной легкомысленной юркостью; онъ и знаетъ, что вретъ, и вѣритъ своему вранью: это нѣчто въ родѣ упоенія, наитія, сочинительскаго восторга — это не простая ложь, не простое хвастовство. Его са-

мого «подхватило». «Просители въ передней жужжатъ, 35 тысячъ эстафетовъ скачетъ — а дурачье, молъ, слушаетъ, развѣсивъ уши, и какой я, молъ, бойкій, игривый, свѣтскій молодой человѣкъ!» Вотъ какое впечатлѣніе производилъ въ устахъ Гоголя Хлестаковскій монологъ. Но, вообще говоря, чтеніе «Ревизора» въ тотъ день было — какъ Гоголь самъ выразился — не болѣе, какъ намекъ, эскизъ; и все по милости непрошеннаго литератора, который простеръ свою нецеремонность до того, что остался послѣ всѣхъ у поблѣднѣвшаго, усталаго Гоголя и втерся за нимъ въ его кабинетъ.

Въ сѣняхъ я разстался съ нимъ и уже никогда не увидалъ его больше; но его личности было еще суждено возымѣть значительное вліяніе на мою жизнь [1])...

Я вспомнилъ, что первое мое свиданіе съ Гоголемъ происходило гораздо раньше, чѣмъ я сказалъ впачалѣ. А именно, я былъ однимъ изъ его слушателей въ 1835 г., когда онъ преподавалъ (!) исторію въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Это преподаваніе, правду сказать, происходило довольно оригинальнымъ образомъ. Во-первыхъ, Гоголь изъ трехъ лекцій непремѣнно пропускалъ двѣ; во-вторыхъ, даже когда онъ появлялся на каѳедрѣ, онъ не говорилъ, а шепталъ что то весьма несвязное, показывалъ намъ маленькія гравюры на стали, изображавшія виды Палестины и другихъ восточныхъ странъ — и все время ужасно конфузился. Мы всѣ были убѣждены (и едва ли мы ошибались), что онъ ничего не смыслитъ въ исторіи, и что г. *Гоголь-Яновскій*, нашъ профессоръ (онъ такъ именовался въ расписаніи лекцій), не имѣетъ ничего общаго съ писателемъ Гоголемъ, уже извѣстнымъ, какъ авторъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». На выпускномъ экзаменѣ изъ своего предмета онъ сидѣлъ, повязанный платкомъ, яко бы отъ зубной боли, съ совершенно

[1]) Какъ извѣстно, за письмо по поводу смерти Гоголя, Тургеневъ былъ высланъ въ деревню въ 1852 г.

убитой физіономіей, и не разѣвалъ рта. Спрашивалъ студентовъ за него профессоръ И. П. Шульгинъ. Какъ теперь вижу его худую, длинноносую фигуру съ двумя высоко торчавшими — въ видѣ ушей — концами чернаго шелковаго платка. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ самъ хорошо понималъ весь комизмъ и всю неловкость своего положенія: онъ въ томъ же году подалъ въ отставку. Это не помѣшало ему, однако, воскликнуть: «Непризнанный взошелъ я на каѳедру и непризнанный схожу съ нея!» Онъ былъ рожденъ для того, чтобы быть наставникомъ своихъ современниковъ, но только не съ каѳедры.

IV.

Изъ „Литературныхъ воспоминаній“ И. И. Панаева[1]).

И. И. Панаевъ, извѣстный литераторъ, позднѣе соредакторъ Некрасова по «Современнику», даетъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ» цѣлый рядъ характеристикъ, въ томъ числѣ воспроизводитъ и впечатлѣнія, вынесенныя имъ отъ встрѣчъ съ Гоголемъ. Обладая подвижнымъ наблюдательнымъ умомъ, подмѣчая яркія характерныя черточки, Панаевъ можетъ нарисовать живую и интересную картину, но въ то же самое время не умѣетъ углубить своихъ впечатлѣній, подвести имъ общій итогъ, такъ, чтобы мелочи отошли на второй планъ, уступая мѣсто наиболѣе существеннымъ, основнымъ чертамъ изображаемой имъ личности. Въ этомъ отношеніи воспоминанія его о Гоголѣ не могутъ быть разсматриваемы, какъ характеристика великаго писателя — они представляютъ изъ себя лишь рядъ очень недурныхъ фотографическихъ снимковъ каждаго отдѣльнаго момента и съ этой стороны, конечно, представляютъ значительный интересъ. Эту поверхностность Панаева очень ярко изображаетъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Гоголѣ, передавая ту сцену, когда Панаевъ сообщалъ всѣмъ по очереди потрясающую вѣсть

[1]) Спб., 1876, стр. 229—235.

о кончинѣ Гоголя, при чемъ удовольствіе быть *первымъ*, сообщающимъ такую важную новость въ тотъ моментъ заставляло его какъ бы забыть о всей тяжести понесенной утраты.

Передъ отъѣздомъ нашимъ Михайло Семенычъ [1]) объявилъ мнѣ, что онъ на-дняхъ будетъ обѣдать у Сергѣя Тимоѳеича [2]) съ Гоголемъ (который только что пріѣхалъ въ Москву), и съ таинственнымъ тономъ прибавилъ умиленнымъ и дрожавшимъ голосомъ: «Вѣдь онъ, кажется, намѣренъ прочесть тамъ что то новенькое!..»

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней послѣ этого, Сергѣй Тимоѳеичъ пригласилъ меня обѣдать, сказавъ, что у него будетъ Гоголь, и что онъ обѣщалъ прочесть первую главу «Мертвыхъ Душъ». Я ожидалъ этого дня съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ и забрался къ Аксаковымъ часа за полтора до обѣда. Щепкинъ явился, кажется, еще раньше меня...

Въ исходѣ четвертаго прибылъ Гоголь... Онъ встрѣтился со мной, какъ съ старымъ знакомымъ, и сказалъ, пожавъ мнѣ руку: «А, и вы здѣсь... Какимъ образомъ?»

Нечего говорить, съ какимъ восторгомъ онъ былъ принятъ. Константинъ Аксаковъ, видѣвшій въ немъ русскаго Гомера, внушилъ къ нему энтузіазмъ во всемъ семействѣ. Для Аксакова-отца сочиненія Гоголя были откровеніемъ. Они вывели его изъ рутины старой литературной школы (онъ принадлежалъ къ самымъ записнымъ литераторамъ-рутинерамъ) и пробудили въ немъ новыя, свѣжія силы для будущей дѣятельности. Безъ Гоголя Аксаковъ едва ли бы написалъ «Семейство Багровыхъ» [3]).

---

[1]) Щепкинъ.
[2]) Аксакова.
[3]) «Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы Багрова-внука».

День этотъ былъ праздникомъ для Константина Аксакова... Съ какою любовію онъ слѣдилъ за каждымъ взглядомъ, за каждымъ движеніемъ, за каждымъ словомъ Гоголя, какъ онъ переглядывался съ Щепкинымъ, какъ крѣпко жалъ мнѣ руки, повторяя:

Вотъ онъ нашъ Гоголь! Вотъ онъ!

Гоголь говорилъ мало, вяло и будто нехотя. Онъ казался задумчивъ и грустенъ. Онъ не могъ не видѣть поклоненія и благоговѣнія, окружавшаго его, и принималъ все это, какъ должное, стараясь прикрыть удовольствіе, доставляемое его самолюбію, наружнымъ равнодушіемъ. Въ его манерѣ вести себя было что то натянутое, искусственное, тяжело дѣйствовавшее на всѣхъ, которые смотрѣли на него не какъ на генія, а просто какъ на человѣка...

Чувство глубокаго, безпредѣльнаго уваженія семейства Аксаковыхъ къ таланту Гоголя проявлялось во внѣшнихъ знакахъ, съ ребяческой, наивной искренностію, доходившей до комизма. Передъ его приборомъ, за обѣдомъ, стояло не простое, а розовое стекло; съ него начинали подавать кушанье; ему подносили любимые имъ макароны для пробы, которыя онъ не совсѣмъ одобрилъ и сталъ самъ мѣшать и посыпать сыромъ.

Послѣ обѣда онъ развалился на диванѣ въ кабинетѣ Сергѣя Тимоѳеича, и черезъ нѣсколько минутъ сталъ опускать голову и закрывать глаза — въ самомъ ли дѣлѣ начиналъ дремать, или притворялся дремлющимъ... Въ комнатѣ мгновенно все смолкло... Щепкинъ, Аксаковы и я вышли на цыпочкахъ. Константинъ Аксаковъ, едва переводя дыханіе, ходилъ кругомъ кабинета, какъ часовой, и при чьемъ-нибудь малѣйшемъ движеніи или словѣ повторялъ шопотомъ и махая руками:

Тсс! тсс! Николай Васильевичъ засыпаетъ!..

Объ обѣщанномъ чтеніи Гоголь передъ обѣдомъ не говорилъ ни слова; спросить его, сдержитъ ли онъ свое обѣщаніе, никто не рѣшался...

Покуда Гоголь дремалъ, у всѣхъ только былъ въ головѣ одинъ вопросъ: прочтетъ ли онъ что-нибудь и что прочтетъ? У всѣхъ бились сердца, какъ они всегда бьются въ ожиданіи необыкновеннаго событія...

Наконецъ Гоголь зѣвнулъ громко.

Константинъ Аксаковъ при этомъ взглянулъ въ щелку двери и видя, что онъ открылъ глаза, вошелъ въ кабинетъ. Мы всѣ послѣдовали за нимъ.

— Кажется, я вздремнулъ немного?—спросилъ Гоголь, зѣвая и посматривая на насъ...

Дамы, узнавъ, что онъ проснулся, вызывали Константина Аксакова и шопотомъ спрашивали — будетъ ли чтеніе? Константинъ Аксаковъ пожималъ плечами и говорилъ, что ему ничего неизвѣстно.

Всѣ томились отъ этой неизвѣстности, и Сергѣй Тимоѳеичъ первый рѣшился вывести всѣхъ изъ такого непріятнаго положенія.

— А вы, кажется, Николай Васильевичъ, дали намъ обѣщаніе... вы не забыли его?—спросилъ онъ осторожно...

Гоголя подернуло нѣсколько.

— Какое обѣщаніе?.. Ахъ да! Но я сегодня, право, не имѣю расположенія къ чтенію и буду читать дурно, вы меня лучше ужъ избавьте отъ этого...

При этихъ словахъ мы всѣ пріуныли; но Сергѣй Тимоѳеичъ не потерялъ духа и съ большою тонкостію и ловкостію сталъ упрашивать его... Гоголь отговаривался болѣе получаса, перемѣняя безпрестанно разговоръ. Потомъ потянулся и сказалъ: «Ну такъ и быть, я, пожалуй, что-нибудь прочту вамъ... Не знаю только, что прочесть?..» И приподнялся съ дивана.

У встрепенувшагося Щепкина задрожали щеки; Константинъ Аксаковъ весь просіялъ, будто озаренный солнцемъ; повсюду пронесся шопотъ:

— Гоголь будетъ читать.

Гоголь всталъ съ дивана, взглянулъ на меня не совсѣмъ пріятнымъ и пытливымъ глазомъ (онъ не любилъ, какъ я узналъ послѣ, присутствія малознакомыхъ ему лицъ при его чтеніяхъ) и направилъ шаги въ гостиную. Всѣ послѣдовали за нимъ. Въ гостиной дамы уже давно ожидали его.

Онъ нехотя подошелъ къ большому овальному столу передъ диваномъ, сѣлъ на диванъ, бросилъ бѣглый взглядъ на всѣхъ, опять началъ увѣрять, что онъ не знаетъ, что прочесть, что у него нѣтъ ничего обдѣланнаго и законченнаго... и вдругъ рыгнулъ разъ, другой, третій...

Дамы переглянулись между собою, мы не смѣли обнаружить при этомъ никакого удивленія и только смотрѣли на него въ тупомъ недоумѣніи.

— Что это у меня? точно отрыжка?—сказалъ Гоголь и остановился. Хозяинъ и хозяйка дома даже нѣсколько смутились... Имъ, вѣроятно, пришло въ голову, что обѣдъ ихъ не понравился Гоголю, что онъ разстроилъ желудокъ... и проч.

Гоголь продолжалъ: «Вчерашній обѣдъ засѣлъ въ горлѣ: эти грибки да ботвинья! Ѣшь, ѣшь, просто чортъ знаетъ, чего не ѣшь...»

И заикалъ снова, вынувъ рукопись изъ задняго кармана и кладя ее передъ собою... «Прочитать еще «Сѣверную Пчелу», что тамъ такое?..» говорилъ онъ, уже слѣдя глазами свою рукопись.

Тутъ только мы догадались, что эта икота и эти слова были началомъ чтенія драматическаго отрывка, напечатаннаго впослѣдствіи подъ именемъ «Тяжбы». Лица всѣхъ озарились смѣхомъ, но громко смѣяться никто не смѣлъ... Всѣ только посматривали другъ на друга, какъ бы говоря: «Каково? каково читаетъ?» Щепкинъ заморгалъ глазами, полными слезъ.

Чтеніе отрывка продолжалося не болѣе получаса. Восторгъ былъ всеобщій; онъ подѣйствовалъ на автора.

Теперь я вамъ прочту, — сказалъ онъ, — первую главу моихъ «Мертвыхъ Душъ», хоть она еще не обдѣлана...

Всѣ литературные кружки передъ этимъ уже были сильно заинтересованы слухами о «Мертвыхъ Душахъ». Гоголь, если я не ошибаюсь, прежде всѣхъ читалъ начало своей поэмы Жуковскому. Говорили, что это произведеніе геніальное... Любопытство къ «Мертвымъ Душамъ» возбуждено было не только въ литературѣ, но и въ обществѣ.

Нечего говорить, какъ предложеніе Гоголя было принято его поклонниками...

Гоголь читалъ неподражаемо. Между современными литераторами лучшими чтецами своихъ произведеній считаются Островскій и Писемскій: Островскій читаетъ безъ всякихъ драматическихъ эффектовъ, съ величайшею простотою, придавая между тѣмъ должный оттѣнокъ каждому лицу; Писемскій читаетъ, какъ актеръ онъ, такъ сказать, разыгрываетъ свою піесу въ чтеніи... Въ чтеніи Гоголя было что то среднее между двумя этими манерами чтеній. Онъ читалъ драматичнѣе Островскаго и съ гораздо большею простотою, чѣмъ Писемскій...

Когда онъ окончилъ чтеніе первой главы и остановился, нѣсколько утомленный, обведя глазами своихъ слушателей, его авторское самолюбіе должно было удовлетвориться вполнѣ... На лицахъ всѣхъ ясно выражалось глубокое впечатлѣніе, произведенное его чтеніемъ. Всѣ были и потрясены, и удивлены. Гоголь открывалъ для его слушателей тотъ міръ, который всѣмъ намъ такъ знакомъ и близокъ, но который до него никто не умѣлъ воспроизвести съ такою безпощадною наблюдательностію, съ такою изумительною вѣрностію и съ такою художественною силою... И какой языкъ-то! языкъ-то! Какая сила, свѣжесть, поэзія! У насъ даже мурашки пробѣгали по тѣлу отъ удовольствія.

Послѣ чтенія Сергѣй Тимоѳеичъ Аксаковъ въ волненіи прохаживался по комнатѣ, подходилъ къ Гоголю, жалъ его руки и значительно посматривалъ на всѣхъ насъ... «Геніально, геніально!» повторялъ онъ.

Глазки Константина Аксакова сверкали, онъ ударилъ кулакомъ о столъ и говорилъ: «Гомерическая сила! гомерическая!»

Дамы восторгались, ахали, разсыпались въ восклицаніяхъ.

Гоголь еще болѣе выросъ послѣ этого чтенія въ глазахъ всѣхъ...

На другой день мы съ Константиномъ Аксаковымъ отправились къ Бѣлинскому...

Аксаковъ передалъ ему о вчерашнемъ чтеніи со всѣмъ энтузіазмомъ, онъ говорилъ, что послѣ первой главы «Мертвыхъ Душъ» нельзя уже сомнѣваться въ томъ, что Гоголь геній, и что онъ подаритъ русскую литературу колоссальнымъ произведеніемъ, въ которомъ отразится вся Русь.

Бѣлинскій слушалъ Аксакова съ жадностію и смотрѣлъ на насъ съ завистію.

— Чортъ васъ возьми, счастливцы!—сказалъ онъ,—я не знаю, чего бы я не далъ, чтобы выслушать теперь эту главу.

V.

Записки А. О. Смирновой [1]).

Въ отличіе отъ извѣстныхъ «Записокъ» А. О. Смирновой, которыя на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ поддѣлка ея дочери, приводимыя здѣсь воспоминанія являются подлиннымъ документомъ, проливающимъ настоящій свѣтъ на ея отношенія къ Гоголю.

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1895, 4, стр. 537 — 544.

Смирнова играла видную роль въ такъ называемомъ петербургскомъ «свѣтѣ» и была близко знакома съ крупнѣйшими представителями тогдашняго литературнаго міра. О началѣ своего знакомства съ Гоголемъ она не помнитъ, но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, это знакомство можно отнести приблизительно къ 1831 г.

Гоголь былъ дружески принятъ въ семьѣ Смирновой, встрѣчался съ нею за границей и неоднократно гостилъ у нея: то въ Калугѣ и калужскомъ имѣніи Бѣгичево, то въ подмосковной. Онъ читалъ ей свои произведенія [1]), велъ съ нею переписку.

Во время нравственнаго перелома, происходившаго въ Гоголѣ, Смирнова сыграла не маловажную и въ общемъ прискорбную роль: переживая сама душевный кризисъ, она сильно способствовала развитію мистицизма въ великомъ писателѣ, которое, расшатывая все болѣе и болѣе его духовный міръ, привело, наконецъ, къ полной потерѣ нравственнаго равновѣсія, подорвало и безъ того слабыя физическія силы его и вызвало трагическую гибель великаго писателя и его созданія.

С. Т. Аксаковъ въ своей книгѣ «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ» высказываетъ очень интересный взглядъ на эти отношенія, подчеркивая гибельное вліяніе Смирновой на личность и творчество Гоголя. Самъ Гоголь въ письмѣ къ Языкову (5 іюня 1845 г.) такъ говоритъ о Смирновой: «Это перлъ всѣхъ русскихъ женщинъ, какихъ мнѣ случалось изъ нихъ знать, прекрасныхъ по душѣ. Но врядъ ли кто имѣетъ въ себѣ достаточныя силы оцѣнить ее. И самъ я, какъ ни уважалъ ее всегда и какъ ни былъ друженъ съ ней, но только въ одинъ истинно страждущія минуты и ея и мои узналъ ее. Она являлась истиннымъ моимъ утѣшителемъ, тогда какъ врядъ ли чье-либо слово могло меня утѣшить».

Какимъ образомъ, гдѣ именно и въ какое время я познакомилась съ покойнымъ Н. В. Гоголемъ, совершенно не помню. Это можетъ показаться страннымъ, потому что встрѣча съ замѣчательнымъ человѣкомъ обыкновенно намъ памятна, и притомъ у меня память

1) См. «Мое знакомство съ Гоголемъ» Л. И. Арнольди.

прекрасная. Когда я однажды спрашивала Н. В.: «Гдѣ мы съ вами познакомились?» онъ мнѣ отвѣчалъ: «Неужели вы не помните? Вотъ прекрасно! Такъ я жъ вамъ не скажу; это, впрочемъ, тѣмъ лучше, — это значитъ, что мы съ вами всегда были знакомы». И сколько разъ я его потомъ ни просила мнѣ сказать, гдѣ мы познакомились, онъ всегда отвѣчалъ: «Не скажу, мы всегда были знакомы». Въ 1837 году я провела зиму въ Парижѣ, rue du Mont Blanc, № 21. Русскихъ было довольно, въ концѣ зимы былъ Гоголь съ пріятелемъ своимъ Данилевскимъ. Онъ былъ у насъ раза три одинъ, и мы уже обходились съ нимъ, какъ съ человѣкомъ очень знакомымъ, но котораго, какъ говорится, ни въ грошъ не ставили. Все это странно, потому что мы читали съ восторгомъ «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки», и они меня такъ живо перенесли въ великолѣпную Малороссію. Оставивъ еще въ дѣтствѣ этотъ край, я съ необыкновеннымъ чувствомъ прислушивалась ко всему тому, что его напоминало, а «Вечера на хуторѣ» такъ ею и дышатъ. Съ нимъ тогда я обыкновенно заводила рѣчь о высокомъ крыльцѣ и бурьянѣ, о бѣлыхъ журавляхъ на красныхъ лапкахъ, которые по вечерамъ прилетаютъ на кровлю знакомыхъ хатъ, о галушкахъ и варенникахъ, о сѣренькомъ дымкѣ, который легко струится и выходитъ изъ трубъ каждой хаты; пѣла ему «Не ходи, Грицько, на вечерницы». Онъ болѣе слушалъ, потому что я очень болтала, но однажды описывалъ мнѣ малороссійскій вечеръ, когда солнце садится, табуны гонятъ съ поля, и отсталыя лошади несутся, подымая пыль копытами, а за ними съ нагайками въ рукахъ пожилой хохолъ съ чупруномъ; онъ описывалъ это живо, съ любовью, хотя прерывисто и въ короткихъ словахъ. О Парижѣ мало было рѣчи; повидимому, онъ уже и тогда его не любилъ. Однако онъ посѣщалъ съ Данилевскимъ театры, потому что разсказывалъ

мнѣ, какъ входили въ оперу à la file dans la queue [1]), и какъ торгуютъ правомъ на хвостъ. Съ свойственною ему одному способностью замѣчать то, что другимъ не кажется смѣшнымъ, ни замѣчательнымъ, онъ разсказывалъ это очень смѣшно. Одинъ разъ говорили мы о разныхъ комфортахъ въ путешествіи, и онъ сказалъ мнѣ, что хуже всего на этотъ счетъ въ Португаліи, и совѣтовалъ мнѣ туда не ѣздить. «Вы какъ это знаете, Николай Васильевичъ?» спросила я его. «Да я тамъ былъ, пробрался туда изъ Испаніи, гдѣ также прегадко въ трактирахъ», отвѣчалъ онъ преспокойно. Я начала утверждать, что онъ не былъ въ Испаніи, что это не можетъ быть, потому что тамъ все въ смутахъ, дерутся на всѣхъ перекресткахъ, что тѣ, которые оттуда пріѣзжаютъ, много разсказываютъ, а онъ ровно никогда ничего не говорилъ. На все это онъ очень хладнокровно отвѣчалъ: «На что же все разсказывать и занимать публику? Вы привыкли, чтобы вамъ съ перваго раза человѣкъ все выкладывалъ, что̀ знаетъ и не знаетъ, даже и то, что у него на душѣ». Я осталась при своемъ, что онъ не былъ въ Испаніи, и межъ нами осталась эта шутка: «Это когда я былъ въ Испаніи». Въ Испаніи онъ точно былъ, но проѣздомъ, потому что въ самомъ дѣлѣ оставаться долго было непріятно послѣ Италіи: ни климатъ, ни природа, ни художества, ни картины, ни народъ не могли произвести на него особеннаго впечатлѣнія. Испанская школа сливалась для него съ Болонскою въ отношеніи красокъ и въ особенности рисунка; Болонскую онъ совсѣмъ не любилъ. Очень понятно, что такой художникъ, какъ Гоголь, разъ взглянувши на Рафаэля въ Римѣ, не могъ слишкомъ увлекаться другими живописцами. Вообще у него была une certaine sobriété dans l'appreciation de l'art; il fallait que toutes les cordes de son

[1]) Одинъ за другимъ въ хвостѣ.

âme reconnaissent une chose pour belle pour qu'il la qualifia de telle [1]) «Стройность во всемъ, вотъ что прекрасно», говорилъ онъ.

Лѣтомъ того же 1837 года я пріѣхала въ Баденъ, и Н. В. пріѣхалъ не лѣчиться, но пилъ по утрамъ холодную воду въ Лихтентальской аллеѣ. Мы встрѣчались почти каждое утро. Онъ ходилъ или, лучше сказать, бродилъ одинъ, потому что иногда былъ на дорожкѣ, а чаще гулялъ en zig-zag у Стефани-бадъ. Часто онъ такъ былъ задумчивъ, что я долго-долго его звала; обыкновенно онъ отказывался со мною гулять, прибирая самые слабые резоны. Его, кромѣ Карамзина, изъ русскихъ никто не зналъ, и одинъ господинъ высшаго общества мнѣ сказалъ, встрѣтивъ меня съ нимъ: «Vous donnez dans la mauvaise société; vous vous promenez avec un certain Gogol, qui est très mauvais genre» [2]).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ вдругъ намъ предложилъ вечеромъ собраться и объявилъ, что пишетъ романъ подъ названіемъ «Мертвыя Души» и хочетъ прочесть намъ двѣ первыя главы.

Андрей Карамзинъ, графъ Левъ Сологубъ, Платоновъ и насъ двое условились собраться въ 7 часовъ вечера. День былъ знойный. Около 7 часовъ мы сѣли кругомъ стола.

Н. В. взошелъ, говоря, что будетъ гроза, что онъ это чувствуетъ, но, несмотря на это, вытащилъ изъ кармана тетрадку въ четверть листа и началъ первую главу столь извѣстной своей поэмы. Межъ тѣмъ громъ гремѣлъ, и разразилась одна изъ самыхъ сильныхъ грозъ, какую я запомню; съ горъ потекли потоки, противъ нашего дома образовалась каскада съ при-

[1]) Извѣстная трезвость въ оцѣнкѣ произведеній искусства; онъ признавалъ ихъ прекрасными лишь тогда, когда они заставляли звучать всѣ струны души.

[2]) Вы вращаетесь въ дурномъ обществѣ: прогуливаетесь съ какимъ-то Гоголемъ, человѣкомъ очень дурного тона.

горка, а мутная Муръ бѣсилась, рвалась изъ береговъ. Онъ поглядывалъ въ окно, но продолжалъ читать спокойно. Мы были въ восторгѣ, хотя что то было страшное въ душѣ каждаго изъ насъ. Однако онъ не дочелъ второй главы и просилъ Карамзина съ нимъ пройтись до Грабена, гдѣ онъ жилъ. Дождь началъ утихать, и они отправились. Послѣ Карамзинъ мнѣ говорилъ, что Н. В. боялся идти одинъ домой и на его вопросъ отвѣчалъ, что на Грабенѣ большія собаки, а онъ ихъ боится и не имѣетъ палки. На Грабенѣ же не было собакъ, и я полагаю, что гроза дѣйствовала на его слабые нервы, и онъ страдалъ невыразимыми страданіями, извѣстными однимъ нервнымъ субъектамъ. На другой день я еще просила прочесть его изъ «Мертвыхъ Душъ», но онъ рѣшительно отказалъ и просилъ даже его не просить. Въ августѣ мы оставили Баденъ-Баденъ, и Гоголь съ другими русскими проводилъ насъ до Карлсруэ, гдѣ ночевалъ съ моимъ мужемъ въ одной комнатѣ и былъ боленъ всю ночь, жестоко страдая желудкомъ и безсонницей. О первой своей нервической болѣзни, которую выстрадалъ въ Вѣнѣ, онъ не говорилъ ни слова.

Мы пріѣхали въ Россію въ 1838 году. Онъ оставался въ чужихъ краяхъ, и я ничего о немъ не слыхала, не была съ нимъ въ перепискѣ. Въ 1841 году онъ вдругъ явился ко мнѣ въ хорошемъ расположеніи духа, но о «Мертвыхъ Душахъ» не было и помину. Я узнала тутъ, что онъ былъ уже въ короткихъ отношеніяхъ съ Вѣльгорскими, но сама еще тогда рѣдко съ ними видѣлась и не старалась разъяснить, когда и какъ эта связь устроилась. Находила его сближеніе съ comme il faut [1]) очень естественнымъ и простымъ. Въ томъ же году подъ весну я получила отъ него письмо очень длинное, все исполненное слезъ, почти

[1]) Людьми хорошаго тона.

стону, въ которомъ жалуется съ какимъ то почти дѣтскимъ отчаяніемъ на всѣ насмѣшливыя отмѣтки московской цензуры. Къ письму была приложена просьба къ государю, въ случаѣ, что не пропустятъ первый томъ «Мертвыхъ (Душъ)». Эта просьба была прекрасно написана, очень коротко, исполнена достоинства и чувства, вмѣстѣ довѣрія къ разуму государя, который одинъ велѣлъ принять «Ревизора» вопреки мнѣнію его окружавшихъ. Я, однако, рѣшилась прибѣгнуть къ совѣту графа М. Ю. Віельгорскаго; онъ горячо взялся за это дѣло и устроилъ все съ помощью князя М. А. Дундукова, бывшаго тогда попечителемъ университета. Ни этого письма, ни просьбы у меня не нашлось; вѣроятно, они у графа Віельгорскаго, и даже мнѣ кажется, что просьбу я возвратила Гоголю, какъ вещь, мнѣ не принадлежащую.

Весною 1842 года Гоголь пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился у Плетнева, приходилъ ко мнѣ довольно часто и уже очень запросто, очень дружески. Очень сблизился съ братомъ моимъ Аркадіемъ Осиповичемъ [1]), изъявилъ желаніе прочитать отрывки уже напечатанныхъ «Мертвыхъ Душъ» и читалъ у Вяземскаго разговоръ двухъ дамъ. Никто такъ не читалъ, какъ покойный Николай Васильевичъ, и свои и чужія произведенія; мы смѣялись неумолкаемо и, если правду сказать, Вяземскій и мы не подозрѣвали всей глубины, таящейся въ этомъ комизмѣ. Такова участь комика, и надобно, чтобы долго смѣялись ему, пока вдругъ не уразумѣютъ нѣкоторые избранные, что этотъ смѣхъ вызванъ у него плачемъ души любящей и скорбящей, которая орудіемъ взяла смѣхъ.

А отчего душа такъ или иначе выражаетъ свои чувства, извѣстно одному Богу. Этотъ вопросъ, конечно, смущалъ самого Гоголя. Высокій христіанинъ

[1]) Россетъ.

въ душѣ, онъ зналъ, что образецъ нашъ, Христосъ Спаситель, не смѣялся никогда. Потому легко понять, что произошло въ немъ, когда онъ увидѣлъ, что Чичиковъ, Собакевичъ, Ноздревъ производятъ лишь смѣхъ (съ отвращеніемъ для иныхъ), отвращеніе въ людяхъ высшаго тона и въ маломъ числѣ его поклонниковъ смѣхъ съ восторгомъ къ артисту. Одинъ Плюшкинъ въ первомъ томѣ выступаетъ рѣзко, какъ трагическое лицо, но Плюшкинъ вообще менѣе интересовалъ читающую публику. Все это въ первую минуту Гоголь чувствовалъ; но до страдальчества дошло это позже, когда пошла такъ называемая его школа, и страданіе это вырвалось изъ груди его въ «Перепискѣ съ друзьями». Ея никто не понялъ, эту переписку, потому что никому не былъ открытъ онъ вполнѣ, и что̀ *перегорѣло* въ его душѣ (собственныя его слова въ письмѣ ко мнѣ), было извѣстно только Богу.

Лѣтомъ въ іюлѣ мѣсяцѣ я жила въ городѣ. Онъ самъ предложилъ мнѣ читать новую комедію «Женитьба». Вяземскій, Плетневъ, братъ мой Аркадій и двое Карамзиныхъ были приглашены къ обѣду. Гоголь былъ веселъ, спокоенъ; послѣ обѣда, отдохнувъ немного, вынулъ изъ кармана тетрадку и началъ читать такъ, какъ онъ только одинъ умѣлъ читать. Швейцару было приказано никого не принимать; но внезапно взошелъ князь Михаилъ Александровичъ Голицынъ, который мало знаетъ русскій языкъ. Меня это смутило, я подошла къ нему и разсказала, въ чемъ дѣло; онъ просилъ позволенія остаться. Къ счастью, Гоголь не обратилъ никакого вниманія и продолжалъ читать. Послѣ прочтенія всѣ его благодарили; онъ казался веселъ и доволенъ впечатлѣніемъ, ушелъ домой. Голицынъ не находилъ словъ, чтобы благодарить, и сказалъ, что подобныхъ пріятныхъ минутъ не проводилъ въ Петербургѣ, что читалъ «Мертвыя Души» съ

восторгомъ и радовался, что, наконецъ, увидѣлъ ихъ автора. Вскорѣ Гоголь уѣхалъ за границу.

Осенью того же года я поѣхала въ Италію и остановилась на два мѣсяца во Флоренціи. Неожиданно получаю письмо отъ Н. В., въ которомъ онъ пишетъ, что хотѣлъ самъ ко мнѣ ѣхать, но что удерживаетъ больной Языковъ; проситъ меня скорѣе пріѣзжать въ Римъ. Въ генварѣ мѣсяцѣ братъ мой Аркадій туда поѣхалъ для пріисканія мнѣ квартиры, а въ концѣ того же мѣсяца я отправилась съ дѣтьми. Мы потянулись въ собственныхъ экипажахъ и съ vetturino [1]).

Переночевавши въ Romiglione, мы встали какъ то праздничнo, съ мыслью, что на другой день проснемся въ Римѣ. Погода была великолѣпная, солнечная и tiède [2]). Я отворила всѣ окна, выглядывала то въ одно, то въ другое, чтобы увидать скорѣе куполъ Петра; отъ нетерпѣнія у меня разболѣлась голова. Наконецъ мы поравнялись съ гробницей Нерона. Vetturino мнѣ закричалъ: «Ecco San Pietro, alla destra, signora» [3]), и я перекрестилась. На минуту показался весь Римъ въ какомъ то легкомъ туманѣ, какъ огромная масса, и немного, очень немного выступилъ знаменитый куполъ Петра, который, — увы! — жестяной. Потомъ я уже начала помышлять объ обѣдѣ, расположеніи комнатъ и прочихъ житейскихъ суетахъ, потому что дѣти устали отъ дороги.

Начало вечерѣть, проѣхали Ponte Malvo и въѣхали послѣ пятидневнаго похода въ Porta di Popolo. Остановились у гауптвахты, гдѣ заплатили за догану [4]) и получили письмо отъ брата съ направленіемъ, куда ѣхать. Смеркалось, вокругъ фонтана и по Corso тянулись еще экипажи римлянъ, и мы тоже потяну-

---

[1]) Проводникомъ.
[2]) Мягкая.
[3]) Вотъ святой Петръ, съ правой стороны, сударыня.
[4]) Таможенный сборъ.

лись за ними вдоль по длинному Corso, повернули налѣво и остановились на Piazza Traiana у Palazetto Valentini. Верхній этажъ былъ освѣщенъ. На лѣстницу выбѣжалъ Н. В. съ протянутыми руками и лицомъ, исполненнымъ радости. «Все готово, — сказалъ онъ: — обѣдъ васъ ожидаетъ, и мы съ Аркадіемъ Осиповичемъ уже распорядились. Квартиру эту я нашелъ, воздухъ будетъ хорошъ, Corso подъ рукой, а что лучше всего, вы близко отъ Колизея и Foro Boario». Немного поговорили, и онъ отправился домой съ обѣщаніемъ прійти на другой день. Въ самомъ дѣлѣ, пришелъ въ часъ, спросилъ бумажки и карандашъ и началъ писать, куда слѣдуетъ понавѣдываться чаще Александрѣ Осиповнѣ [1]), и съ чего начать. Были во многихъ мѣстахъ и кончили Петромъ; онъ взялъ бумажку съ собой и вездѣ отмѣчалъ что-нибудь, напримѣръ: *Петромъ осталась довольна Александра Осиповна*. Такимъ образомъ онъ меня водилъ цѣлую недѣлю и направлялъ всегда такъ прогулки, что кончалось все Петромъ, и это такъ слѣдуетъ: на Петра никогда не наглядишься, хотя фасадъ у него и *комодомъ*. Когда мы осмотрѣли Римъ en gros [2]), онъ началъ ко мнѣ являться рѣже по утрамъ. Онъ жилъ Via Felice, съ Языковымъ, который въ то время былъ боленъ, не ходилъ, и Н. В. проводилъ съ нимъ всѣ досужія минуты. Никто не зналъ лучше Рима, подобнаго чичироне не было и быть не можетъ. Не было итальянскаго историка или хроникёра, котораго бы онъ не прочелъ, не было латинскаго писателя, котораго бы онъ не зналъ; все, что относилось до историческаго развитія искусства, даже благочинности итальянской, ему было извѣстно и какъ то особенно оживляло для него весь бытъ этой страны, которая тревожила его молодое воображеніе, и которую онъ такъ нѣжно любилъ,

[1]) Смирновой.
[2]) Въ общихъ чертахъ.

въ которой его душѣ яснѣе видѣлась Россія, въ которой хотя описывалъ онъ грустныхъ героевъ I-го тома «Мертвыхъ Душъ», но отечество его озарялось для него радужно и утѣшительно. Онъ самъ мнѣ говорилъ, что въ Римѣ, въ одномъ Римѣ, онъ могъ глядѣть въ глаза всему грустному и безотрадному и не испытывать тоски и томленія. Изрѣдка тревожили его тамъ нервы въ мое пребываніе, и почти всегда я видѣла его бодрымъ и оживленнымъ.

И точно, въ Римѣ есть что то примиряющее человѣка съ человѣчествомъ. Слава языческаго міра тамъ погребена такъ великолѣпно; на великолѣпныхъ развалинахъ воздвигся другой Римъ, христіанскій, который сперва облекся въ смиреніе въ лицѣ мучениковъ или молчальныхъ отшельниковъ въ катакомбахъ, но въ послѣдствіи вѣковъ, зараженный тою же гордынею своихъ предковъ, началъ погребаться съ древнимъ Римомъ. Развалина матеріальная и развалина духовная — вотъ что былъ онъ въ 40-хъ годахъ; но все надъ нимъ то же голубое небо, то же яркое, теплое, но не палящее солнце, та же синяя ночь съ сіяніемъ звѣздъ, тотъ же благотворный воздухъ, не тревожный, какъ неаполитанскій, но успокаивающій. И столько красоты и величія въ воспоминаніяхъ не примиряетъ ли насъ съ человѣчествомъ? Остается благодарность Провидѣнію, которое позволило всякому принести плодъ свой во время свое, и, гуляя по развалинамъ, убѣждаешься безъ горечи, что народы, царства, такъ же, какъ и всякая личность, преходящи. Римъ мнѣ казался всегда какимъ то всемірнымъ музеумомъ, въ которомъ всякій камень гласитъ объ историческомъ, назидательномъ событіи, но уже не имѣетъ никакого значенія въ настоящемъ, и вотъ почему въ Римѣ не грустно, а отрадно. Николаю Васильевичу, какъ художнику, говорилъ весь Римъ особеннымъ языкомъ. Это сильно чувствуется въ его отрывкѣ «Римъ».

S-te Beuve [1]) говоритъ, что ни одинъ путешественникъ не дѣлалъ такихъ точныхъ и вмѣстѣ оригинальныхъ замѣчаній; особенно его поразило замѣчаніе Гоголя о трастиверіанахъ [2]) и собраніе нѣсколькихъ пѣсенъ почти никому незамѣтнаго, но весьма особеннаго типа римлянъ. Едва ли сами жители города знаютъ, что трастиверіане съ ними никогда не сливались и не сливаются, что у нихъ даже свой языкъ еще, или свои patois [3]). Замѣтивъ, что Гоголь такъ хорошо знаетъ все, что касается до древности, я сама завлеклась ею; я его мучила, чтобы узнать поболѣе. Карты, планы у меня лежали на столѣ... все безпрестанно пересматривалось; мнѣ хотѣлось перенестись въ эту историческую даль, въ этотъ мракъ, и часто я къ нему приставала съ вопросами.

Одинъ разъ, гуляя въ Колизеѣ, я ему сказала: «А какъ вы думаете, гдѣ Неронъ сидѣлъ? Вы это должны знать, и какъ онъ сюда являлся, пѣшій, въ колесницѣ или на носилкахъ?» Гоголь разсердился: «Да что вы ко мнѣ пристаете съ этимъ мерзавцемъ! Вы воображаете, кажется, что я въ то время жилъ; вы воображаете, что я хорошо знаю исторію. Совсѣмъ нѣтъ. Исторію никто еще такъ не писалъ, чтобы живо можно было видѣть или народъ, или какую-нибудь личность. Вотъ одинъ Муратори [4]) понялъ, какъ описывать народъ; у него одного чувствуется все развитіе, весь бытъ, кажется, Генуи; а прочіе всѣ сочиняли или только сцѣпляли происшествія; у нихъ не сыщется никакой связи человѣка съ той землей, на которой онъ поставленъ». Потомъ продолжалъ уже разговоръ объ исторіи и, совѣтуя мнѣ прочесть Cantu [5]), прибавилъ: «Histoire uni-

[1]) Знаменитый французскій критикъ, одинъ изъ видныхъ представителей романтической школы.
[2]) Жителяхъ другого берега Тибра.
[3]) Жаргонъ, нарѣчіе.
[4]) Итальянскій историкъ.
[5]) Итальянскій историкъ и беллетристъ.

verselle» Боссюета[1]) написана съ одной духовной точки, въ ней не видна свобода человѣка, которому Богъ предоставилъ дѣйствовать или хорошо, или дурно; онъ былъ католикъ. Guizot[2]) написалъ хорошо также «Histoire des Révolutions», но слишкомъ съ феодальной точки. Надобно бы найти середину и написать ярче, придать болѣе выпуклости. Я всегда думалъ написать географію; въ этой географіи можно было бы увидѣть, какъ писать исторію. Но объ этомъ послѣ. Другъ мой, я заврался, а скажу вамъ, между прочимъ, что подлецъ Неронъ входилъ въ эту ложу въ золотомъ вѣнкѣ, въ томъ костюмѣ, въ которомъ вы его видѣли въ Ватиканѣ». Но не часто и не долго онъ говорилъ; обыкновенно шелъ одинъ поодаль отъ насъ, подымалъ камушки, срывалъ травки, или, размахивая руками, попадалъ на кусты и деревья, въ campagna ложился навзничь и говорилъ: «Забудемъ все, посмотрите на это небо», и долго, задумчиво и вмѣстѣ весело онъ глядѣлъ на это голубое, безоблачное, ласкающее небо. Одно утро онъ явился съ праздничнымъ лицомъ и объявилъ, что хочетъ мнѣ сдѣлать сюрпризъ: «Надобно, чтобы Аркадій Осиповичъ и Ханыковъ были съ нами», и мы поѣхали въ San Giovani in Laterano. Онъ отправилъ насъ въ церковь, а самъ оставался на паперти, такъ что вправо у него была S-ta Croce in Jerusalemo, а влѣво — Scala Santa. Мы осматривали всѣ капеллы, всѣ рѣдкости, всѣ предметы уваженія или удивленія и вышли къ нему; онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, и глаза его, какъ будто терялись въ дали и какъ будто ему[3])...

Меня просили многіе изъ моихъ знакомыхъ написать не біографію Ник. Вас., но просто всѣ обстоятельства моего знакомства съ нимъ. Гоголь былъ такое

---

[1]) Знаменитый французскій проповѣдникъ, историкъ и богословъ.
[2]) Французскій историкъ.
[3]) Фраза не была дописана.

интересное, такое новое явленіе на литературномъ поприщѣ, что біографію его почти невозможно написать, если друзья его не согласятся передать черты его жизни или слова его, болѣе или менѣе значительныя и обнаруживающія внутреннее настроеніе его души. Гоголь былъ добръ, кротокъ, лѣнивъ и вмѣстѣ дѣятеленъ, самолюбивъ и смиренъ; вообще двойственность въ немъ обнаруживалась и обличалась рѣзко, какъ всегда бываетъ у людей геніальныхъ. Постоянное было въ немъ одно: желаніе побѣдить все низкое, недостойное и стать выше душею. Его уваженіе, даже особенное предпочтеніе [1])...

VI.

Изъ воспоминаній Л. И. Арнольди [2]).

Л. И. Арнольди, братъ по матери А. О. Смирновой, познакомился съ Н. В. у своей сестры, ѣздилъ вмѣстѣ съ нимъ къ ней въ Калугу и, живя тамъ, имѣлъ возможность ближе присмотрѣться къ великому писателю. Въ воспоминаніяхъ своихъ Арнольди пытается подвести извѣстные итоги личности и творчеству Гоголя, и, между прочимъ, проводитъ искусственную и очень неудачную параллель между нимъ и Ж. Ж. Руссо. Самые пріемы подходить къ личности великаго человѣка у Арнольди во многихъ отношеніяхъ очень наивны: съ одной стороны, онъ не можетъ отрѣшиться отъ узкихъ обыденныхъ мѣрокъ, не приложимыхъ къ геніальнымъ натурамъ, съ другой стороны, все время смотритъ на Гоголя, какъ на какую то «диковину», «монстра», съ нескрываемымъ любопытствомъ ищетъ въ каждомъ поступкѣ и словѣ великаго писателя чего то необыкновеннаго. Описывая встрѣчу съ нимъ у своей сестры, Арнольди прибавляетъ: «Гоголь внимательно разспрашивалъ сестру о ея положеніи,

[1]). Фраза не дописана.
[2]) «Русскій Вѣстникъ», 1862, I, 54.—95: «Мое знакомство съ Гоголемъ».

давалъ какіе то совѣты и *не сказалъ ничего замѣчательнаго*» [1]).

Арнольди, видимо, былъ искреннимъ почитателемъ таланта Гоголя, и это уваженіе къ личности творца «Мертвыхъ Душъ», сложившееся у него, можетъ быть, отчасти подъ вліяніемъ сестры, выражается на протяженіи всей статьи.

Въ воспоминаніяхъ Арнольди приведено много очень цѣнныхъ данныхъ, обличающихъ въ немъ, правда, не очень тонкаго, но зато необыкновенно добросовѣстнаго наблюдателя. Кромѣ того, онъ подробно передаетъ содержаніе прослушанной имъ части II тома «Мертвыхъ Душъ».

Первая встрѣча ихъ произошла въ Москвѣ у Смирновой:

«Ровно въ 6 часовъ вошелъ въ комнату человѣкъ маленькаго роста съ длинными бѣлокурыми волосами, причесанными à la mougik, маленькими карими глазками и необыкновенно длиннымъ и тонкимъ, птичьимъ носомъ. Это былъ Гоголь! Онъ носилъ усы, чрезвычайно странно тарантилъ ногами, неловко махалъ одною рукой, въ которой держалъ палку и сѣрую пуховую шляпу; былъ одѣтъ вовсе не по модѣ и даже безъ вкуса. Улыбка его была очень добрая и пріятная, въ глазахъ замѣчалось какое то нравственное утомленіе. Сестра моя познакомила насъ, и Гоголь дружески обнялъ меня, сказавъ сестрѣ: «Ну, теперь я знакомъ, кажется, со всѣми вашими братьями; это, кажется, самый младшій». Дѣйствительно, я былъ младшій. Мы сѣли вокругъ стола; разговоръ завязался о здоровьѣ; Гоголь внимательно разспрашивалъ сестру о ея положеніи, давалъ какіе то совѣты, и не сказалъ ничего замѣчательнаго. Вечеромъ я проводилъ его домой; намъ было по дорогѣ, потому что онъ жилъ тогда на Никитскомъ бульварѣ у графа А. П. Т...го [2]), а я у Никитскихъ воротъ. Гоголь говорилъ со мною о моей

---

[1]) Курсивъ нашъ.
[2]) Толстого.

службѣ и совѣтовалъ не брать видныхъ мѣстъ. «На нихъ всегда найдутся охотники, — прибавилъ онъ, — а вы возьмите должность скромную, не блестящую, и постарайтесь быть именно въ этой должности полезнымъ; тогда вы увидите, какъ будетъ вамъ весело на душѣ» [1]).

«Гоголь много бесѣдовалъ со мной; мы говорили о русской литературѣ, о Пушкинѣ, въ которомъ онъ любилъ удивительно добраго и снисходительнаго человѣка и умнаго, великаго поэта. Говорили о Языковѣ, о Баратынскомъ. Гоголь превосходно прочелъ мнѣ два стихотворенія Языкова: *Землетрясеніе* и еще другое. По его мнѣнію, *Землетрясеніе* было лучшее русское стихотвореніе. Потомъ говорилъ Гоголь о Малороссіи, о характерѣ малороссіянина, и такъ развеселился, что сталъ разсказывать анекдоты одинъ другого забавнѣе и остроумнѣе.

... Мы много смѣялись, Гоголь былъ въ духѣ, безпрестанно снималъ свою круглую сѣрую шляпу, скидывалъ свой зеленый камлотовый плащъ и, казалось, вполнѣ наслаждался чуднымъ теплымъ іюньскимъ вечеромъ, вдыхая въ себя свѣжій воздухъ полей».

Въ Малоярославцѣ пришлось остановиться для починки сломавшагося дорожнаго тарантаса; на помощь случайно пришелъ городничій, знакомый Арнольди.

«Городничій, баронъ Э..., кликнулъ ямщиковъ, послалъ за кузнецами, условился въ цѣнѣ и велѣлъ, чтобы все было готово черезъ часъ. Успокоивъ меня такимъ образомъ, онъ вдругъ спросилъ меня совсѣмъ неожиданно: «Позвольте узнать, кто ѣдетъ съ вами въ сѣрой шляпѣ?» — «Гоголь», отвѣчалъ я. «Какой Гоголь? — вскрикнулъ городничій: — Ужъ не писатель ли Гоголь, сочинившій *Ревизора?*» — «Онъ са-

[1]) Дальше Арнольди говоритъ о своемъ путешествіи вмѣстѣ съ Гоголемъ къ Смирновой въ Калугу.

мый». — «Ахъ, сдѣлайте одолженіе, познакомьте меня съ нимъ; я много уважаю этого сочинителя, читалъ всѣ его сочиненія, и былъ бы совершенно счастливъ, еслибъ я могъ поговорить съ нимъ». Я зналъ странный характеръ Гоголя, не любившаго никакихъ новыхъ знакомствъ, и потому боялся, что онъ послѣ будетъ сердиться на меня, если я представлю ему городничаго, но отказать любезному майору въ такой пустой вещи за всѣ его хлопоты не было возможности, и я повелъ его прямо къ Гоголю. «Николай Васильевичъ, позвольте вамъ представить начальника здѣшняго города барона Э..., по милости котораго мы еще можемъ поспѣть сегодня въ деревню». Къ моему удивленію, Гоголь весьма любезно поклонился майору и протянулъ ему руку, прибавивъ: «Очень радъ съ вами познакомиться». — «А я совершенно счастливъ, что вижу нашего знаменитаго писателя, — отвѣчалъ городничій: — давно желалъ гдѣ-нибудь васъ увидѣть; читалъ всѣ ваши сочиненія и *Мертвыя Души*, но въ особенности люблю *Ревизора*, гдѣ вы такъ вѣрно описали нашего брата городничаго. Да, встрѣчаются до сихъ поръ еще... встрѣчаются такіе городничіе».

Гоголь улыбнулся и тотчасъ перемѣнилъ разговоръ.

— Вы давно здѣсь?

— Нѣтъ, только полтора года.

— А городокъ, кажется, порядочный?

— Помилуйте, прескверный городишка, скука смертная, общества никакого!

— Ну, а кромѣ чиновниковъ, живутъ ли здѣсь помѣщики?

— Есть, но немного, всего три семейства, но отъ нихъ никакого прока, всѣ между собой въ ссорѣ.

— Отчего это, за что поссорились?

Тутъ я оставилъ Гоголя съ городничимъ и пошелъ на станцію. Черезъ четверть часа я засталъ ихъ еще на томъ же мѣстѣ. Гоголь говорилъ съ нимъ уже о

купцахъ и внимательно разспрашивалъ, кто именно и чѣмъ торгуетъ, гдѣ сбываетъ свои товары, какимъ промысломъ занимаются крестьяне въ уѣздѣ; бываютъ ли въ городѣ ярмарки и тому подобное. Я перебилъ ихъ живой разговоръ предложеніемъ Гоголю позавтракать. Услыхавъ это, городничій сталъ извиняться, что уже отобѣдалъ, и потому жалѣетъ, что не можетъ пригласить насъ къ себѣ; но, кликнувъ будочника, послалъ его впередъ въ трактиръ приготовить намъ особенную комнату и обѣдъ, а самъ пошелъ провожать насъ. Гоголь впился въ моего городничаго, какъ піявка, и не уставалъ разспрашивать его обо всемъ, что его занимало. У трактира городничій съ нами раскланялся. На сцену явился половой и бойко повелъ насъ по лѣстницѣ въ особый нумеръ. Гоголь сталъ заказывать обѣдъ, выдумалъ какое то новое блюдо изъ ягодъ, муки, сливокъ и еще чего то, помню только, что оно вовсе не было вкусно. Покуда мы обѣдали, онъ все время разговаривалъ съ половымъ, разспрашивалъ его, откуда онъ, сколько получаетъ жалованья, гдѣ его родители, кто чаще другихъ заходитъ къ нимъ въ трактиръ, какое кушанье любятъ больше чиновники въ Малоярославцѣ и какую водку употребляютъ, хорошъ ли у нихъ городничій и тому подобное. Разспросилъ о всѣхъ живущихъ въ городѣ и близъ города, и остался очень доволенъ остроумными отвѣтами бойкаго парня въ бѣлой рубашкѣ, который лукаво улыбался, сплетничалъ на славу, и, какъ я полагаю, намѣренно отвѣчалъ всякій разъ такъ, чтобы вызвать Гоголя на новые разспросы и шутки. Наконецъ, ровно черезъ часъ тарантасъ подкатилъ къ крыльцу, и мы, простившись съ шоссе, поѣхали уже по большой Калужской дорогѣ. Гоголь продолжалъ быть въ духѣ, восхищался свѣжею зеленью деревьевъ, безоблачнымъ небомъ, запахомъ полевыхъ цвѣтовъ и всѣми прелестями деревни. Мы ѣхали довольно тихо, а онъ без-

престанно останавливалъ кучера, выскакивалъ изъ тарантаса, бѣжалъ чрезъ дорогу въ поле и срывалъ какой-нибудь цвѣтокъ; потомъ садился, разсказывалъ мнѣ довольно подробно, какого онъ класса, рода, какое его лѣчебное свойство, какъ называется онъ по-латыни, и какъ называютъ его наши крестьяне. Окончивъ трактатъ о цвѣткѣ, онъ втыкалъ его передъ собой за козлами тарантаса и черезъ пять минутъ опять бѣжалъ за другимъ цвѣткомъ, опять объяснялъ мнѣ его качества, происхожденіе и ставилъ на то же мѣсто. Такимъ образомъ черезъ часъ съ небольшимъ образовался у насъ въ тарантасѣ цѣлый цвѣтникъ желтыхъ, лиловыхъ, розовыхъ цвѣтовъ. Гоголь признался, что всегда любилъ ботанику и въ особенности любилъ знать свойства, качества растеній и допскивался, подъ какими именами эти растенія извѣстны въ народѣ и на что употребляются...

...Четыре дня, проведенные нами въ деревнѣ, не оставили во мнѣ никакихъ особенныхъ воспоминаній... Помню, что мы ходили въ большомъ обществѣ за грибами, помню, что ѣздили въ длинной восьмимѣстной линейкѣ въ имѣнье г. Гончарова въ пяти верстахъ отъ Бѣгичева [1]), гдѣ одно время, кажется, вскорѣ послѣ свадьбы своей, жилъ Пушкинъ; помню, что каждый вечеръ читалъ намъ Гоголь *Одиссею* въ переводѣ Жуковскаго и восхищался каждой строчкой. Читалъ онъ стихи превосходно и досадовалъ, когда мы не восхищались тѣми мѣстами, на которыя онъ особенно указывалъ; вотъ и все.

...Кто зналъ Гоголя коротко, тотъ не можетъ не вѣрить его признанію, когда онъ говоритъ, что большую часть своихъ пороковъ и слабостей онъ передавалъ своимъ героямъ, осмѣивалъ ихъ въ своихъ повѣстяхъ и такимъ образомъ избавлялся отъ нихъ

[1]) Имѣніе, въ которомъ жила А. О. Смирнова.

навсегда. Я рѣшительно вѣрю этому наивному откровенному признанію. Гоголь былъ необыкновенно строгъ къ себѣ, постоянно боролся съ своими слабостями и отъ этого часто впадалъ въ другую крайность и бывалъ иногда такъ страненъ и оригиналенъ, что многіе принимали это за аффектацію и говорили, что онъ рисуется. Много можно привести доказательствъ тому, что Гоголь дѣйствительно работалъ всю свою жизнь надъ собою и въ своихъ сочиненіяхъ осмѣивалъ часто самого себя. Вотъ, покуда, что̀ извѣстно и чему я былъ свидѣтелемъ. Гоголь любилъ хорошо поѣсть и въ состояніи былъ, какъ Пѣтухъ, толковать съ поваромъ цѣлый часъ о какой-нибудь кулебякѣ; наѣдался очень часто до того, что бывалъ боленъ; о малороссійскихъ варенникахъ и пампушкахъ говорилъ съ наслажденіемъ и такъ увлекательно, что у мертваго *раждался аппетитъ*, въ Италіи самъ бѣгалъ на кухню и учился приготовлять макароны. А между тѣмъ онъ очень рѣдко позволялъ себѣ такія увлеченія и былъ въ состояніи довольствоваться самою скудною пищей и постился иногда, какъ самый строгій отшельникъ, а во время говѣнья почти ничего не ѣлъ. Гоголь очень любилъ и цѣнилъ хорошія вещи и въ молодости, какъ самъ онъ мнѣ говорилъ, имѣлъ страстишку къ пріобрѣтенію разныхъ ненужныхъ вещицъ: чернильницъ, вазочекъ, прессъ-папье и пр... Но, отказавшись разъ навсегда отъ всякихъ удобствъ, отъ всякаго комфорта, отдавъ свое имѣніе матери и сестрамъ, онъ уже никогда ничего не покупалъ, даже не любилъ заходить въ магазины и могъ, указывая на свой маленькій чемоданъ, сказать скорѣй другого: *omnia tecum porto*, — потому что съ этимъ чемоданчикомъ онъ прожилъ почти тридцать лѣтъ, и въ немъ, дѣйствительно, было все его достояніе... Онъ боялся всякаго увлеченія.

Разъ въ жизни удалось ему скопить небольшой капиталъ, кажется, въ 5.000 руб. серебромъ, и онъ тот-

часъ же отдаетъ его, подъ большою тайною своему пріятелю-профессору [1]) для раздачи бѣднымъ студентамъ, чтобы не имѣть никакой собственности и не получить страсти къ пріобрѣтенію, а между тѣмъ черезъ полгода уже самъ нуждается въ деньгахъ и долженъ прибѣгнуть къ займамъ».

Одну изъ послѣдующихъ встрѣчъ съ Н. В. въ Москвѣ Арнольди описываетъ такъ:

«Черезъ нѣсколько дней я встрѣтилъ Гоголя на Тверскомъ бульварѣ, и мы гуляли вмѣстѣ часа два. Разговоръ зашелъ о современной литературѣ. Я прежде никогда не видалъ у Гоголя ни одной книги, кромѣ сочиненій отцовъ церкви и старинной ботаники, и потому весьма удивился, когда онъ заговорилъ о русскихъ журналахъ, о русскихъ новостяхъ, о русскихъ поэтахъ. Онъ все читалъ и за всѣмъ слѣдилъ. О сочиненіяхъ Тургенева, Григоровича, Гончарова отзывался съ большою похвалой. «Это все явленія утѣшительныя для будущаго, — говорилъ онъ. — Наша литература въ послѣднее время сдѣлала крутой поворотъ и попала на настоящую дорогу. Только стихотворцы наши хромаютъ, и времена Пушкина, Баратынскаго и Языкова возвратиться не могутъ!»

Затѣмъ разговоръ коснулся того, что Гоголь прочелъ нѣсколько главъ изъ II тома «М. Д.» человѣку, мало понимающему изящную литературу [2]), и на выраженное по этому поводу удивленіе со стороны Арнольди Н. В. отвѣчалъ:

«Я читалъ ему мои сочиненія именно потому, что онъ ихъ не любитъ и предупрежденъ противъ нихъ. Что мнѣ за польза читать вамъ или другому, кто восхищается всѣмъ, что я ни написалъ? Вы, господа, заранѣе предупреждены въ мою пользу и настроили

[1]) Шевыреву.
[2]) И. В. Капнисту.

себя на то, чтобы находить все прекраснымъ въ моихъ сочиненіяхъ. Вы рѣдко, очень рѣдко сдѣлаете мнѣ дѣльное строгое замѣчаніе, а И. В., слушая мое чтеніе, отыскиваетъ только слабыя мѣста и критикуетъ строго и безпощадно, а иногда и очень умно. Какъ свѣтскій человѣкъ, какъ человѣкъ практическій и ничего не смыслящій въ литературѣ, онъ иногда, разумѣется, говоритъ вздоръ, но зато въ другой разъ сдѣлаетъ такое замѣчаніе, которымъ я могу воспользоваться. Мнѣ именно полезно читать такимъ умнымъ не литературнымъ судьямъ. Я сужу о достоинствѣ моихъ сочиненій по тому впечатлѣнію, какое они производятъ на людей, мало читающихъ повѣсти и романы. Если они разсмѣются, то, значитъ, уже дѣйствительно смѣшно, если будутъ тронуты, то, значитъ, уже дѣйствительно трогательно, потому что они съ тѣмъ усѣлись слушать меня, чтобы ни за что не смѣяться, чтобы ничѣмъ не трогаться, ничѣмъ не восхищаться».

Слушая Гоголя, я невольно вспомнилъ о кухаркѣ Мольера» [1]).

Слѣдующую поѣздку къ А. О. Смирновой въ ея подмосковную они опять совершили вмѣстѣ. Разговоръ, происходившій между ними, очень характеренъ для мистическаго настроенія Гоголя послѣднихъ лѣтъ.

«Гоголь былъ необыкновенно веселъ во всю дорогу и опять смѣшилъ меня своими малороссійскими разсказами; потомъ, не помню уже какимъ образомъ, отъ смѣшного разговоръ перешелъ въ серьезный. Гоголь заговорилъ о монастыряхъ, о ихъ общественномъ значеніи въ прошедшемъ и настоящемъ. Онъ говорилъ прекрасно о монастырской жизни, о той простотѣ, въ какой живутъ истинные монахи, о томъ счастіи, какое находятъ они въ молитвѣ, среди прекрасной при-

[1]) Знаменитый французскій писатель читалъ кухаркѣ свои сочиненія.

роды, въ глуши, въ дремучихъ лѣсахъ! «Вотъ, напримѣръ, — сказалъ онъ, — вы были въ Калугѣ, а ѣздили ли вы въ Оптину пустынь, что подлѣ Козельска?» — «Какъ же, — отвѣчалъ я, — былъ». — «Ну, неправда ли, что за прелесть! Какая тишина, какая простота!» — «Я знаю, что вы бывали тамъ часто, Николай Васильевичъ, и въ послѣдній разъ, когда хотѣли ѣхать въ Малороссію, не доѣхали и остановились въ Оптиной пустыни, кажется, на нѣсколько дней». — «Да, я на перепутьи всегда заѣзжаю въ эту пустынь, и отдыхаю душой. Тамъ у меня въ монастырѣ есть человѣкъ, котораго я очень люблю... Я хорошо знаю и настоятеля отца Моисея». — «Кто же этотъ другъ вашъ?» — «Нѣкто Григорьевъ, дворянинъ, который былъ прежде артиллерійскимъ офицеромъ, а теперь сдѣлался усерднымъ и благочестивымъ монахомъ и говоритъ, что никогда на свѣтѣ не былъ такъ счастливъ, какъ въ монастырѣ. Онъ славный человѣкъ и настоящій христіанинъ; душа его такая дѣтская, свѣтлая, прозрачная! Онъ вовсе не пасмурный монахъ, бѣгающій отъ людей, не любящій бесѣды. Нѣтъ, онъ, напротивъ того, любитъ всѣхъ людей, какъ братьевъ; онъ всегда веселъ, всегда снисходителенъ. Это высшая степень совершенства, до которой только можетъ дойти истинный христіанинъ. Покуда человѣкъ еще не выработался, не совершенно воспиталъ себя, хоть онъ и стремится къ совершенству, въ немъ все еще слишкомъ много строгости, слишкомъ много угловатаго и много отталкивающаго. Если же разъ онъ успѣетъ, съ Божьею помощью, уничтожить въ себѣ всѣ сомнѣнія, примириться съ жизнью, и дойдетъ до настоящей любви, то сдѣлается тогда совершенно спокоенъ, веселъ, ко всѣмъ добръ, со всѣми ласковъ».

...«Въ другой разъ я встрѣтилъ Гоголя у сестры и объявилъ ему, что иду въ театръ, гдѣ даютъ *Ревизора*, и что Шумскій въ первый разъ играетъ въ его

комедіи роль Хлестакова. Гоголь поѣхалъ съ нами, и мы помѣстились, едва доставъ ложу, въ бенуарѣ. Театръ былъ полонъ. Гоголь говорилъ, что Шумскій лучше всѣхъ другихъ актеровъ, петербургскихъ и московскихъ, передавалъ эту трудную роль, но не былъ доволенъ, сколько я помню, тою сценой, гдѣ Хлестаковъ начинаетъ завираться передъ чиновниками. Онъ находилъ, что Шумскій передавалъ этотъ монологъ слишкомъ тихо, вяло, съ остановками, а онъ желалъ представить въ Хлестаковѣ человѣка, который разсказываетъ небылицы съ жаромъ, съ увлеченіемъ, который самъ не знаетъ, какимъ образомъ слова вылетаютъ у него изо рта, который въ ту минуту, какъ лжетъ, не думаетъ вовсе, что онъ лжетъ, а просто разсказываетъ то, что грезится ему постоянно, чего онъ желалъ бы достигнуть, и разсказываетъ, какъ будто эти грезы его воображенія сдѣлались уже дѣйствительностію, но иногда въ порывѣ болтовни заговаривается, дѣйствительность мѣшается у него съ мечтами, и онъ отъ посланниковъ, отъ управленія департаментомъ, отъ пріемной залы переходитъ, самъ того не замѣчая, на пятый этажъ, къ кухаркѣ Марѳушѣ. «Хлестаковъ—это живчикъ, — говорилъ Гоголь, — онъ все долженъ дѣлать скоро, живо, не разсуждая, почти безсознательно, не думая ни одной минуты, что изъ этого выйдетъ, какъ это кончится, и какъ его слова и дѣйствія будутъ приняты другими». Вообще комедія въ этотъ разъ была разыграна превосходно. Многіе въ партерѣ замѣтили Гоголя, и лорнеты стали обращаться на нашу ложу. — Гоголь, видимо, испугался какой-нибудь демонстраціи со стороны публики, и, можетъ быть, вызововъ, и послѣ вышеописанной сцены вышелъ изъ ложи такъ тихо, что мы и не замѣтили его отсутствія. — Возвратившись домой, мы застали его у сестры распивающимъ по обыкновенію теплую воду съ сахаромъ и краснымъ виномъ. Тутъ онъ и передалъ мнѣ свое

мнѣніе объ игрѣ Шумскаго, талантъ котораго онъ ставилъ очень высоко»...

Арнольди такъ описываетъ послѣдніе часы жизни Гоголя, который скончался въ квартирѣ гр. Толстого на Никитской:

«...Въ первой комнатѣ никого не было; во второй, на постели, съ закрытыми глазами, худой, блѣдный, лежалъ Гоголь; длинные волосы его были спутаны и падали въ безпорядкѣ на лицо и на глаза; онъ иногда вздыхалъ тяжело, шепталъ какую то молитву, и по временамъ бросалъ мутный взоръ на икону, стоявшую у ногъ на постели, прямо противъ больного. Въ углу, въ креслѣ, вѣроятно, утомленный долгими безсонными ночами, спалъ его слуга, малороссіянинъ. Долго стоялъ я передъ Гоголемъ, вглядывался въ лицо его и, не знаю отчего, почувствовалъ въ эту минуту, что для него все кончено, что онъ болѣе не встанетъ. Раза два Гоголь вскинулъ глазами вверхъ, взглянулъ на меня, но, не узнавъ, закрылъ ихъ опять. «Пить... дайте пить», проговорилъ онъ, наконецъ, хриплымъ, но невнятнымъ голосомъ. Человѣкъ, вошедшій вслѣдъ за мною въ комнату, подалъ ему въ рюмкѣ воду съ краснымъ виномъ. Гоголь немного приподнялъ голову, обмочилъ губы и опять, съ закрытыми глазами, упалъ на подушку. Человѣкъ графа разбудилъ мальчика, который, увидѣвъ меня, оробѣлъ и подошелъ къ постели больного. Тутъ я былъ свидѣтелемъ страшнаго разговора между двумя служителями, и не знаю, чѣмъ бы кончилась эта сцена, еслибы меня тутъ не было.

— Если его такъ оставить, то онъ не выздоровѣетъ, — говорилъ одинъ изъ нихъ, — повѣрь, что не встанетъ, умретъ, безпремѣнно умретъ.

— Такъ что жъ по-твоему... — отвѣчалъ другой.

— Да вотъ возьмемъ его насильно, стащимъ съ постели, да и поводимъ по комнатѣ, повѣрь, что разойдется и живъ будетъ.

— Да какъ же это можно? Онъ не захочетъ... кричать станетъ.

— Пусть его кричитъ... Послѣ самъ благодарить будетъ, вѣдь для его же пользы!

— Оно такъ, да я боюсь... Какъ же это безъ его воли-то?

— Экой ты неразумный; что нужды, что безъ его воли, когда оно полезно. Вѣдь ты разсуди самъ, какая у него болѣзнь-то? Никакой нѣтъ, просто такъ... Не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ и все лежитъ, ну, какъ тутъ не умереть? У него всѣ чувства замерли, а вотъ какъ мы размотаемъ его, онъ очнется, повѣрь, что очнется... на свѣтъ Божій взглянетъ, и самъ жить захочетъ. Да что долго толковать, бери его съ одной стороны, а я вотъ отсюда, и все хорошо будетъ!

Мальчикъ, кажется, начиналъ колебаться... Я, наконецъ, не вытерпѣлъ и вмѣшался въ ихъ разговоръ.

— Что вы хотите это дѣлать, какъ же можно умирающаго человѣка тревожить? Оставьте его въ покоѣ,— сказалъ я строго.

— Да, право, лучше будетъ, сударь! Вѣдь у него вся болѣзнь отъ этого, что какъ пластъ лежитъ который ужъ день безъ всякаго движенія. Позвольте... Вы увидите, какъ мы его раскачаемъ, и живъ будетъ.

Я насилу уговорилъ ихъ не дѣлать этого опыта съ умирающимъ Гоголемъ, но, прекративъ ихъ разговоръ, кажется, нисколько не убѣдилъ того, который предложилъ этотъ новый способъ лѣченія, потому что, выходя, онъ все еще говорилъ про себя: «Ну, умретъ, безпремѣнно умретъ... Вотъ увидите, что умретъ». И, дѣйствительно, на другой день, когда я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ, Гоголь умиралъ въ Москвѣ...

VII.

Изъ воспоминаній кн. Д. А. Оболенскаго [1]).

«...Въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца 1849 года, проѣздомъ черезъ Калугу въ имѣніе отца моего, я засталъ Гоголя, гостившаго у А. О. Смирновой, и обѣщалъ ему, на обратномъ пути, заѣхать за нимъ, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Москву. Пробывъ въ деревнѣ недолго, я, въ условленный день, прибылъ въ Калугу и провелъ съ Гоголемъ весь вечеръ у А. О. Смирновой, а послѣ полуночи мы рѣшили выѣхать. Съ Гоголемъ я познакомился еще въ 1848 году лѣтомъ въ Москвѣ, и мы видались часто. Родственныя мои отношенія къ графу А. П. Толстому, у котораго Николай Васильевичъ въ то время жилъ въ Москвѣ, и дружба моя съ кругомъ людей, которыхъ Гоголь, по справедливости, считалъ самыми близкими своими друзьями, расположили его въ мою пользу, и онъ не разъ выказывалъ мнѣ знаки своего дружескаго вниманія. Отъ того ли, что неожиданно представилась ему пріятная оказія выѣхать въ Москву, куда торопился, или отъ другой причины, только помню, что весь вечеръ Гоголь былъ въ отличномъ расположеніи духа и сохранилъ его во всю дорогу. Живо справилъ онъ свой чемоданчикъ, заключавшій все его достояніе, — но главная забота его заключалась въ томъ, какъ бы уложить свой портфель такъ, чтобы онъ постоянно оставался на видномъ мѣстѣ. Рѣшено было поставить портфель въ каретѣ намъ въ ноги, и Гоголь только тогда успокоился за цѣлость его, когда мы усѣлись въ дормезъ, и онъ увидѣлъ, что портфель занимаетъ приличное и безопасное мѣсто, не причиняя вмѣстѣ съ тѣмъ намъ никакого безпокойства.

---

[1]) «Русская Старина», 1873, XII, стр. 940—953.

Портфель этотъ заключалъ въ себѣ только еще вчернѣ оконченный второй томъ «Мертвыхъ Душъ»[1]).

Читатели моего поколѣнія легко могутъ себѣ представить, съ какимъ чувствомъ возбужденнаго любопытства смотрѣлъ я во всю дорогу на этотъ портфель.

Чѣмъ былъ для молодыхъ людей нашего поколѣнія Гоголь, о томъ съ трудомъ могутъ судить люди новѣйшаго времени.

...Къ утру мы остановились на станціи чай пить. Выходя изъ кареты, Гоголь вытащилъ портфель и понесъ его съ собою, — это дѣлалъ онъ всякій разъ, какъ мы останавливались. Веселое расположеніе духа не оставляло Гоголя. На станціи я нашелъ штрафную книгу и прочелъ въ ней довольно смѣшную жалобу какого то господина. Выслушавъ ее, Гоголь спросилъ меня:

— А какъ вы думаете, кто этотъ господинъ? Какихъ свойствъ и характера человѣкъ?

Право, не знаю, — отвѣчалъ я.

— А вотъ я вамъ разскажу.—И тутъ же началъ самымъ смѣшнымъ и оригинальнымъ образомъ описывать мнѣ сперва наружность этого господина, потомъ разсказалъ мнѣ всю его служебную карьеру, представляя даже въ лицахъ нѣкоторые эпизоды его жизни. Помню, что я хохоталъ, какъ сумасшедшій, а онъ все это выдѣлывалъ совершенно серьезно. Засимъ онъ разсказалъ мнѣ, что какъ то одно время они жили вмѣстѣ съ Н. М. Языковымъ (поэтомъ) и вечеромъ, ложась спать, забавлялись описаніемъ разныхъ характеровъ и засимъ придумывали для каждаго характера соотвѣтственную

---

[1]) Первая глава была, кажется, совершенно уже отдѣлана, потому что онъ читалъ ее за нѣсколько дней до нашего выѣзда изъ Калуги А. О. Смирновой. Помню, что А. О. Смирнова была въ восхищеніи отъ этой главы и говорила, что влюблена въ Тентетникова. По возвращеніи въ Москву Гоголь писалъ ей и кончилъ письмо словами: «Кланяется вамъ Тентетниковъ!»

Прим. автора.

фамилію. «Это выходило очень смѣшно», замѣтилъ Гоголь, и при этомъ описалъ мнѣ одинъ характеръ, которому совершенно неожиданно далъ такую фамилію, которую печатно назвать неприлично — «и былъ онъ родомъ грекъ» — такъ кончилъ Гоголь свой разсказъ.

Утромъ, во время пути, при всякой остановкѣ выходилъ Гоголь на дорогу и рвалъ цвѣты, и ежели при томъ находились мужикъ или баба, то всегда спрашивалъ названіе цвѣтовъ; онъ увѣрялъ меня, что одинъ и тотъ же цвѣтокъ въ разныхъ мѣстностяхъ имѣетъ разныя названія, и что, собирая эти названія, онъ выучилъ много новыхъ словъ, которыя у него пойдутъ въ дѣло...

VIII.

Изъ воспоминаній о Н. В. Гоголѣ Н. В. Берга [1]).

«Въ первый разъ встрѣтился я съ Гоголемъ у С. П. Шевырева, въ концѣ 1848 года. Было нѣсколько человѣкъ гостей, принадлежавшихъ къ московскому кружку литераторовъ, который называли славянофилами. Сколько могу припомнить, всѣ они были приглашены на обѣдъ для Гоголя, только что воротившагося изъ Италіи и находившагося тогда въ апогеѣ своего величія и славы. Трудно представить себѣ болѣе избалованнаго литератора и съ бо́льшими претензіями, чѣмъ былъ въ то время Гоголь. Вся Россія любитъ во всемъ пересолить; Москва еще больше. Московскіе друзья Гоголя, точнѣе сказать, *приближенные* (дѣйствительнаго друга у Гоголя, кажется, не было во всю жизнь) окружали его неслыханнымъ, благоговѣйнымъ вниманіемъ. Онъ находилъ у кого-нибудь изъ нихъ, во всякій свой пріѣздъ въ Москву, все что нужно для самаго спокойнаго и комфортабельнаго

[1]) «Русская Старина», 1872, I, стр. 118—128.

житья: столъ съ блюдами, которыя онъ наиболѣе любилъ; тихое, уединенное помѣщеніе и прислугу, готовую исполнять всѣ его малѣйшія прихоти... Даже близкіе знакомые хозяина, у кого жилъ Гоголь, должны были знать, какъ вести себя, если неравно съ нимъ встрѣтятся и заговорятъ. Имъ сообщалось, между прочимъ, что Гоголь терпѣть не можетъ говорить о литературѣ, въ особенности о своихъ произведеніяхъ, а потому никоимъ образомъ нельзя обременять его вопросами: «Что онъ теперь пишетъ?» а равно: «Куда поѣдетъ?» или: «Откуда пріѣхалъ?» И этого онъ также не любилъ. Да и вообще, молъ, подобные вопросы въ разговорѣ съ нимъ не ведутъ ни къ чему: онъ отвѣтитъ уклончиво, или ничего не отвѣтитъ. Ѣдетъ въ Малороссію, скажетъ: въ Римъ; ѣдетъ въ Римъ, скажетъ: въ деревню къ такому то... Стало быть, зачѣмъ понапрасну безпокоить!

...Гостиная была уже полна. Одни сидѣли, другіе стояли, говоря между собою. Ходилъ только одинъ, небольшого роста человѣкъ, въ черномъ сюртукѣ и брюкахъ, похожихъ на шаровары, остриженный въ скобку, съ небольшими усиками, съ быстрыми и проницательными глазами темнаго цвѣта, нѣсколько блѣдный. Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ, руки въ карманы, и тоже говорилъ. Походка его была оригинальная, мелкая, невѣрная, какъ будто одна нога старалась заскочить постоянно впередъ, отчего одинъ шагъ выходилъ какъ бы шире другого. Во всей фигурѣ было что то несвободное, сжатое, скомканное въ кулакъ. Никакого размаху, ничего открытаго нигдѣ, ни въ одномъ движеніи, ни въ одномъ взглядѣ. Напротивъ, взгляды, бросаемые имъ то туда, то сюда, были почти что взглядами изподлобья, наискось, мелькомъ, какъ бы лукаво, не прямо другому въ глаза, стоя передъ нимъ лицомъ къ лицу. Для знакомаго немного съ физіономіями хохловъ — хохолъ былъ тутъ виденъ сразу. Я сейчасъ со-

образилъ, что это Гоголь, больше такъ, чѣмъ по какому-либо портрету. Замѣчу здѣсь, что ни одинъ изъ существующихъ портретовъ Гоголя не передаетъ его, какъ надо...

Хозяинъ представилъ меня. Гоголь спросилъ: «Долго ли вы въ Москвѣ?» И когда узналъ, что я живу въ ней постоянно, замѣтилъ: «Ну, стало быть, наговоримся, натолкуемся еще!» Это была обыкновенная его фраза при встрѣчахъ со многими, фраза, ровно ничего не значившая, которую онъ тутъ же и забывалъ...

... Затѣмъ я сталъ видать его у разныхъ знакомыхъ славянофильскаго кружка. Онъ держалъ себя бо̀льшею частію въ сторонѣ отъ всѣхъ. Если онъ сидѣлъ и къ нему подсаживались съ умысломъ «потолковать, узнать: не пишетъ ли онъ чего-нибудь новаго?» онъ начиналъ дремать, или глядѣть въ другую комнату, или простонапросто вставалъ и уходилъ. Онъ измѣнялъ обыкновеннымъ своимъ порядкамъ, если въ числѣ приглашенныхъ вмѣстѣ съ нимъ оказывался одинъ малороссіянинъ, членъ того же славянофильскаго кружка [1]). Какимъ то таинственнымъ магнитомъ тянуло ихъ тотчасъ другъ къ другу: они усаживались въ уголъ и говорили нерѣдко между собою цѣлый вечеръ, горячо и одушевленно, какъ Гоголь (при мнѣ, по крайней мѣрѣ) ни разу не говорилъ съ кѣмъ-нибудь изъ великоруссовъ...

... Въ слѣдующемъ 1850 году я видалъ Гоголя чаще всего у Шевырева. Говорили, что онъ пишетъ второй томъ «Мертвыхъ Душъ», но никому не читаетъ или ужъ крайне избраннымъ. Вообще въ это время, въ этотъ послѣдній періодъ жизни Гоголя въ Россіи, очень рѣдко можно было услышать его чтеніе. Какъ онъ былъ избалованъ тогда относительно этого и какъ раздра-

---

[1]) Вѣроятно, профессоръ Бодянскій.

жителенъ, достаточно покажетъ слѣдующій случай. Одно весьма близкое къ Гоголю семейство, старые, многолѣтніе друзья упросили его прочесть что то изъ «второго тома». Приняты были всѣ извѣстныя мѣры, чтобы не произошло какой помѣхи. Отпитъ заранѣе чай, удалена прислуга, которой приказано болѣе безъ зова не входить; забыли только упредить няньку, чтобы она не являлась въ обычный часъ съ дѣтьми *прощаться*. Едва Гоголь усѣлся, и водворилась вожделѣнная тишина — дверь скрипнула, и нянька, съ вереницею ребятъ, не примѣчая никакихъ знаковъ и маханій, пошла отъ отца къ матери, отъ матери къ дядюшкѣ, отъ дядюшки къ тетушкѣ... Гоголь смотрѣлъ-смотрѣлъ на эту патріархальную процедуру вечерняго прощанія дѣтей съ родителями, сложилъ тетрадь, взялъ шляпу и уѣхалъ. Такъ разсказывали.

Въ эту эпоху слыхалъ Гоголя читающимъ чаще другихъ Шевырэвъ, чуть ли не самый ближайшій къ нему изъ всѣхъ московскихъ литераторовъ. Онъ завѣдывалъ обыкновенно продажею сочиненій Гоголя. У него же хранились и деньги Гоголя; между прочимъ, былъ ввѣренъ какой то особый капиталъ, изъ котораго Шевыревъ могъ, по своему усмотрѣнію, помогать бѣднымъ студентамъ, не говоря никому, чьи это деньги. Я узналъ объ этомъ отъ Шевырева только послѣ смерти Гоголя...

Жилъ въ то время Гоголь тихо и уединенно у графа Толстого (что послѣ былъ оберъ-прокуроромъ) въ домѣ Талызина, на Никитскомъ бульварѣ, занимая переднюю часть нижняго этажа, окнами на улицу; тогда какъ самъ Толстой занималъ весь верхъ. Здѣсь за Гоголемъ ухаживали, какъ за ребенкомъ, предоставивъ ему полную свободу во всемъ. Онъ не заботился ровно ни о чемъ. Обѣдъ, завтракъ, чай, ужинъ подавались тамъ, гдѣ онъ прикажетъ. Бѣлье его мылось и укладывалось въ комоды невидимыми духами, если только

не надѣвалось на него тоже невидимыми духами. Кромѣ многочисленной прислуги дома, служилъ ему, въ его комнатахъ, собственный его человѣкъ изъ Малороссіи, именемъ Семенъ, парень очень молодой, смирный и чрезвычайно преданный своему барину. Тишина во флигелѣ была необыкновенная. Гоголь либо ходилъ по комнатѣ, изъ угла въ уголъ, либо сидѣлъ и писалъ, катая шарики изъ бѣлаго хлѣба, про которые говорилъ друзьямъ, что они помогаютъ разрѣшенію самыхъ сложныхъ и трудныхъ задачъ...

Писалъ онъ въ то время очень вяло. Машина портилась съ каждымъ днемъ больше и больше. Гоголь становился мрачнѣе и мрачнѣе... [1])

Однажды, кажется, у Шевырева, кто то изъ гостей, несмотря на принятую всѣми знавшими Гоголя систему не спрашивать его ни о чемъ, особенно о литературныхъ вопросахъ и предпріятіяхъ, не удержался и замѣтилъ ему: «что это онъ смолкъ: ни строки, вотъ уже сколько мѣсяцевъ сряду!» Ожидали простого молчанія, какимъ отдѣлывался Гоголь отъ подобныхъ вопросовъ, или ничего незначащаго отвѣта. Гоголь грустно улыбнулся и сказалъ: «Да! какъ странно устроенъ человѣкъ: дай ему все, что онъ хочетъ, для полнаго удобства жизни и занятій, тутъ то онъ и не станетъ ничего дѣлать; тутъ и не пойдетъ работа!»

Потомъ, помолчавши немного, онъ сообщилъ слѣдующее:

«Со мною былъ такой случай: ѣхалъ я разъ между городами Джансоно и Альбано [2]), въ іюлѣ мѣсяцѣ. Середи дороги, на бугрѣ, стоитъ жалкій трактиръ, съ бильярдомъ въ главной комнатѣ, гдѣ вѣчно гремятъ шары и слышится разговоръ на разныхъ языкахъ. Всѣ проѣзжающіе мимо непремѣнно тутъ останавливаются,

---

[1]) Многоточіе въ подлинникѣ.
[2]) Въ Папской области.

Прим. автора.

особенно въ жаръ. Остановился и я. Въ то время я писалъ первый томъ «Мертвыхъ Душъ», и эта тетрадь со мною не разставалась. Не знаю почему, именно въ ту минуту, когда я вошелъ въ этотъ трактиръ, захотѣлось мнѣ писать. Я велѣлъ дать столикъ, усѣлся въ уголъ, досталъ портфель и подъ громъ катаемыхъ шаровъ, при невѣроятномъ шумѣ, бѣготнѣ прислуги, въ дыму, въ душной атмосферѣ, забылся удивительнымъ сномъ и написалъ цѣлую главу, не сходя съ мѣста. Я считаю эти строки однѣми изъ самыхъ вдохновенныхъ. Я рѣдко писалъ съ такимъ одушевленіемъ. А вотъ теперь никто кругомъ меня не стучитъ, и не жарко и не дымно»... [1])

Въ другой разъ, въ припадкѣ подобной литературной откровенности, тоже, кажется, у Шевырева, Гоголь разсказалъ при мнѣ, какъ онъ обыкновенно пишетъ, какой способъ писать считаетъ лучшимъ.

«Сначала нужно набросать *все*, какъ придется, хотя бы плохо, водянисто, но рѣшительно *все* и забыть объ этой тетради. Потомъ, черезъ мѣсяцъ, черезъ два, иногда и болѣе (это скажется само собою) достать написанное и перечитать: вы увидите, что многое не такъ, много лишняго, а кое-чего и недостаетъ. Сдѣлайте поправки и замѣтки на поляхъ — и снова забросьте тетрадь. При новомъ пересмотрѣ ея новыя замѣтки на поляхъ, и гдѣ не хватитъ мѣста — взять отдѣльный клочокъ и приклеить съ боку. Когда все будетъ такимъ образомъ исписано, возьмите и перепишите тетрадь собственноручно. Тутъ сами собой явятся новыя озаренія, урѣзы, добавки, очищенія слога. Между прежнихъ вскочатъ слова, которыя необходимо тамъ должны быть, но которыя почему то никакъ не являются сразу. И опять положите тетрадку. Путешествуйте, развлекайтесь, не дѣлайте ничего, или хоть

[1]) Многоточіе въ подлинникѣ.

пишите другое. Придетъ часъ: вспомнится заброшенная тетрадь: возьмите, перечитайте, поправьте тѣмъ же способомъ, и когда снова она будетъ измарана, перепишите ее собственноручно. Вы замѣтите при этомъ, что вмѣстѣ съ крѣпчаніемъ слога, съ отдѣлкой, очисткой фразъ — какъ бы крѣпчаетъ и ваша рука; буквы ставятся тверже и рѣшительнѣе. Такъ надо дѣлать по-моему *восемь разъ*. Для иного, можетъ быть, нужно меньше, а для иного и еще больше. Я дѣлаю восемь разъ. Только послѣ восьмой переписки, непремѣнно собственною рукою, трудъ является вполнѣ художнически законченнымъ, достигаетъ перла созданія. Дальнѣйшія поправки и пересматриванье, пожалуй, испортятъ дѣло: что̀ называется у живописцевъ — зарисуешься. Конечно, слѣдовать постоянно такимъ правиламъ нельзя, трудно. Я говорю объ идеалѣ. Иное пустишь и скорѣе. Человѣкъ все-таки человѣкъ, а не машина»...

Сводъ извѣстій
о дальнѣйшемъ содержаніи
„Мертвыхъ Душъ“.

СВОДЪ ИЗВѢСТІЙ О ДАЛЬНѢЙШЕМЪ СОДЕРЖАНІИ „МЕРТВЫХЪ ДУШЪ“.

I томъ „Мертвыхъ Душъ“.

а) И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ священный ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей...

б) Можетъ быть, въ сей же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божескими доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга предъ живымъ словомъ! Подымутся русскія движенія... и увидятъ, какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что скользнуло только по природѣ другихъ народовъ...

в) Можетъ быть, въ семъ же самомъ Чичиковѣ страсть, его влекущая, уже не отъ него, и въ холодномъ его существованіи заключено то, что потомъ повергнетъ въ прахъ и на колѣни человѣка предъ мудростью небесъ. И еще тайна, почему сей образъ предсталъ въ нынѣ являющейся на свѣтъ поэмѣ.

г) Какъ произвелись первыя покупки, читатель уже видѣлъ; какъ пойдетъ дѣло далѣе, какія будутъ удачи

и неудачи герою, какъ придется разрѣшить и преодолѣть ему болѣе трудныя препятствія, какъ предстанутъ колоссальные образы, какъ двигнутся сокровенные рычаги широкой повѣсти, раздастся далече ея горизонтъ, и вся она приметъ величавое лирическое теченіе, то увидитъ потомъ. Еще много пути предстоитъ совершить всему походному экипажу...

д) Читателю съ полугоря, разсердится ли на него Чичиковъ, или нѣтъ; но что до автора, то онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ ссориться съ своимъ героемъ: еще не мало пути и дороги придется имъ пройти вдвоемъ рука въ руку; двѣ большія части впереди — это не бездѣлица.

е) (Предисловіе ко 2 изд. I тома.) Взятъ онъ (Чичиковъ) больше затѣмъ, чтобы показать недостатки и пороки русскаго человѣка, а не его достоинства и добродѣтели, и всѣ люди, которые окружаютъ его, взяты также затѣмъ, чтобы показать наши слабости и недостатки; лучшіе люди и характеры будутъ въ другихъ частяхъ.

ж) (Замѣтки къ I тому.) Весь городъ со всѣмъ вихремъ сплетней—прообразованіе бездѣльности жизни всего человѣчества въ массѣ. Рожденъ балъ и всѣ соединенія. Сторона главная и бальная общества. Противоположное ему прообразованіе во II (части), занятой разорваннымъ бездѣльемъ. Какъ низвести всѣ міра бездѣлья во всѣхъ родахъ до сходства съ городскимъ бездѣльемъ? и какъ городское бездѣлье возвести до прообразованія бездѣлья міра? Для (этого) включить все сходство и внести постепенный ходъ.

„ВЫБРАННЫЯ МѢСТА ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ СЪ ДРУЗЬЯМИ".

а) Письмо Н. М. Языкову.

Воззови, въ видѣ лирическаго сильнаго воззванія, къ прекрасному, но дремлющему человѣку. Брось ему съ берега доску и закричи во весь голосъ, чтобы спасалъ свою бѣдную душу. Уже онъ далеко отъ берега, уже несетъ и несетъ его ничтожная верхушка свѣта,

несутъ обѣды, ноги плясавицъ, ежедневное сонное опьяненіе; не чувствительно облекается онъ плотію и сталъ уже весь плоть, и уже почти нѣтъ въ немъ души. Заволи вошлемъ и выставь ему вѣдьму-старость, къ нему идущую, которая вся изъ желѣза, предъ которою желѣзо есть милосердіе, которая ни крохи чувства не отдаетъ назадъ и обратно. О, еслибъ ты могъ сказать ему то, что долженъ сказать мой Плюшкинъ, если доберусь до третьяго тома «Мертвыхъ Душъ»!

в) Письмо (4-е) по поводу „Мертвыхъ Душъ“.

Бываетъ время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколѣніе къ прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости; бываетъ время, что даже вовсе не слѣдуетъ говорить о высокомъ и прекрасномъ, не показавши тутъ же ясно, какъ день, путей и дорогъ къ нему для всякаго. Послѣднее обстоятельство было мало и слабо развито во второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ», а оно должно было быть едва ли не главное; а потому онъ и сожженъ.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ Н. В. ГОГОЛЯ.

1.

А. О. Смирновой (1845, 25 іюля) [1]).

Вы коснулись «М. Д.» и просите меня не сердиться на правду, говоря, что исполнились сожалѣніемъ къ тому, надъ чѣмъ прежде смѣялись. Другъ мой, я не люблю моихъ сочиненій, доселѣ бывшихъ и напечатанныхъ, и особенно «М. Д.». Но вы будете несправедливы, когда будете осуждать за нихъ автора, принимая за карикатуру насмѣшку надъ губерніями, такъ же, какъ были прежде несправедливы хваливши. Вовсе не губернія и не нѣсколько уродливыхъ помѣщиковъ, и не то, что имъ приписываютъ, есть предметъ «М. Д.». Это, пока, еще тайна, которая должна была вдругъ, къ изумленію всѣхъ (ибо ни одна душа изъ читателей не догадалась), раскрыться въ послѣдующихъ томахъ,

[1]) Письма Гоголя, III, 80.

еслибы Богу угодно было продлить жизнь мою и благословить будущій трудъ. Повторяю вамъ вновь, что это (еще) тайна, и ключъ отъ нея, покамѣстъ, въ душѣ у одного только автора.

2.

А. О. Смирновой (1847, 22 февраля) [1]).

Другъ мой, не позабывайте, что у меня есть постоянный трудъ: эти самыя «М. Д.», которыхъ начало явилось въ такомъ неприглядномъ видѣ... Не будутъ живы мои образы, если я не сострою ихъ изъ нашего матеріала, изъ нашей жизни, такъ что всякъ почувствуетъ, что это изъ его же тѣла взято. Тогда только онъ проснется и тогда только можетъ сдѣлаться другимъ человѣкомъ.

3.

С. П. Шевыреву (10 марта 1847) [2]).

Повѣрь мнѣ, что безъ этой книги [3]) мнѣ бы не узнать всего того, что мнѣ необходимо знать для того, чтобы мои «М. Д.» вышли *то*, чѣмъ имъ слѣдуетъ быть.

4.

А. С. Данилевскому (18 марта 1847) [4]).

Моя поэма, можетъ быть, очень нужная и очень полезная вещь, потому что никакая проповѣдь не въ силахъ такъ подѣйствовать, какъ рядъ *живыхъ примѣровъ*, взятыхъ изъ той же земли, изъ того же тѣла, изъ котораго и мы.

5.

Князю В. В. Львову (20 марта 1847) [5]).

Трудъ у меня все одинъ и тотъ же, все тѣ же «М. Д.», и одна изъ причинъ появленія нынѣшней

---

1) Ib., стр. 368.
2) Ib., стр. 401 — 402.
3) «Выбранныя письма изъ переписки съ друзьями».
4) Ib., стр. 415 — 416.
5) Ib., стр. 422 — 423.

моей книги [1]) была — возбудить ею тѣ разговоры и толки въ обществѣ, вслѣдствіе которыхъ непремѣнно должны были выказаться многія мнѣ незнакомыя стороны современнаго русскаго человѣка, которыя мнѣ очень нужно взять къ соображенію, чтобъ не попасть въ различные промахи при сочиненіи той книги [2]), которая должна быть вся природа и правда. Если Богъ дастъ силы, то «М. Д.» выйдутъ такъ же просты; понятны и всѣмъ доступны, какъ нынѣшняя моя книга загадочна и непонятна. Что жъ дѣлать, если мнѣ суждено сдѣлать большой крюкъ для того, чтобы достигнуть той простоты, которою Богъ надѣлятъ иныхъ людей уже при самомъ рожденіи ихъ!

6.

К. И. Маркову (22 ноября 1847 г.) [3]).

Что же касается до II тома «М. Д.», то я не имѣлъ въ виду собственно *героя добродѣтелей*. Напротивъ, почти всѣ дѣйствующія лица могутъ назваться героями недостатковъ. Дѣло только въ томъ, что характеры *значительнѣе* прежнихъ, и что намѣренье автора было войти здѣсь глубже въ высшее значеніе жизни, нами опошленной, обнаруживъ виднѣй русскаго человѣка не съ *одной* какой-либо *стороны*.

7.

Гр. А. М. Віельгорской (29 окт. 1848 г.) [4]).

Мнѣ хотѣлось бы сильно, чтобы наши лекціи съ вами начались вторымъ томомъ «М. Д.». Послѣ нихъ легче и свободнѣе было бы душѣ моей говорить о многомъ. Много сторонъ русской жизни еще доселѣ не обнаружено ни однимъ писателемъ. Хотѣлъ бы я, чтобы по прочтеніи моей книги люди всѣхъ партій и мнѣній сказали: «Онъ знаетъ, точно, русскаго человѣка; не скрывши ни одного нашего недостатка, онъ глубже

[1]) «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями».
[2]) 2-й томъ М. Д.
[3]) Письма Гоголя, IV, 98.
[4]) Т. IV, стр. 226.

всѣхъ почувствовалъ наше достоинство». Хотѣлось бы также заговорить о томъ, о чемъ еще со дня младенчества любила задумываться моя душа, о чемъ неясные звуки и намеки были уже разсѣяны въ самыхъ первоначальныхъ моихъ сочиненіяхъ. Ихъ не всякій замѣтилъ.

8.

П. А. Плетневу (20 ноября 1848) [1]).

Соображаю, думаю и обдумываю второй томъ «М. Д.». Читаю преимущественно то, гдѣ слышится сильнѣй присутствіе русскаго духа.

Прежде чѣмъ примусь серьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и рѣчью. Боюсь нагрѣшить противу языка.

9.

А. О. Смирновой (20 іюля 1849) [2]).

Кланяется вамъ Тентетниковъ.

10.

В. А. Жуковскому (14 декабря) 1849) [3]).

Временами мнѣ кажется, что II томъ «М. Д.» могъ бы послужить для русскихъ читателей нѣкоторою ступенью къ чтенью Гомера.

11.

П. А. Плетневу (15 декабря 1849) [4]).

«М. Д.» также тянутся лѣниво. Можетъ быть, такъ оно и слѣдуетъ, чтобъ имъ не выходить теперь. Дѣло въ томъ, что время еще содомнѣе: люди, доселѣ не отрезвившіеся отъ угару, не годятся какъ будто въ читатели, не способны ни къ чему художественному и спокойному. Сужу объ этомъ по пріему «Одиссеи» [5]).

---

[1]) Ib., стр. 232.
[2]) Ib., стр. 273.
[3]) Ib., стр. 288.
[4]) Ib., стр. 289.
[5]) Переведенной Жуковскимъ.

Два-три человѣка обрадовались ей, и то люди уже отходящаго вѣка. Никогда не было еще замѣтно такого умственнаго безсилія въ обществѣ. Чувство художественное почти умерло.

12.

Графу А. Ѳ. Орлову (1850) [1].

Предметъ труда моего не маловаженъ. Въ остальныхъ частяхъ «М. Д.», надъ которыми теперь сижу, выступаетъ русскій человѣкъ уже не мелочными чертами своего характера, не пошлостями и странностями, но всей глубиной своего характера и богатымъ разнообразіемъ внутреннихъ силъ, въ немъ заключенныхъ. Если только поможетъ Богъ произвести все такъ, какъ желаетъ душа моя, то, можетъ быть, и я сослужу службу землѣ своей, не меньшую той, какую ей служатъ всѣ благородные и честные люди на другихъ поприщахъ. Многое нами позабытое, пренебреженное, брошенное слѣдуетъ выставить въ ярко живыхъ, говорящихъ примѣрахъ, способныхъ подѣйствовать силою. О многомъ существенномъ и главномъ слѣдуетъ напомнить человѣку вообще и русскому въ особенности.

13.

Графу А. Ѳ. Орлову (1850 г.).

Сочиненіе мое «Мертвыя Души» долженствуетъ обнять природу русскаго человѣка во всѣхъ ея силахъ. Изъ этого сочиненія вышла въ свѣтъ одна только часть, содержащая въ себѣ осмѣяніе всего того, что несвойственно нашей великой природѣ, что ее унизило; вторая же часть, гдѣ русскій человѣкъ является уже не пошлою своею стороной, но всей глубиной своей природы, со всѣмъ величіемъ своего характера, не могла быть такъ скоро оконченной. Много нужно было обдумать и созрѣть самому.

14.

Три письма къ Н. В. Гоголю (архим. Ѳеодора) [2].

Помнится, когда кое-что прочиталъ я Гоголю изъ моего разбора «Мертвыхъ Душъ», желая только позна-

[1] Ib., стр. 342.

[2] Спб., 1861, стр. 138. Писаны были письма въ 1848 г.

комить его съ моимъ способомъ разсмотрѣнія этой поэмы, то и (я?) его прямо спросилъ, чѣмъ именно должна кончиться эта поэма. Онъ, задумавшись, выразилъ свое затрудненіе высказать это съ обстоятельностью. Я возразилъ, что мнѣ только нужно знать, оживетъ ли, какъ слѣдуетъ, Павелъ Ивановичъ. Гоголь, какъ будто съ радостію, подтвердилъ, что это непремѣнно будетъ, и оживленію его послужитъ прямымъ участіемъ самъ царь, и первымъ вздохомъ Чичикова для истинной прочной жизни должна кончиться поэма. Въ изъясненіи этой развязки онъ нѣсколько распространился, но, опасаясь за неточность припоминанія подробностей, ничего не говорю объ этихъ его рѣчахъ. — А прочіе спутники Чичикова въ «Мертвыхъ Душахъ»? спросилъ я Гоголя: «и они тоже воскреснутъ?»—«Если захотятъ», отвѣтилъ онъ съ улыбкою; и потомъ сталъ говорить, какъ необходимо далѣе привести ему своихъ героевъ въ столкновеніе съ истинно хорошими людьми, и проч., и проч.

15.

Письмо С. П. Шевырева Гоголю (27 іюля 1851 г.).

Успокойся. Даже и женѣ я ни одного имени не назвалъ, не упомянулъ ни объ одномъ событіи. Только разъ при тебѣ же назвалъ штабсъ-капитана Ильина, и только. Тайна твоя для меня дорога, повѣрь. Съ нетерпѣніемъ жду 7 и 8 главы [1]).

16.

Воспоминанія А. О. Смирновой [2]).

То, что читалъ Гоголь А. О. С[мирнов]ой, начиналось не такъ, какъ въ печати. Читатель помнитъ торжественный тонъ окончанія перваго тома. Въ такомъ тонѣ начинался, по ея словамъ, и второй. Слушатель съ первыхъ строкъ былъ поставленъ въ виду обширной картины, соотвѣтствовавшей словамъ: «Русь! куда несешься ты? Дай отвѣтъ!» и пр. Потомъ эта картина

[1]) Отчетъ Импер. Публ. Библ., 1893, 68.
[2]) Кулишъ, «Записки», II, 226 — 227.

суживалась, суживалась и, наконецъ, входила въ рамки деревни Тентетникова. Нечего и говорить о томъ, что все читанное Гоголемъ было несравненно выше, нежели въ оставшемся брульонѣ. Въ немъ очень многаго недостаетъ даже въ тѣхъ сценахъ, которыя остались безъ перерывовъ. Такъ, напримѣръ, анекдотъ о черненькихъ и бѣленькихъ разсказывается генералу во время шахматной игры, въ которой Чичиковъ овладѣваетъ совершенно благосклонностью Бетрищева; въ домашнемъ быту генерала пропущены лица—плѣнный французскій капитанъ Эскадронъ и гувернантка-англичанка. Въ дальнѣйшемъ развитіи поэмы недостаетъ описанія деревни Вороного-Дрянного, изъ которой Чичиковъ переѣзжаетъ къ Костанжогло. Потомъ нѣтъ ни слова объ имѣніи Чегранова, управляемомъ молодымъ человѣкомъ, недавно выпущеннымъ изъ университета. Тутъ Платоновъ, спутникъ Чичикова, ко всему равнодушный, заглядывается на портретъ, а потомъ они встрѣчаютъ, у брата генерала Бетрищева, живой подлинникъ этого портрета, и начинается романъ, изъ котораго Чичиковъ, какъ и изъ всѣхъ другихъ обстоятельствъ, каковы бъ они ни были, извлекаетъ свои выгоды. Первый томъ по словамъ А. О. С—ой, совершенно поблѣднѣлъ въ ея воображеніи передъ вторымъ: здѣсь юморъ возведенъ былъ въ высшую степень художественности и соединялся съ паѳосомъ, отъ котораго захватывало духъ. Когда слушательница спрашивала: «Неужели будутъ въ поэмѣ еще поразительнѣйшія явленія?» Гоголь отвѣчалъ: «Я очень радъ, что это вамъ такъ нравится, но погодите: будутъ у меня еще лучшія вещи: будетъ у меня священникъ, будетъ откупщикъ, будетъ генералъ-губернаторъ».

17.

Воспоминанія Л. И. Арнольди [1]).

«Сколько мнѣ помнится, она (первая глава второй части «М. Д.») начиналась иначе и, вообще, была лучше обработана, хотя содержаніе было то же. Хохотомъ генерала Бетрищева оканчивалась эта глава, а за нею слѣдовала другая, въ которой описанъ весь день въ ге-

[1]) «Русскій Вѣстникъ», 1862, I, 74—79.

неральскомъ домѣ. Чичиковъ остался обѣдать. Къ столу явились, кромѣ Улиньки, еще два лица: англичанка, исправлявшая при ней должность гувернантки, и какой то испанецъ или португалецъ, проживавшій у Бетрищева въ деревнѣ съ незапамятныхъ временъ и неизвѣстно для какой надобности. Первая была дѣвица среднихъ лѣтъ, существо безцвѣтное, некрасивой наружности, съ большимъ тонкимъ носомъ и необыкновенно быстрыми глазами. Она держалась прямо, молчала по цѣлымъ днямъ и только безпрестанно вертѣла глазами въ разныя стороны съ глупо-вопросительнымъ взглядомъ. Португалецъ, сколько я помню, назывался Экспантонъ, Хсентендопъ, или что то въ этомъ родѣ; но помню твердо, что вся дворня генерала называла его просто—Эскадронъ. Онъ тоже постоянно молчалъ, но послѣ обѣда долженъ былъ играть съ генераломъ въ шахматы. За обѣдомъ не произошло ничего необыкновеннаго. Генералъ былъ веселъ и шутилъ съ Чичиковымъ, который ѣлъ съ большимъ аппетитомъ; Улинька была задумчива, и лицо ея оживлялось только тогда, когда упоминали о Тентетниковѣ. Послѣ обѣда генералъ сѣлъ играть съ испанцемъ въ шахматы и, подвигая шашки впередъ, безпрестанно повторялъ: «Полюби насъ бѣленькими...»— «Черненькими, ваше превосходительство», перебивалъ его Чичиковъ. «Да, — повторялъ генералъ, — полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ Самъ Господь Богъ полюбитъ». Черезъ пять минутъ онъ опять ошибался, и начиналъ опять: «Полюби насъ бѣленькими», и опять Чичиковъ поправлялъ его, и опять генералъ, смѣясь, повторялъ: «Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ Самъ Господь Богъ полюбитъ». Послѣ нѣсколькихъ партій съ испанцемъ, генералъ предложилъ Чичикову сыграть одну или двѣ партіи, и тутъ Чичиковъ выказалъ необыкновенную ловкость. Онъ игралъ очень хорошо, затруднялъ генерала своими ходами и кончилъ тѣмъ, что проигралъ; генералъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что побѣдилъ такого сильнаго игрока, и еще болѣе полюбилъ за это Чичикова. Прощаясь съ нимъ, онъ просилъ его возвратиться скорѣе и привезти съ собой Тентетникова. Пріѣхавъ къ Тентетникову въ деревню, Чичиковъ разсказываетъ ему, какъ грустна Улинька, какъ жалѣетъ генералъ, что его не видитъ, что генералъ совершенно раскаивается

и, чтобы кончить недоразумѣніе, намѣренъ самъ первый къ нему пріѣхать съ визитомъ и просить у него прощенія. Все это Чичиковъ выдумалъ. Но Тентетниковъ, влюбленный въ Улиньку, разумѣется, радуется предлогу и говоритъ, что если все это такъ, то онъ не допуститъ генерала до этого, а самъ завтра же готовъ ѣхать, чтобы предупредить его визитъ. Чичиковъ это одобряетъ, и они условливаются ѣхать вмѣстѣ на другой день къ генералу Бетрищеву. Вечеромъ того же дня Чичиковъ признается Тентетникову, что совралъ, разсказавъ Бетрищеву, что будто бы Тентетниковъ пишетъ исторію о генералахъ. Тотъ не понимаетъ, зачѣмъ это Чичиковъ выдумалъ, и не знаетъ, что ему дѣлать, если генералъ заговоритъ съ нимъ объ этой исторіи. Чичиковъ объясняетъ, что и самъ не знаетъ, какъ это у него сорвалось съ языка; но что дѣло уже сдѣлано, а потому убѣдительно проситъ его, ежели онъ уже не намѣренъ лгать, то чтобы ничего не говорилъ, а только бы не отказывался рѣшительно отъ этой исторіи, чтобы его не скомпрометировать передъ генераломъ. За этимъ слѣдуетъ поѣздка ихъ въ деревню генерала, встрѣча Тентетникова съ Бетрищевымъ, съ Улинькой и, наконецъ, обѣдъ. Описаніе этого обѣда, по моему мнѣнію, было лучшее мѣсто второго тома. Генералъ сидѣлъ посрединѣ, по правую его руку Тентетниковъ, по лѣвую Чичиковъ, подлѣ Чичикова Улинька, подлѣ Тентетникова испанецъ, а между испанцемъ и Улинькой англичанка; всѣ казались довольны и веселы. Генералъ былъ доволенъ, что помирился съ Тентетниковымъ и что могъ побесѣдовать съ человѣкомъ, который пишетъ исторію отечественныхъ генераловъ; Тентетниковъ тѣмъ, что почти противъ него сидѣла Улинька, съ которою онъ по временамъ встрѣчался взглядами; Улинька была счастлива тѣмъ, что тотъ, кого она любила, опять съ ними, и что отецъ опять съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и, наконецъ, Чичиковъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ примирителя въ этой знатной и богатой семьѣ. Англичанка свободно вращала глазами, испанецъ глядѣлъ въ тарелку и поднималъ свои глаза только тогда, какъ вносили новое блюдо. Примѣтивъ лучшій кусокъ, онъ не спускалъ съ него глазъ во все время, покуда блюдо обходило кругомъ стола, или покуда лакомый кусокъ не попадалъ къ кому-нибудь на тарелку. Послѣ

второго блюда генералъ заговорилъ съ Тентетниковымъ о его сочиненіи и коснулся 12-го года. Чичиковъ струхнулъ и со вниманіемъ ждалъ отвѣта. Тентетниковъ ловко вывернулся. Онъ отвѣчалъ, что не его дѣло писать исторію кампаніи, отдѣльныхъ сраженій и отдѣльныхъ личностей, игравшихъ роль въ этой войнѣ, что не этими геройскими подвигами замѣчателенъ 12-й годъ, что много было историковъ этого времени и безъ него: но что надобно взглянуть на эту эпоху съ другой стороны: важно, по его мнѣнію, то, что весь народъ всталъ, какъ одинъ человѣкъ, въ защиту отечества; что всѣ разсчеты, интриги и страсти умолкли на это время; важно, какъ всѣ сословія соединились въ одномъ чувствѣ любви къ отечеству, какъ каждый спѣшилъ отдать послѣднее свое достояніе и жертвовалъ всѣмъ для спасенія общаго дѣла; вотъ что важно въ этой войнѣ, и вотъ что желалъ онъ описать въ одной яркой картинѣ, со всѣми подробностями этихъ невидимыхъ подвиговъ и высокихъ, но тайныхъ жертвъ! Тентетниковъ говорилъ довольно долго и съ увлеченіемъ, весь проникнулся въ эту минуту чувствомъ любви къ Россіи. Бетрищевъ слушалъ его съ восторгомъ, и въ первый разъ такое живое, теплое слово коснулось его слуха. Слеза, какъ бриллiантъ чистѣйшей воды, повисла на сѣдыхъ усахъ. Генералъ былъ прекрасенъ; а Улинька? Она вся впилась глазами въ Тентетникова; она, казалось, ловила съ жадностью каждое его слово; она, какъ музыкой, упивалась его рѣчами; она любила его, она гордилась имъ! Испанецъ еще болѣе потупился въ тарелку; англичанка съ глупымъ видомъ оглядывала всѣхъ, ничего не понимая. Когда Тентетниковъ кончилъ, водворилась тишина, всѣ были взволнованы... Чичиковъ, желая помѣстить и свое слово, первый прервалъ молчаніе. «Да, — сказалъ онъ, — страшные холода были въ 12-мъ году!» — «Не о холодахъ тутъ рѣчь», замѣтилъ генералъ, взглянувъ на него строго. Чичиковъ сконфузился. Генералъ протянулъ руку Тентетникову и дружески благодарилъ его; но Тентетниковъ былъ совершенно счастливъ тѣмъ уже, что въ глазахъ Улиньки прочелъ себѣ одобреніе. Исторія о генералахъ была забыта. День прошелъ тихо и пріятно для всѣхъ. — Послѣ этого я не помню порядка, въ которомъ слѣдовали главы; помню, что послѣ этого дня Улинька рѣшилась говорить съ

отцомъ своимъ серьезно о Тентетниковѣ. Передъ этимъ рѣшительнымъ разговоромъ, вечеромъ, она ходила на могилу матери и въ молитвѣ искала подкрѣпленія своей рѣшимости. Послѣ молитвы вошла она къ отцу въ кабинетъ, стала передъ нимъ на колѣни и просила его согласія и благословенія на бракъ съ Тентетниковымъ. Генералъ долго колебался и, наконецъ, согласился. Былъ призванъ Тентетниковъ, и ему объявили о согласіи генерала. Это было черезъ нѣсколько дней послѣ мировой. Получивъ согласіе, Тентетниковъ, внѣ себя отъ счастія, оставилъ на минуту Улиньку и выбѣжалъ въ садъ. Ему нужно было остаться одному съ самимъ собою. Счастье его душило!.. Тутъ у Гоголя были двѣ чудныя лирическія страницы. — Въ жаркій лѣтній день, въ самый полдень, Тентетниковъ въ густомъ, тѣнистомъ саду, и кругомъ его мертвая, глубокая тишина. Мастерскою кистью описанъ былъ этотъ садъ, каждая вѣтка на деревьяхъ, палящій зной въ воздухѣ, кузнечики въ травѣ, и всѣ насѣкомыя, и, наконецъ, все то, что чувствовалъ Тентетниковъ, счастливый, любящій и взаимно любимый! — Я живо помню, что это описаніе было такъ хорошо, въ немъ было столько силы, колорита, поэзіи, что у меня захватывало дыханіе. Гоголь читалъ превосходно. — Въ избыткѣ чувствъ, отъ полноты счастья, Тентетниковъ плакалъ и тутъ же поклялся посвятить всю свою жизнь своей невѣстѣ. Въ эту минуту, въ концѣ аллеи показывается Чичиковъ. Тентетниковъ бросается къ нему на шею и благодаритъ его. «Вы мой благодѣтель, вамъ обязанъ я моимъ счастіемъ; чѣмъ могу возблагодарить васъ?.. всей моей жизни мало для этого...» У Чичикова въ головѣ тотчасъ блеснула своя мысль: «Я ничего для васъ не сдѣлалъ; это случай», отвѣчалъ онъ: «Я очень счастливъ, но вы легко можете отблагодарить меня!» — «Чѣмъ, чѣмъ?» повторилъ Тентетниковъ: «скажите скорѣе, и я все сдѣлаю». Тутъ Чичиковъ разсказываетъ о своемъ мнимомъ дядѣ и о томъ, что ему необходимо хотя на бумагѣ имѣть 300 душъ. «Да зачѣмъ же непремѣнно мертвыхъ?» говоритъ Тентетниковъ, не хорошо понявшій, чего собственно добивается Чичиковъ. «Я вамъ на бумагѣ отдамъ всѣ мои 300 душъ, и вы можете показать наше условіе вашему дядюшкѣ, а послѣ, когда получите отъ него имѣніе, мы уничтожимъ купчую». Чи-

чиковъ остолбенѣлъ отъ удивленія. «Какъ вы не боитесь сдѣлать это?.. Вы не боитесь, что я могу васъ обмануть... употребить во зло ваше довѣріе?» Но Тентетниковъ не далъ ему кончить. «Какъ!» воскликнулъ онъ: «сомнѣваться въ васъ, которому я обязанъ болѣе чѣмъ жизнію». Тутъ они обнялись, и дѣло было рѣшено между ними. Чичиковъ заснулъ сладко въ этотъ вечеръ. На другой день въ генеральскомъ домѣ было совѣщаніе, какъ объявить роднымъ генерала о помолвкѣ его дочери, письменно или чрезъ кого-нибудь, или самимъ ѣхать. Видно, что Бетрищевъ очень безпокоился о томъ, какъ примутъ княгиня Зюзюкина и другіе знатные его родные эту новость. Чичиковъ и тутъ оказался очень полезенъ: онъ предложилъ объѣхать всѣхъ родныхъ генерала и извѣстить о помолвкѣ Улиньки и Тентетникова. Разумѣется, онъ имѣлъ въ виду при этомъ все тѣ же мертвыя души. Его предложеніе принято съ благодарностью. «Чего лучше?» думалъ генералъ: «онъ человѣкъ умный, приличный; онъ сумѣетъ объявить объ этой свадьбѣ такимъ образомъ, что всѣ будутъ довольны». Генералъ для этой поѣздки предложилъ Чичикову дорожную двухмѣстную коляску заграничной работы, а Тентетниковъ четвертую лошадь. Чичиковъ долженъ былъ отправиться черезъ нѣсколько дней. Съ этой минуты на него всѣ стали смотрѣть въ домѣ Бетрищева, какъ на домашняго, какъ на друга дома. Вернувшись къ Тентетникову, Чичиковъ тотчасъ же позвалъ къ себѣ Селифана и Петрушку и объявилъ имъ, чтобъ они готовились къ отъѣзду. Селифанъ въ деревнѣ Тентетникова совсѣмъ излѣнился, спился и не походилъ вовсе на кучера, а лошади совсѣмъ оставались безъ присмотра. Петрушка же совершенно предался волокитству за крестьянскими дѣвками. Когда же привезли отъ генерала легкую, почти новую коляску, и Селифанъ увидѣлъ, что онъ будетъ сидѣть на широкихъ козлахъ и править четырьмя лошадьми въ рядъ, то всѣ кучерскія побужденія въ немъ проснулись, и онъ сталъ съ большимъ вниманіемъ и съ видомъ знатока осматривать экипажъ и требовалъ отъ генеральскихъ людей разныхъ запасныхъ винтовъ и такихъ ключей, какихъ даже никогда не бываетъ. Чичиковъ тоже думалъ съ удовольствіемъ о своей поѣздкѣ: какъ онъ разляжется на эластическихъ съ пружинами по-

душкахъ, и какъ четверня въ рядъ понесетъ его легкую, какъ перышко, коляску».

«Вотъ все, что читалъ при мнѣ Гоголь изъ второго тома «Мертвыхъ Душъ». Сестрѣ же моей онъ прочелъ, кажется, девять главъ».

Впослѣдствіи Смирнова разсказывала Арнольди, что удивительно хорошо отдѣлано было одно лицо въ одной изъ главъ; это лицо — эманципированная женщина-красавица, избалованная свѣтомъ, кокетка, проведшая свою молодость въ столицѣ, при дворѣ и за границей. Судьба привела ее въ провинцію; ей уже за 35 лѣтъ; она начинаетъ это чувствовать, ей скучно, жизнь ей въ тягость. Въ это время она встрѣчается съ вездѣ и всегда скучающимъ Платоновымъ, который также израсходовалъ всего себя, таскаясь по свѣтскимъ гостинымъ. Имъ обоимъ показалась ихъ встрѣча въ глуши, среди ничтожныхъ людей, ихъ окружающихъ, какимъ то великимъ счастіемъ; они начинаютъ привязываться другъ къ другу, и это новое чувство, имъ незнакомое, оживляетъ ихъ; они думаютъ, что любятъ другъ друга и съ восторгомъ предаются этому чувству. Но это оживленіе, это счастіе было только на минуту, и чрезъ мѣсяцъ послѣ перваго признанія они замѣчаютъ, что это была только вспышка, капризъ, что истинной любви тутъ не было, что они и не способны къ ней, и затѣмъ наступаетъ съ обѣихъ сторонъ охлажденіе, и потомъ опять скука и скука, и они, разумѣется, начинаютъ скучать, въ этотъ разъ еще болѣе, чѣмъ прежде [1]).

«Когда Гоголь окончилъ чтеніе, то онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Ну, что вы скажете? Нравится ли вамъ?» — «Удивительно, безподобно!» воскликнулъ я. — «Въ этихъ главахъ вы гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ въ первомъ томѣ; тутъ вездѣ слышится жизнь, какъ она есть, безъ всякихъ преувеличеній, а описаніе сада—верхъ совершенства».—«Ну, а не сдѣлаете ли вы мнѣ какого-либо замѣчанія? Нѣтъ ли тутъ вещи, которая бы вамъ не совсѣмъ понравилась?» возразилъ снова Гоголь. Я немного подумалъ и откровенно отвѣчалъ ему, что Улинька кажется мнѣ лицомъ немного идеальнымъ, блѣднымъ, неоконченнымъ. «Къ тому же», прибавилъ я, «вы изобразили ее

[1]) Ib., стр. 80.

какимъ то совершенствомъ, и не говорите между тѣмъ, отчего она вышла такою, кто въ этомъ виноватъ, каково было ея воспитаніе, кому она этимъ обязана... Не отцу же своему и глупой молчаливой англичанкѣ!» Гоголь немного задумался и прибавилъ: «Можетъ быть, и такъ. Впрочемъ, въ послѣдующихъ главахъ она выйдетъ у меня рельефнѣе. Я вообще не совсѣмъ доволенъ; еще много надо будетъ дополнить, чтобы характеры вышли покрупнѣе». Онъ не былъ доволенъ, а мнѣ казалось, что я не выбросилъ бы ни одного слова, не прибавилъ ни одной черты: такъ все было обработано и окончено, кромѣ одной Улиньки [1])...

Сестра моя скоро захворала... Чтобы разсѣять ее, Гоголь самъ предложилъ прочесть окончаніе второго тома «М. Д.», но сестра откровенно сказала Гоголю, что ей теперь не до чтенія и не до его сочиненій. Мнѣ показалось, что онъ немного обидѣлся этимъ отказомъ [2]).

Въ послѣдній разъ я былъ у Гоголя въ новый годъ; онъ былъ немного грустенъ, разспрашивалъ меня очень долго о здоровьѣ сестры, говорилъ, что имѣетъ намѣреніе ѣхать въ Петербургъ, когда окончится новое изданіе его сочиненій, и когда выйдетъ въ свѣтъ второй томъ «М. Д.», который, по его словамъ, былъ совершенно оконченъ.

18.

Отрывокъ изъ письма Гоголя къ А. П. Толстому, касающійся второй части „Мертвыхъ Душъ“ [3]).

Васъ удивляетъ, почему я съ такимъ стараніемъ стараюсь опредѣлить всякую должность въ Россіи, почему я хочу узнать, въ чемъ ея существо? Говорю вамъ: мнѣ это нужно для моего сочиненья, для этихъ самыхъ «Мертвыхъ Душъ», которыя начались мелочами и секретарями и должны кончить(ся) дѣлами покрупнѣе, и должностями повыше, и это познаніе точное и вѣрное должностей въ томъ... въ какомъ онѣ должны у насъ въ Россіи быть. Мнѣ бы не хотѣлось дать про-

[1]) Ib., стр. 80 — 81.
[2]) Ib., стр. 91.
[3]) 10-е изд., т. VII, стр. 450 — 451.

маха и погрѣшить противъ правды, тѣмъ болѣе, (что) характер(ы) и люди въ остальныхъ двухъ частяхъ выходятъ искрупнѣе обыкновенныхъ и въ значительныхъ должностяхъ. Я васъ очень благодарю, что вы объяснили должности генералъ-губернатора; я только съ вашихъ словъ узналъ, въ чемъ она истинно можетъ быть важна и нужна въ Россіи. Прежде мнѣ казалось, что и безъ нея организмъ управленія губерніи совершенно полонъ. Кстати разсмотримъ этотъ организмъ, чтобы видѣть, такъ ли точно я его понимаю, какъ есть. Мнѣ кажется, что онъ очень умно соображенъ въ частяхъ, соотвѣтствуетъ духу земли и обнаружива(етъ) въ государынѣ Екатеринѣ большое пониманье потребностей нашихъ...

19.

Письмо И. С. Аксакова (30 августа 1849 г.) [1].

Я получилъ на-дняхъ письмо отъ А. О. (Смирновой), которой до смерти хочется разболтать свой секретъ, но говорить, что не велѣно, однакоже кое-что сообщаетъ. Гоголь читалъ ей второй томъ «Мертвыхъ Душъ», не весь, но то, что написано. Она въ восторгѣ, хоть въ этомъ отношеніи она и не совсѣмъ судья. «Какъ жаль», пишетъ она, «что я не смѣю вамъ проболтаться о Муратовѣ, Элабуевѣ, Улинькѣ, Чаграповой, генералѣ Быстрищевѣ» [2]... и еще какая то фамилія, которую я не могъ разобрать. Говоритъ, что первый томъ передъ тѣмъ, что написано и что только набросано, совершенно поблѣднѣлъ.

20.

Письмо С. Т. Аксакова (29 августа 1849 г.) [3].

Не могу далѣе скрывать отъ тебя нашу общую радость: Гоголь читалъ намъ первую главу 2-го тома «Мертвыхъ Душъ». Слава Богу! Талантъ его сталъ выше и глубже. Мы обѣщали ему не писать даже и къ тебѣ; но нѣтъ силъ молчать. Глава огромнѣйшая. Чтеніе продолжалось часъ съ четвертью.

[1] И. С. Аксаковъ въ его письмахъ. II. М. 1888, стр. 216.
[2] Муратовъ-Муразовъ, Элабуевъ-Хлобуевъ, Быстрищевъ-Бетрищевъ. Не разобрана, вѣроятно, фамилія Тентетникова.
[3] И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, стр. 217.

21.

Изъ записной книжки Гоголя (1846—1848) [1].

Дрягилъ. Поддончиковъ. Тентетниковъ. Баранчиковъ. Никита Семеновичъ Коза. Бухманловъ. Чухаловъ.

22.

Письмо Плетнева (17 марта 1852 г.) [2].

«Лѣтомъ же [3] читалъ многимъ главы (до семи) изъ второго тома «Мертвыхъ Душъ» и самъ попросилъ напечатать извѣстіе въ журналѣ о скоромъ его изданіи вмѣстѣ съ умноженнымъ первымъ» [4].

А. О. Смирнова сказывала мнѣ, что только И. В. Капнисту, который хотя любилъ Гоголя, но терпѣть не могъ его сочиненій, онъ прочиталъ девять главъ, желая воспользоваться строгою критикою безпощаднаго порицателя своихъ сочиненій.

23.

Воспоминанія Н. В. Берга [5].

Лѣто того же года [6] я прожилъ у себя въ деревнѣ и, когда возвратился въ Москву, то услышалъ, что Гоголемъ написано уже 11 главъ второго тома, но онъ все ими недоволенъ, все поправляетъ и переписываетъ...

24.

„Послѣдніе годы Гоголя“ В. Чижова [7].

По свидѣтельству людей, близко знавшихъ Гоголя, имъ былъ уже вполнѣ оконченъ весь 2-й томъ, состоявшій изъ 11 главъ, т.-е. изъ того же числа, какое входило въ составъ перваго тома, и онъ рѣшался присту-

---

1) Соч. Гоголя, изд. X, т. VI, стр. 538.
2) Сочиненія и переписка, III, 734.
3) 1851 г.
4) Изъ «Москвитянина», 1852, V. 47.
5) «Русск. Старина», 1872, I, 126.
6) 1851 г.
7) «Вѣстникъ Европы», 1872, іюль, стр. 448.

пить къ изданію его, когда внезапная болѣзнь измѣнила его намѣренія и побудила къ сожженію съ такою любовью взлелѣяннаго произведенія.

25.

Письмо С. Т. Аксакова С. П. Шевыреву (1852) [1].

Въ самое послѣднее свиданіе съ моей женой, Гоголь сказалъ, что онъ не будетъ печатать второго тома, что въ немъ все никуда не годится, и что надо все передѣлать. Сожженіе набѣло переписанныхъ главъ второго тома какъ нельзя больше подтверждаетъ эти слова. Итакъ, разсудите сами, слѣдуетъ ли ихъ печатать? Найденныя вами черновыя тетради, очевидно, забытыя Гоголемъ, должны быть самыя давнишнія. Только про первую главу второго тома онъ сказалъ мнѣ, что она получила послѣднее прикосновеніе, была тронута кистью художника, говоря техническимъ языкомъ живописцевъ. Онъ сказалъ это потому, что, при вторичномъ чтеніи той же главы для моего сына Ивана, я замѣтилъ многія измѣненія. Повторяю: какъ же печатать послѣ этого черновую, впослѣдствіи, можетъ быть, совершенно измѣненную рукопись?

26.

Письмо М. И. Гоголь Погодину (20 іюля 1852 г.) [2].

Считаю себѣ обязанностью служить вамъ, за присылаемый вами мнѣ журналъ «Москвитянинъ», изъ второго тома «Мертвыхъ Душъ», второй главы, и тремя письмами, писанными ко мнѣ моимъ безцѣннымъ сыномъ, снятыми со всего этого копіями для напечатанія, гдѣ вамъ угодно.

27.

Письмо А. О. Смирновой (1 августа 1849 г.) [3].

Какъ жаль, что вы такъ мало пишете о Тентетниковѣ: меня они всѣ очень интересуютъ, и часто я ду-

---

[1] «Русскій Архивъ», 1878, II, 54; Собр. соч. С. Т. А-ва, III, 433 — 434.

[2] Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина», XII, 9.

[3] Ib., X, 322; «Рус. Стар.», 1889, XII, 656.

маю о Костанжогло и Муразовѣ. Улиньку немного сведите съ идеала и дайте работу женѣ Костанжогло: она уже слишкомъ жалка. А впрочемъ, все хорошо.

28.

Изъ воспоминаній М. А. Максимовича [1]).

Въ числѣ весьма немногихъ Гоголь читалъ Максимовичу первыя главы второго тома «Мертвыхъ Душъ» и говорилъ ему о своемъ трудѣ: «Безпрестанно исправляю, и всякій разъ, когда начну читать, то сквозь написанныя строки читаю еще не написанныя».

29.

То же [2]).

...Умерла старушка, которую оплакиваютъ по очереди три дочери. Дѣвушки причитывали ей съ рѣдкимъ искусствомъ и вдохновлялись собственнымъ своимъ плачемъ... Раза два появлялись онѣ, то та, то другая, на галлерейкѣ второго этажа и, опершись на перила, продолжали свои вопли и жалобы, и, обращаясь къ утреннему солнцу, вопили: «Солнышко ты мое красное!» Максимовичу это живо напомнило Ярославну, «плакавшую рано Путивлю городу на заборолѣ». Когда Максимовичъ разсказалъ обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ Гоголю, то онъ былъ пораженъ поэтичностью этого явленія и выразилъ намѣреніе воспользоваться имъ, при случаѣ, въ «Мертвыхъ Душахъ».

30.

Письмо Н. Ф. Павлова (1 марта 1852 г.) [3]).

Гоголь... дней за десять до смерти, ночью, часа въ три, сжегъ всѣ бумаги, такъ что Хомяковъ ни въ одномъ ящикѣ не нашелъ ничего, нѣтъ и готовыхъ семи главъ второй части «Мертвыхъ Душъ», которыя Гоголь читалъ Шевыреву. Неизвѣстно, отыщется, или нѣтъ. Говорятъ, что списокъ есть у великой княгини Ольги Николаевны.

---

[1]) Ib., стр. 328.
[2]) Ib., XI, 146 – 147.
[3]) Ib., стр. 537 – 538.

31.

Письмо С. П. Шевырева (2 апрѣля 1852 г.) [1].

Изъ второго тома онъ прочелъ мнѣ лѣтомъ, живучи у меня на дачѣ, около Москвы, семь главъ. Онъ читалъ ихъ, можно сказать, наизусть по написанной канвѣ, содержа окончательную отдѣлку въ головѣ своей.

32.

Воспоминанія неизвѣстной (зима 1850—1851 гг.) [2].

Заставши разъ кн. В. А. Репнину и Г. И. Дунинъ-Борковскую за чтеніемъ «М. Д.», Гоголь сказалъ: «А что это! Это грязный дворикъ, который долженъ привести къ чистому дому». А съ m-me Гойёръ у Гоголя произошелъ такой разговоръ: «Скоро ли выйдетъ окончаніе «М. Д.»? — Я думаю, черезъ годъ. — Такъ онѣ не сожжены? — Да! Вѣдь это только начало было».

33.

Письмо С. Т. Аксакова [3].

Я самъ слышалъ четыре, а С. П. Шевыревъ и А. О. Смирнова, какъ говорятъ, слышали семь главъ.

34.

Воспоминанія кн. Д. А. Оболенскаго [4].

Осенью 1851 года, будучи проѣздомъ въ Москвѣ, я, посѣтивъ Гоголя, засталъ его въ хорошемъ расположеніи духа, и на вопросъ мой о томъ, какъ идутъ «Мертвыя Души», онъ отвѣчалъ мнѣ: «Приходите завтра вечеромъ, въ 8 часовъ, я вамъ почитаю». На другой день, разумѣется, ровно въ 8 часовъ вечера я былъ уже у Гоголя; у него засталъ я А. О. Россета, котораго онъ

---

[1]) Шенрокъ, письмо Шевырева Синельниковой (отд. оттискъ изъ «Русск. Старины», стр. 442—443).
[2]) Маркевичъ, Гоголь въ Одессѣ, Одесса, 1902, стр. 35.
[3]) «Русск. Старина», 1873, т. IV, стр. 956.
[4]) Ib., стр. 942—947, 950—951, 952—953.

тоже позвалъ. Явился на сцену знакомый мнѣ портфель; изъ него вытащилъ Гоголь одну довольно толстую тетрадь, усѣлся около стола и началъ тихимъ и плавнымъ голосомъ чтеніе первой главы. Гоголь мастерски читалъ: не только всякое слово у него выходило внятно, но, перемѣняя часто интонацію рѣчи, онъ разнообразилъ ее и заставлялъ слушателя усвоивать самые мелочные оттѣнки мысли. Помню, какъ онъ началъ глухимъ и какимъ то гробовымъ голосомъ: «Зачѣмъ же изображать бѣдность да бѣдность... И вотъ опять попали мы въ глушь, опять наткнулись на закоулокъ». Послѣ этихъ словъ внезапно Гоголь приподнялъ голову, встряхнулъ волосы и продолжалъ уже громкимъ и торжественнымъ голосомъ: «Зато какая глушь и какой закоулокъ!» За симъ началъ великолѣпное описаніе деревни Тентетникова, которое, въ чтеніи Гоголя, выходило какъ будто писано въ извѣстномъ размѣрѣ. Всѣ описанія природы, которыми изобилуетъ первая глава, отдѣланы были особенно тщательно. Меня въ высшей степени поразила необыкновенная гармонія рѣчи. Тутъ я увидѣлъ, какъ прекрасно воспользовался Гоголь тѣми мѣстными названіями разныхъ травъ и цвѣтовъ, которыя онъ такъ тщательно собиралъ. Онъ иногда, видимо, вставлялъ какое-нибудь звучное слово единственно для гармоническаго эффекта. Хотя въ напечатанной первой главѣ всѣ описательныя мѣста прелестны, но я склоненъ думать, что въ окончательной редакціи они были еще тщательнѣе отдѣланы... Разсказъ о воспитаніи Тентетникова, сколько мнѣ помнится, читанъ былъ Гоголемъ въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ въ первомъ изданіи 1855 года. Причина же выхода въ отставку Тентетникова была гораздо болѣе развита, чѣмъ въ тѣхъ варіантахъ, которые до насъ дошли... Причина выхода въ отставку Тентетникова имѣла весьма глубокое нравственное основаніе. Помню, что это мѣсто въ чтеніи Гоголя особенно меня поразило по тонкости его психическаго анализа борьбы, происходящей въ благородной душѣ молодого человѣка, съ возвышенными чувствами и безкорыстными желаніями добра и пользы поступающаго на службу. Такимъ былъ Тентетниковъ, — не нужно забывать, что подъ вліяніемъ чуднаго наставника развилось пылкое сердце мальчика и пробуждены были въ немъ всѣ честные, благородные порывы

и стремленія; но Тентетниковъ лишился своего наставника, когда «еще не успѣлъ образоваться и окрѣпнуть начинавшій въ немъ строиться высокій внутренній человѣкъ; что, не испытанный измлада въ борьбѣ съ неудачами, не достигнулъ онъ до высокаго состоянія возвышаться и крѣпнуть отъ преградъ и препятствій; что растопившійся, подобно разогрѣтому металлу, богатый запасъ великихъ ощущеній не принялъ послѣдней закалки». Поэтому, еще въ школѣ, когда измѣнился характеръ преподаванія и воспитанія, онъ, благодаря природному уму, чувствовалъ, что не такъ должно преподавать, но какъ — не зналъ, и онъ «повѣсилъ носъ». Но по мѣрѣ того, какъ приближалось время къ выпуску, сердце его билось. Онъ говорилъ себѣ: «Вѣдь это еще не жизнь, это только приготовленіе къ жизни, настоящая жизнь на службѣ». Тамъ подвиги, и онъ жаждетъ ихъ. Съ такимъ настроеніемъ поступаетъ Тентетниковъ на службу. Съ рвеніемъ принимается за работу. Прежде всего его нѣсколько смущаетъ механизмъ занятій, которому, ему казалось, придаютъ слишкомъ большое значеніе. Но онъ съ этимъ примиряется въ надеждѣ все-таки добраться до сути дѣла, гдѣ найдетъ пищу своимъ благороднымъ стремленіямъ, и гдѣ, можетъ быть, его ожидаютъ подвиги. Онъ принимается за дѣло, какъ бы оно ни казалось вначалѣ мелкимъ. Дѣйствительно, уже въ должности столоначальника, у него въ рукахъ дѣла, направленіе которыхъ уже много отъ него зависитъ. Онъ пишетъ, пишетъ новые законы, пишетъ распоряженія о благоустройствѣ отдаленнѣйшихъ мѣстъ, о которыхъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Пишетъ заочно наказы, разрѣшающіе участь цѣлаго народонаселенія, о дѣйствительныхъ нуждахъ котораго онъ ничего хорошенько не знаетъ. Рѣшаетъ на бумагѣ дѣло людей, живущихъ за 3 тысячи верстъ. Умъ и совѣсть говорятъ ему, что тутъ есть какая то фальшь, и что изъ всего этого можетъ произойти много вздору, при всемъ желаніи его добра и пользы. Онъ чувствовалъ, что не такъ слѣдовало бы идти дѣламъ, а какъ — не зналъ. И онъ утратилъ вѣру въ службу. Вотъ разгадка, почему Тентетниковъ «свыкнулся со службой: но только она сдѣлалась у него не первымъ дѣломъ и цѣлью, какъ онъ полагалъ было вначалѣ, но чѣмъ то вторымъ. Она служила ему рас-

предѣленіемъ времени, заставивъ его болѣе дорожить оставшимися минутами». При такомъ настроеніи легко могъ Тентетниковъ подчиниться вліянію людей раздраженныхъ и напскиваться на непріятности. При первомъ случаѣ онъ выходитъ въ отставку. Вотъ тема, которая развита была Гоголемъ съ поразительною живостію,— Тентетниковъ выставленъ былъ лицомъ, въ высшей степени симпатичнымъ. Утративъ вѣру въ свой идеалъ, чувствуя себя безоружнымъ въ борьбѣ съ неразрѣшимыми противорѣчіями, онъ, можетъ быть, по примѣру другихъ, окончательно и примирился бы съ ними, чиновное честолюбіе взяло бы верхъ надъ голосомъ совѣсти, ежели бы не представилось воображенію его другое поприще дѣятельности, еще не испытанное имъ, но заманчивое по обилію средствъ къ практическому приложенію всего запаса добрыхъ и благородныхъ намѣреній, которыми полна была душа его. Онъ поѣхалъ въ деревню. Чудное описаніе этой деревни въ чтеніи Гоголя выходило такъ прелестно, что когда онъ кончилъ его словами: «Господи, какъ здѣсь просторно!» то мы, оба слушателя, невольно вскрикнули отъ восхищенія. Затѣмъ пріѣздъ Чичикова, разговоръ его съ Тентетниковымъ и весь конецъ первой главы, сколько мнѣ помнится, Гоголь читалъ совершенно согласно съ текстомъ изданія 1855 года. Окончивъ чтеніе, Гоголь обратился къ намъ съ вопросомъ: «Ну, что вы скажете?» Будучи подъ впечатлѣніемъ тѣхъ прелестныхъ картинъ и разнообразныхъ описаній природы, которыми изобилуетъ первая глава, я отвѣчалъ, что болѣе всего я пораженъ художественной отдѣлкой этой части, что ни одинъ пейзажистъ не производилъ на меня подобнаго впечатлѣнія. — «Я этому радъ», отвѣчалъ Гоголь и, передавъ намъ рукопись, просилъ, чтобы мы прочли ему вслухъ нѣкоторыя мѣста. Не помню, г. Россетъ или я исполнилъ его желаніе, и онъ прислушивался къ нашему чтенію, видимо, желая слышать, какъ будутъ передаваться тѣ мѣста, которыя особенно рельефно выходили при его мастерскомъ чтеніи. По окончаніи чтенія г. Россетъ спросилъ у Гоголя: «Что, вы знали такого Александра Петровича (перваго наставника Тентетникова), или это вашъ идеалъ наставника?» При этомъ вопросѣ Гоголь нѣсколько задумался и, помолчавъ, отвѣчалъ: «Да, я зналъ такого». Я воспользовался этимъ случа-

смъ, чтобы замѣтить Гоголю, что, дѣйствительно, его Александръ Петровичъ представляется какимъ то лицомъ идеальнымъ, отъ того, быть можетъ, что о немъ говорится уже, какъ о покойникѣ, въ третьемъ лицѣ; но какъ бы то ни было, а онъ, сравнительно съ другими дѣйствующими лицами, какъ то безжизненъ.

«Это справедливо», отвѣчалъ мнѣ Гоголь и, подумавъ немного, прибавилъ: «Но онъ у меня оживетъ потомъ». Что разумѣлъ подъ этимъ Гоголь—я не знаю. Рукопись, по которой читалъ Гоголь, была совершенно набѣло имъ самимъ переписана; я не замѣтилъ въ ней поправокъ...

Шевыревъ, которому Гоголь успѣлъ прочесть почти весь второй томъ, могъ одинъ только, по памяти, возстановить текстъ, ближе всего подходившій къ той редакціи, которая была сожжена...

На первоначальномъ спискѣ, изданномъ въ 1855 г.. послѣ второй главы написано было карандашемъ, въ скобкахъ: «Здѣсь пропущено примиреніе генерала Бетрищева съ Тентетниковымъ; обѣдъ у генерала и бесѣда ихъ о 12-мъ годѣ; помолвка Улиньки съ Тентетниковымъ; помолвка ея и плачъ на гробѣ матери; бесѣда помолвленныхъ въ саду. Чичиковъ отправляется, по порученію генерала Бетрищева, къ родственникамъ его для извѣщенія о помолвкѣ дочери и ѣдетъ къ одному изъ этихъ родственниковъ—полковнику Кашкарову...»

Я могу указать... еще нѣсколько мотивовъ изъ послѣднихъ главъ 2-й части, о которыхъ г. Арнольди не упоминаетъ, но которые я слышалъ отъ Шевырева. Напр., въ то время, когда Тентетниковъ, пробужденный отъ своей апатіи вліяніемъ Улиньки, блаженствуетъ, будучи ея женихомъ, его арестовываютъ и отправляютъ въ Сибирь; этотъ арестъ имѣетъ связь съ тѣми сочиненіями, которыя онъ готовилъ о Россіи и съ дружбой съ недоучившимся студентомъ съ вреднымъ либеральнымъ направленіемъ. Оставляя деревню и прощаясь съ крестьянами, Тентетниковъ говоритъ имъ прощальное слово (которое, по словамъ Шевырева, было замѣчательное художественное произведеніе). Улинька слѣдуетъ за Тентетниковымъ въ Сибирь,—тамъ они вѣнчаются и проч. Вѣроятно, въ бумагахъ Шевырева сохранились какія-либо воспоминанія о слышанныхъ

имъ главахъ 2-го тома «М. Д.»; по крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстно, что онъ намѣренъ былъ припомнить содержаніе тѣхъ главъ, отъ которыхъ не осталось никакихъ слѣдовъ, и изложить ихъ вкратцѣ на бумагѣ.

35.

Изъ воспоминаній А. А. Стаховича [1]).

Близкій пріятель Гоголя, Бѣлинскаго, Грановскаго, Герцена, много интереснаго разсказывалъ о нихъ М. С. (Щепкинъ). Чтецъ онъ былъ превосходный и одинаково замѣчательный разсказчикъ. Анекдотъ во 2-й части «М. Д.» — «полюбите насъ черненькими» принадлежитъ ему.

36.

Изъ письма Ю. Ѳ. Самарина Гоголю [2]).

Впечатлѣніе, произведенное на Тентетникова его служебною дѣятельностью... не совсѣмъ вѣрно, именно потому, что самая эта дѣятельность представлена у васъ слишкомъ ничтожною и ограниченною.

37.

Письмо А. О. Смирновой Гоголю (1845) [3]).

Да увидимъ мы своими собственными глазами преображеніе вашихъ «М. Д.» въ живительный источникъ любви и силы для нашихъ собственныхъ мертвыхъ душъ.

38.

Изъ письма И. С. Аксакова А. О. Смирновой (1849) [4]).

Какъ благодаренъ я вамъ, что вы до сихъ поръ не совладѣли еще съ своею женскою слабостью — болтливостью, проболтались и разсказали мнѣ кое-что о 2-мъ томѣ «М. Д.», объ Улинькѣ, Хлобуевѣ, Чагравовой, Быстрицевѣ, Муразовѣ и Тентиничковѣ!.. Вы меня просто освѣжили этимъ извѣстіемъ.

---

[1]) Клочки воспоминаній, М., 1904, стр. 55.
[2]) «Русск. Старина», 1889, іюль, стр. 174—6.
[3]) Ib., іюнь, стр. 648 — 649.
[4]) «Русскій Архивъ», 1895, XII, 437.

39.

Изъ письма С. Т. Аксакова Гоголю (1849) [1].

Можетъ быть, вы хотѣли бы слышать отъ меня критическую оцѣнку, но я не могу этого сдѣлать. Я слушалъ съ такимъ волненіемъ, а сначала и съ предубѣжденіемъ, что подробности впечатлѣній скоро поглотились однимъ чувствомъ наслажденія. При томъ же я ничего не могу судить вѣрно о подробностяхъ, *слушая въ первый разъ:* мнѣ надобно прочесть своимъ глазомъ. Но вотъ что у меня осталось въ памяти. 1) Мнѣ показалось, что сначала какъ то трудно и тяжело выражались вы. 2) Мнѣ показался нѣсколько длиннымъ и натянутымъ разсказъ объ Александрѣ Петровичѣ. 3) Встрѣча въ деревнѣ крестьянами молодого барина какъ будто жидка и односторонняя. Но я не ручаюсь за вѣрность моихъ замѣчаній. Если вы захотите ихъ имѣть, то дайте мнѣ тетрадь въ руки. — Да подкрѣпитъ Богъ ваше здоровье и благословитъ окончательные труды ваши: ибо я считаю, что «М. Д.» написаны, и что теперь остается послѣдняя отдѣлка.

40.

Изъ воспоминаній Д. К. Малиновскаго [2].

Когда разговоръ заходилъ о «Мертвыхъ Душахъ» и о неизвѣстномъ мнѣ тогда второмъ томѣ, то Гоголь всегда говорилъ, что надѣется вывести въ немъ личности *крупнѣе* предшествующихъ.

41.

Изъ воспоминаній Г. П. Данилевскаго [3].

...Ко мнѣ подсѣлъ Иванъ Сергѣевичъ [4]. Сообщивъ ему о моемъ заѣздѣ съ Бодянскимъ [5] къ Гоголю, я спросилъ его, что слышно о второмъ томѣ «Мертвыхъ

---

[1] Исторія моего знакомства съ Гоголемъ, М., 1890, стр. 187.
[2] И. Малиновскій, знакомство Гоголя съ моимъ отцомъ, Зап. Общ. ист., филол. и права при Варшав. унив., I В., 1902, стр. 91.
[3] Знакомство съ Гоголемъ, Полное собраніе сочиненій, т. XV, Спб., 1901, стр. 101—102.
[4] Аксаковъ.
[5] Профессоръ Московскаго университета, славистъ.

Душъ», который всѣхъ тогда занималъ. И. С. Аксаковъ отвѣтилъ мнѣ, что въ началѣ октября [1]) Гоголь былъ у нихъ въ деревнѣ, Абрамцовѣ, подъ Сергіевской Лаврой, гдѣ читалъ отрывки изъ этого тома ихъ отцу и потомъ Шевыреву [2]). но взялъ съ нихъ обоихъ слово—не только никому не говорить о прочитанномъ, но даже не сообщать предмета, картинъ и именъ выведенныхъ имъ героевъ.—«Батюшка намъ передавалъ одно,—прибавилъ И. С., — что эта часть поэмы Гоголя, по содержанію, по обработкѣ языка и выпуклости характеровъ, показалась ему выше всего, что донынѣ написано Гоголемъ. Надо думать, что Чичиковъ, въ концѣ этой части, вѣроятно, попадетъ за новыя продѣлки въ ссылку въ Сибирь, такъ какъ Гоголь у насъ и у Шевырева взялъ много книгъ съ атласами и чертежами Сибири. Съ весны онъ затѣваетъ большое путешествіе по Россіи, — хочетъ на многое взглянуть самолично, собственными глазами, назвучаться русскими звуками, русскою рѣчью, и затѣмъ уже снова выступить на литературной сценѣ, со своими новыми образами. Все твердитъ: «Жизнь коротка, не успѣю»; встаетъ рано, съ утра берется за перо и весь день работаетъ; ночью, въ одиннадцать часовъ, уже въ постелѣ. «Мы видѣли у него груду исписанныхъ бумагъ», сказалъ я. — «Онъ мараетъ цѣлыя дести,—сказалъ И. С. Аксаковъ,—передѣлываетъ, пишетъ и опять обрабатываетъ; какъ живописецъ съ кистью, то подойдетъ и смотритъ вблизи, то отходитъ и вглядывается, не бросается ли какая-либо частность слишкомъ рѣзко въ глаза»... Подошелъ старикъ Аксаковъ. Онъ передалъ, что Гоголь все ждетъ отъ него живыхъ «птицъ», говоря, что и свои «души» онъ постарается сдѣлать столь же живыми... Спѣли какую то украинскую пѣсню даже общимъ хоромъ. Кто то въ разговорѣ, которымъ прерывалось пѣніе, сказалъ, что кучеръ Чичикова, Селифанъ, участвующій, по слухамъ, во второмъ томѣ «М. Д.», въ сельскомъ хороводѣ, вѣроятно, пѣлъ и только что исполненную пѣсню. Гоголь, взглянувъ на В. С. Аксакову [3]), отвѣтилъ съ улыбкой, что несомнѣнно Селифанъ пѣлъ и

[1]) 1851 г.

[2]) Профессоръ Моск. университета, извѣстный историкъ русской литературы, критикъ и поэтъ, пріятель Гоголя.

[3]) Дочь С. Т., пѣвшая передъ тѣмъ «Чоботы».

«Чоботы»[1]), и даже при этомъ лично показалъ, какъ Селифанъ высоко-деликатными кучерскими движеніями, вывертомъ плеча и головы долженъ былъ дополнять среди сельскихъ красавицъ свое «заливисто-фистульное» пѣніе.

42.

Изъ воспоминаній С. Т. Аксакова[2]).

а)

«...18-го вечеромъ[3]) Гоголь, сидя на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, вдругъ сказалъ: «Да не прочесть ли намъ главу «Мертвыхъ Душъ»? Мы были озадачены его словами и подумали, что онъ говоритъ о первомъ томѣ «Мертвыхъ Душъ». Сынъ мой Константинъ даже всталъ, чтобъ принести ихъ съ верху изъ своей библіотеки, но Гоголь удержалъ его за рукавъ и сказалъ:

— Нѣтъ, ужъ я вамъ прочту изъ второго.

И съ этими словами вытащилъ изъ своего огромнаго кармана большую тетрадь.

Не могу выразить, что сдѣлалось со всѣми нами. Я былъ совершенно уничтоженъ. Не радость, а страхъ, что я услышу что-нибудь недостойное прежняго Гоголя, такъ смутилъ меня, что я совсѣмъ растерялся. Гоголь былъ самъ сконфуженъ. Ту же минуту всѣ мы придвинулись къ столу, и Гоголь прочелъ первую главу второго тома «Мертвыхъ Душъ». Съ первыхъ страницъ я видѣлъ, что талантъ Гоголя не погибъ, — и пришелъ въ совершенный восторгъ. Чтеніе продолжалось часъ съ четвертью. Гоголь нѣсколько усталъ и, осыпаемый нашими искренними и радостными привѣтствіями, скоро ушелъ наверхъ, въ свою комнату, потому что уже прошелъ часъ, въ который онъ обыкновенно ложился спать, т.-е. 11 часовъ.

Тутъ только мы догадались, что Гоголь съ перваго дня имѣлъ намѣреніе прочесть намъ первую главу изъ второго тома «Мертвыхъ Душъ», которая одна, по его словамъ, была отдѣлана, и ждалъ отъ насъ только ка-

---

[1]) Популярная малорусская народная пѣсня.
[2]) «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ» стр. 186.
[3]) Августа 1849 года, въ Абрамцевѣ, имѣніи Аксаковыхъ.

кого-нибудь вызывающаго слова. Тутъ только припомнили мы, что Гоголь много разъ опускалъ руку въ карманъ, какъ бы хотѣлъ что то вытащить, но вынималъ пустую руку».

b)

«Въ генварѣ 1850 года Гоголь прочелъ намъ въ другой разъ первую главу «Мертвыхъ Душъ». Мы были поражены удивленіемъ: глава показалась намъ еще лучше и какъ будто написана вновь. Гоголь былъ очень доволенъ такимъ впечатлѣніемъ и сказалъ:

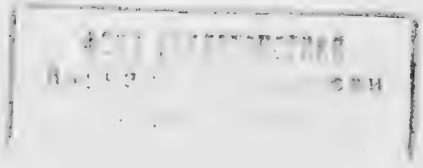
Вотъ что значитъ, когда живописецъ дастъ послѣдній тушъ своей картинѣ. Поправки, повидимому, самыя ничтожныя: тамъ одно слово убавлено, здѣсь прибавлено, а тутъ переставлено — и все выходитъ другое. Тогда надо напечатать, когда всѣ главы будутъ такъ отдѣланы».

Оказалось, что онъ воспользовался всѣми сдѣланными ему замѣчаніями.

Января 19-го Гоголь прочелъ намъ вторую главу второго тома «Мертвыхъ Душъ», которая была довольно отдѣлана и не уступала первой въ достоинствѣ; а до отъѣзда своего въ Малороссію онъ прочелъ третью и четвертую главы» [1]).

[1]) Стр. 188.

ПИСЬМА ГОГОЛЯ.



1. Къ родителямъ.

Дражайшіе родители, папенька и маменька!

Скрипку и другія присланныя вами мнѣ вещи исправно получилъ. Но вы еще писали, что присылаете мнѣ деньги на смычокъ, которыхъ я не получилъ и не могу до сихъ поръ узнать, почему онѣ не дошли ко мнѣ: или вы забыли, или что-нибудь другое.

Извините, что я вамъ не посылаю картинъ. Вы, видно, не поняли, что̀ я вамъ говорилъ: потому что эти картины, которыя я вамъ хочу послать, были рисованы пастельными карандашами и не могутъ никакъ дня пробыть, чтобъ не потереться, ежели сейчасъ не вставить въ рамки; и для того прошу васъ и повторяю прислать мнѣ рамки такой величины, какъ я вамъ писалъ, т.-е. двѣ такихъ, которыя бы имѣли $^3/_4$ аршина въ длину и $^1/_2$ аршина въ ширину, а одну такую, которая бы имѣла $1^1/_4$ длины и $^3/_4$ ширины, да еще маленькихъ двѣ $^1/_4$ и 2 вершка длины и $^1/_4$ ширины.

Посылаю вамъ при семъ «Вѣстникъ Европы» въ цѣлости и прошу покорнѣйше прислать мнѣ комедіи, какъ то: «Бѣдность и Благородство Души», «Ненависть къ людямъ и раскаяніе» [1]), «Богатоновъ, или Провинціалъ въ Столицѣ» [2]), и еще ежели какихъ можно прислать другихъ, за что̀ я вамъ очень буду благодаренъ и возвращу въ цѣлости.

---

[1]) Коцебу.
[2]) Загоскина.

Также ежели можете, то пришлите мнѣ полотна и другихъ пособій для театра. Первая піеса у насъ будетъ представлена «Эдипъ въ Аѳинахъ», трагедія Озерова. Я думаю, дражайшій папенька, вы не откажете мнѣ въ удовольствіи семъ и прислать нужныя пособія. Такъ, ежели можно, прислать и сдѣлать нѣсколько костюмовъ, — сколько можно, даже хоть и одинъ, но лучше, ежелибы побольше; также хоть немного денегъ. Сдѣлайте только милость, не откажите мнѣ въ этой просьбѣ. Каждый изъ насъ уже пожертвовалъ, что̀ могъ, а я еще только... Какъ же я сыграю свою роль, о томъ я васъ извѣщу.

Увѣдомляю васъ, что я учусь хорошо, по крайней мѣрѣ, сколько дозволяютъ силы. Вы пишете, что я васъ не извѣщаю о томъ, что̀ у насъ дѣлается и случается со мною. Позвольте мнѣ вамъ сказать, что мнѣ бы самому очень бы было любопытно знать, что̀ дѣлается какъ съ вами, такъ и съ посторонними лицами. Напримѣръ, къ величайшему моему сожалѣнію, узналъ я о смерти Василія Васильевича Капниста [1]; но вы мнѣ объ этомъ ничего не сказали, какъ будто бы я еще о сю пору ребенокъ и еще не въ совершенныхъ лѣтахъ, и будто бы на меня ничего нельзя положиться.

Я думаю, дражайшій папенька, ежелибы меня увидѣли, то точно бы сказали, что я перемѣнился, какъ въ нравственности, такъ и успѣхахъ. Ежелибы вы увидѣли, какъ я теперь рисую! (Я говорю о себѣ безъ всякаго самолюбія).

Машеньку вы отдали въ пансіонъ, или нѣтъ? Что̀ дѣлаетъ Анненька и Лизанька? [2] Надѣюсь, что вы на это мнѣ дадите отвѣтъ...

1824 года, января 22-го числа. Нѣжинъ.

[1] Василій Васильевичъ Капнистъ — авторъ «Ябеды», знакомый родителей Гоголя, скончался 28 октября 1823 г.
[2] Сестры Гоголя.

2. Къ матери.

1825 года, апрѣля 23-го дня. Нѣжинъ.

Не безпокойтесь, дражайшая маменька! Я сей ударъ [1]) перенесъ съ твердостію истиннаго христіанина. Правда, я сперва былъ пораженъ ужасно симъ извѣстіемъ; однакожъ не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ. Оставшись же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія. Хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою, но Богъ удержалъ меня отъ сего; и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая, наконецъ, превратилась въ легкую, едва примѣтную меланхолію, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему.

Благословляю тебя, священная вѣра! Въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей горести. Такъ, дражайшая маменька, я теперь спокоенъ, хотя не могу быть счастливъ, лишившись лучшаго отца, вѣрнѣйшаго друга, всего драгоцѣннаго моему сердцу. Но развѣ не осталось ничего, что̀ бъ меня привязывало къ жизни? развѣ я не имѣю еще чувствительной, нѣжной, добродѣтельной матери, которая можетъ мнѣ замѣнить и отца, и друга, и всего, что̀ есть милѣе, что̀ есть драгоцѣннѣе?

Такъ, я имѣю васъ и еще не оставленъ судьбою. Вы однѣ теперь предметомъ моей привязанности, однѣ, которыя можете утѣшить печальнаго, успокоить горестнаго. Вамъ посвящаю всю жизнь свою. Буду услаждать ваши каждыя минуты. Сдѣлаю все то, что̀ можетъ сдѣлать чувствительный, благородный сынъ. Ахъ, меня безпокоитъ болѣе всего ваша горесть! Сдѣлайте милость, уменьшите ее, сколько возможно, такъ, какъ я уменьшилъ свою. Прибѣгните такъ, какъ я прибѣгнулъ, къ Всемогущему... Зачѣмъ я теперь не съ вами?

[1]) Смерть отца.

вы бы были утѣшены. Но чрезъ полтора мѣсяца каникулы — и я съ вами! До тѣхъ поръ уменьшите хоть немного свою печаль. Не забудьте, что съ вашимъ благополучіемъ соединено благополучіе и вашего сына,

который съ почтеніемъ и нѣжною любовью къ вамъ пребываетъ...

Ник. Г.-Ян.

3. Г. И. Высоцкому [1]).

1827 года, генваря 17-го. Нѣжинъ.

Теперь только пріѣхалъ я изъ дому, гдѣ былъ всѣ праздники, и сегодня только получилъ твою записку отъ Шаполинскаго [2]). Извини меня, безцѣнный другъ, что я такъ неблагодарно отплатилъ за твое дружеское расположеніе: на письмо твое не отвѣчалъ ни слова. Я знаю, что ты, зная меня, не подумаешь, чтобы это произошло отъ какого-либо небреженія, или холодности: нѣтъ, другъ! По крайней мѣрѣ, позволь сказать, что ни къ кому сердце мое не привязывалось, какъ къ тебѣ. Съ первоначальнаго нашего здѣсь пребыванія, уже мы поняли другъ друга, а глупости людскія уже рано сроднили насъ; вмѣстѣ мы осмѣивали ихъ и вмѣстѣ обдумывали планъ будущей нашей жизни. Половина нашихъ думъ сбылась: ты ужъ на мѣстѣ, уже имѣешь сладкую увѣренность, что существованіе твое не ничтожно, что тебя замѣтятъ, оцѣнятъ, а я... зачѣмъ намъ такъ хочется скоро видѣть наше счастіе? зачѣмъ намъ дано нетерпѣніе? мысль о немъ и днемъ и ночью мучитъ, тревожитъ мое сердце: душа моя хочетъ вырваться изъ тѣсной своей обители, и я весь нетерпѣнье. Ты живешь уже въ Петербургѣ, уже весе-

---

[1]) Старшій товарищъ Гоголя по Нѣжинской гимназіи, переѣхавшій на службу въ Петербургъ.

[2]) Исправлялъ тогда обязанности директора.

лишься жизнью, жадно торопишься пить наслажденія, а мнѣ еще не ближе полутора года видѣть тебя, и эти полтора года длятся для меня нескончаемымъ вѣкомъ... Много принесло мнѣ удовольствія письмо твое; жадно перечитывалъ я тобою писанное, ловилъ слова, и мнѣ казалось, будто я слышу изъ устъ твоихъ. И послѣ всего этого, послѣ всей радости, которую ты прислалъ ко мнѣ съ письмомъ, я ни слова не сказалъ тебѣ. Какая неблагодарность чернѣе этой? Но еще разъ прошу тебя, не вини меня: ты знаешь мою опломность, которую теперь уже оставилъ и принялъ твердое намѣреніе писать нарочно побольше писемъ въ разныя мѣста, чтобы тѣмъ пріучить себя къ исправности. Сдѣлай милость, Г. Ив., для нашей старой привязанности, для нашей дружбы не забудь меня, — пиши ко мнѣ разъ въ мѣсяцъ. Съ этой поры никогда письмо твое не будетъ оставлено безъ отвѣта.

Пиши мнѣ объ своей жизни, о своихъ занятіяхъ, удовольствіяхъ, знакомствахъ, службѣ и обо всемъ, что только напоминаетъ прелесть жизни петербургской. Это одно для меня развѣетъ горечь моего заточенія, сблизитъ урочное время и покажетъ мнѣ тебя въ твоемъ быту. Я знаю, что не оставишь меня, и уже съ восхищеніемъ въ мечтахъ читаю письмо, забывая и мѣстопребываніе свое и весь міръ, выключая тебя съ Петербургомъ.

Я здѣсь совершенно одинъ; почти всѣ оставили меня: не могу безъ сожалѣнія и вспомнить о вашемъ классѣ. Много и изъ моихъ товарищей удалилось...[1]) Изъ старыхъ никого нѣтъ. Насъ теперь весьма мало; но мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ: я совершенно позабылъ всѣхъ. Изрѣдка только здѣшнія происшествія трогаютъ меня; впрочемъ, я весь съ тобою въ столицѣ...[2])

---

[1]), [2]) Опущены подробности о гимназическихъ порядкахъ и новостяхъ.

...Каково теперь у васъ? Какъ то будете веселиться на масленицѣ? Ты мнѣ мало сказалъ про театръ, какъ онъ устроенъ, какъ отдѣланъ. Я думаю, ты дня не пропускаешь, — всякій вечеръ тамъ. Чья музыка?

Что тебѣ сказать о нашихъ новостяхъ? здѣсь ихъ совершенно нѣтъ. Писать тебѣ про пансіонъ? онъ у насъ въ самомъ лучшемъ, самомъ благородномъ состояніи, и всѣмъ этимъ мы одолжены нашему инспектору Бѣлоусову. Къ масленицѣ затѣваютъ театръ. Дураки все такъ же глупы... [1])

4. Ему же.

1827-й годъ мартъ 19-е число. Нѣжинъ.

Какъ ты все-таки любишь меня, добрый, безцѣнный другъ! Ты оторвалъ часть времени тебѣ драгоцѣннаго, чтобы порадовать того, который кипитъ неизъяснимою, жаркою къ тебѣ привязанностью. Твое письмо блеснуло для меня звѣздою радости. — Изъ стороны чуждой льдистаго сѣвера, но гдѣ такъ же, какъ и здѣсь, воображеніе грѣетъ насъ (гдѣ уже осуществилась (въ мечтѣ) жизнь будущая для меня), мнѣ казалось, я услышалъ родные звуки сердца, меня понимающаго — это было письмо твое.

Много времени кануло со дня нашего разрозненія; лѣта кипучаго возраста охлаждались безпрерывно измѣнчивою невѣрностью счастья настоящаго. Я холодѣлъ постепенно и разучался принимать жарко къ себѣ все сбывающееся. Безъ радости и безъ горя, въ глубокомъ раздумьи, стоялъ я надъ дорогою жизни, безмолвно обсматривая будущее. — Съ минутъ твоего выбытія въ душѣ моей залегла пустота, какое то безжизненное чувство. — И вотъ ты меня высвободилъ изъ моего мерт-

[1]) Опущены подробности о гимназическихъ порядкахъ и новостяхъ.

ваго усыпленія. Я теперь все тотъ же, какъ прежде: веселый, преданный тебѣ, съ виду холодный, но въ сердцѣ пламенный къ чувствамъ дружбы.

Часто среди занятій—удовольствіе: (они иногда посѣщаютъ и не совсѣмъ забыли записного ихъ поклонника) мысленно перескакиваю въ Петербургъ, сижу съ тобою въ комнатѣ, брожу по бульварамъ, любуясь Невою, моремъ. Короче, *я* дѣлаюсь *ты*. — Часто, говорю, среди самыхъ удовольствій я впадаю въ странное забытіе; вспоминаю о тебѣ, и скрытая горечь ярко проскакиваетъ на лицѣ и освѣщаетъ его печальное движеніе, несмотря, что въ пансіонѣ у насъ теперь весело...[1]) Масленую мы провели прекрасно. — Четыре дня сряду былъ у насъ театръ; играли превосходно всѣ. — Всѣ бывшіе изъ посѣтителей, людей бывалыхъ, говорили, что не на одномъ провинціальномъ театрѣ не удавалось видѣть такого прекраснаго спектакля...[1]) Піесы, представленныя нами, были слѣдующія: «Недоросль», соч. фонъ-Визина, «Неудачный примиритель», комедія Я. Княжнина, «Береговое право» Коцебу, и въ добавокъ еще одну французскую, соч. Флоріана, и еще не насытились: къ свѣтлому празднику заготовляемъ еще нѣсколько піесъ. Эти занятія, однакожъ, много развлекли меня, и я почти позабылъ все грустное, но надолго ли? пришелъ постъ, а съ нимъ убійственная тоска. Никакихъ совершенно новостей, ничего любопытнаго вовсе не случалось [1]).

...Объ себѣ скажу, что я пролежалъ цѣлую недѣлю больнымъ, и былъ боленъ весьма опасно, даже отчаивался объ выздоровленіи и теперь только начинаю учиться ходить, падаю отъ слабости... [1])

...Изъ всѣхъ друзей моихъ ты одинъ не измѣнилъ мнѣ; это меня утѣшаетъ болѣе всего; я теперь счастливъ. Объ одномъ только молю я Бога, объ одномъ

[1]) Пропущены мало интересныя подробности гимназической жизни.

думаю: чтобы скорѣе намъ сблизиться. Кстати, ты еще о многомъ чемъ не извѣстилъ меня касательно жизни петербургской: каковы тамъ цѣны, въ чемъ именно дороговизна? все это съ нетерпѣніемъ хочу я узнать и заранѣе сообразоваться съ своими предположеніями. Каковы тамъ квартиры? что нужно платить въ годъ за двѣ или три хорошенькія комнаты? въ какой части города дороже? что стоитъ въ годъ протопленіе ихъ? и проч. и проч. Да, и позабылъ было совсѣмъ, какъ значительны жалованья и сколько ты получаешь? сколько часовъ ты бываешь въ присутствіи и когда возвращаешься домой? — Извини, что я тебя забрасываю кучею вопросовъ: мнѣ ужасно какъ хочется скорѣе узнать все, а до того времени не забудь стараго твоего друга, который всегда, во всѣ времена, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бы ни былъ, вездѣ живетъ духомъ съ тобою и только возлѣ тебя находитъ отдохновеніе. По крайней мѣрѣ, люби меня такъ, какъ я тебя. Этого съ меня довольно! Твой другъ Н. Гоголь.

5. Ему же.

1827 годъ, м. іюнь, число 26. Нѣжинъ.

Пишу къ тебѣ таки изъ Нѣжина. Не думай, чтобы экзаменъ могъ мнѣ помѣшать писать къ тебѣ. Письмами твоими я уже болѣе сблизился съ тобою, и потому буду безпрестанно надоѣдать. Мнѣ представляется, что ты сидишь возлѣ меня, что я имѣю право поминутно тебя разспрашивать. Милый Герас. Иван., знаю привязанность твою: она вылилась вся въ письмѣ твоемъ. Она, кажется, растетъ между нами болѣе и болѣе, и утверждается нашею разлукою. Люблю тебя еще болѣе, чѣмъ прежде, и спѣшу соединиться съ тобою, хотя ты меня ужаснулъ чудовищами великихъ препятствій. Но они безсильны; или — странное свойство человѣка! — чѣмъ болѣе трудностей, чѣмъ болѣе преградъ, тѣмъ

болѣе онъ летитъ туда. Вмѣсто того, чтобы остановить меня, они еще болѣе разожгли во мнѣ желаніе. Меня восхищаетъ, когда я подумаю, что тамъ есть кому ждать меня, есть кому встрѣтить роднымъ привѣтствіемъ и облеснуть лицо свѣтлою радостью. Означились мнѣ на сердцѣ также и друзья-пріятели твои. Я не знаю ихъ, никогда не видалъ, но они друзья тебѣ, и я ихъ такъ же люблю, какъ и ты. Зачѣмъ ты не напменилъ ни одного изъ нихъ? Хотя имя не опредѣлитъ человѣка, не ознакомитъ съ нимъ, однако я все бы могъ изъ письма твоего узнать ихъ характеръ, свойство, съ кѣмъ ты болѣе друженъ, — особливо, когда они будутъ дѣйствующими лицами въ твоихъ письмахъ, чего мнѣ непремѣнно хочется. Уединясь совершенно отъ всѣхъ, не находя здѣсь ни одного, съ кѣмъ бы могъ слить долговременныя думы свои, кому бы могъ вывѣрить мышленія свои, я оспротѣлъ и сдѣлался чужимъ въ пустомъ Нѣжинѣ. Я иноземецъ, забредшій на чужбину искать того, что только находится въ одной родинѣ, и тайны, вырывающіяся на лицѣ, жадныя откровенія, печально опускаются въ глубь его, гдѣ такое же мертвое безмолвіе. Въ такомъ случаѣ я желаю знать тебя въ кругу своихъ друзей, гдѣ не скрываешься и гдѣ ваши занятія всегда радостны; хочу даже, чтобы ты писалъ мнѣ ваши разговоры и цѣлыя происшествія замѣчательнаго дня. Можетъ быть, я требую многаго; но ты не откажешь въ этомъ тому, у котораго, кромѣ тебя, почти ничего не осталось и который только этимъ и бываетъ веселъ. И точно: я ничего теперь такъ не ожидаю, какъ твоихъ писемъ. Они — моя радость въ скучномъ уединеніи. Нѣсколько только я разгоняю его чтеніемъ новыхъ книгъ, для которыхъ берегу деньги, не составляющія для меня ничего, кромѣ ихъ, и выписываніе ихъ составляетъ одно мое занятіе и одну мою корреспонденцію. Никогда еще экзаменъ для меня не былъ такъ несносенъ, какъ теперь. Я совершенно весь истомленъ, чуть движусь. Не знаю,

что будетъ со мною далѣе. Только я и надѣюсь, что поѣздкою домой обновлю немного свои силы. Какъ чувствительно приближеніе выпуска, а съ нимъ и благодатной свободы! Не знаю, какъ то на слѣдующій годъ я перенесу это время!.. Какъ тяжко быть зарыту вмѣстѣ съ созданьями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое! Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ, населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться... Изъ нихъ не исключаются и дорогіе наставники наши. Только между товарищами, и то немногими, нахожу иногда, кому бы сказать что-нибудь. Ты теперь въ зеркалѣ видишь меня. Пожалѣй обо мнѣ! Можетъ быть, слеза соучастія, отдавшаяся въ твоихъ глазахъ, послышится и мнѣ.

Ты уже и успѣлъ дать за меня слово объ моемъ согласіи на ваше намѣреніе отправиться за границу. Смотри только впередъ не раскаяться! Можетъ быть, мнѣ жизнь петербургская такъ понравится, что я и поколеблюсь, и вспомню поговорку: «Не ищи того за моремъ, что̀ сыщешь ближе». Но уже такъ и быть; ты далъ слово — нужно мнѣ спустить твоей опрометчивости. Только когда это еще будетъ? Еще годъ мнѣ нужно здѣсь да годъ, думаю, въ Петербургѣ; но, впрочемъ, я безъ тебя не останусь въ немъ: куда ты, туда и я. Только будто ли меня ожидаютъ? Меня это ужасть (sic) какъ приближаетъ къ Петербургу, — тѣмъ болѣе что я внесенъ уже въ вашъ кругъ. Мое имя, я думаю, поминается между вами, и, можетъ быть, по какому то тайному сочувствію, кто-нибудь изъ друзей твоихъ наименитъ меня, какъ ихъ друга, предугадывая, что онъ также добръ».

Далѣе Н. В. сообщаетъ всякія новости и перемѣны въ жизни лицея со свойственнымъ ему юмористическимъ оттѣнкомъ и потомъ прибавляетъ:

...«Но, я думаю, надоѣлъ тебѣ пустяками. Читая письмо мое, я думаю, ты почесываешь голову и частенько поглядываешь на часы, какъ на свидѣтелей теряемаго времени. Но неужели мы должны вѣкъ серьезничать, — и отчего же изрѣдка не быть творителями пустяковъ, когда ими пестрится жизнь наша? Признаюсь, мнѣ наскучило горевать здѣсь, и, не могши ни съ кѣмъ развеселиться, мысли мои изливаются на письмѣ и, забывшись отъ радости, что есть съ кѣмъ поговорить, прогнавъ горе, садятся нестройными толпами, въ видѣ буквъ, на бумагу, и въ это время — вообрази! — я на какую мысль набрелъ! Уже ставлю мысленно себя въ Петербургѣ, въ той веселой комнаткѣ, окнами на Неву, такъ какъ я всегда думалъ найти себѣ такое мѣсто. Не знаю, сбудутся ли мои предположенія, буду ли я точно живать въ этакомъ райскомъ мѣстѣ, или неумолимое веретено судьбы зашвырнетъ меня съ толпою самодовольной черни (мысль ужасная!) въ самую глушь ничтожности, отведетъ мнѣ черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ.

Но покуда еще неизвѣстно намъ предопредѣленіе судьбы, ужели нельзя помечтать о будущемъ? Этимъ богатствомъ я всегда буду надѣленъ. Оно не оставитъ меня во все дленіе жизни. Но слушай: будто ты сидишь у меня, будто говоримъ мы долго, будто смѣемся, и — вѣришь ли? — будто забывшись, перо выпадало разъ двадцать на бумагу, разрушало мечтательныя думы и съ досады зачеркивало ничего ему не сдѣлавшія слова. Ахъ, какъ въ это время хотѣлось бы мнѣ обнять тебя, увидѣть тебя! Не знаю, можетъ ли что удержать меня ѣхать въ Петербургъ, хотя ты порядкомъ пугнулъ и пристращалъ меня необыкновенною дороговизною, особливо съѣстныхъ припасовъ. Болѣе всего удивило меня, что самые пустяки такъ дороги, какъ то: манишки, платки, косынки и другія бездѣлушки. У насъ, въ доброй нашей Малороссіи, ужаснулись такихъ цѣнъ и

убоялись, сравнивъ суровый климатъ вашъ, который еще нужно покупать необыкновенною дороговизною, и благословенный малороссійскій, который достается почти даромъ; а потому многіе изъ самыхъ жаркихъ желателей уже навостряютъ лыжи обратно въ скромность своихъ недальныхъ чувствъ и удовольнились ничтожностью, почти вѣчною. Хорошо, ежели они обратятъ свои дѣла для пользы человѣчества. Хотя въ самой неизвѣстности пропадутъ ихъ имена, но благодѣтельныя намѣренія и дѣла освятятся благоговѣніемъ потомковъ...

Какое теперь ужасное у насъ плодородіе, ты не повѣришь, — особливо фруктовъ! Деревья гнутся, ломятся отъ тяжести. Не знаемъ, дѣвать куда. Я воображаю объ необыкновенной роскоши, которою я буду пресыщаться, пріѣхавши домой. Уже два дни экипажъ стоитъ за мною. Съ нетерпѣніемъ лечу освѣжиться, ожить отъ мертваго усыпленія годичнаго въ Нѣжинѣ, отъ ядовитаго истомленія, вслѣдствіе нетерпѣнія и скуки. Возвратясь, начну живѣе и спокойнѣе носить иго школьнаго педантизма, пока уроченное время, со всѣми своими мучительными ожиданіями и нетерпѣніемъ, не предстанетъ снова истомленному. Какая у насъ засуха! болѣе полтора мѣсяца не шли дожди. Не знаю, что будетъ далѣе. Лѣто вдругъ у насъ перемѣнилось: сдѣлалось вдругъ такъ холодно, что даже принуждены мерзнуть, особливо по утрамъ. Весна была нестерпимо жарка.

Позволь еще тебя, единственный другъ Герас. Иван., попросить объ одномъ дѣлѣ... надѣюсь, что ты не откажешь... а именно: нельзя ли заказать у васъ въ Петербургѣ портному самому лучшему фракъ для меня? Мѣрку можетъ снять съ тебя, потому что мы одинаковаго роста и плотности съ тобой. А ежели ты разжирѣлъ, то можешь сказать, чтобы немного уже. Но объ этомъ послѣ, а теперь — главное — узнай, что стоитъ пошитье самое отличное фрака по послѣдней модѣ, и цѣну

выставь въ письмѣ, чтобы я могъ знать, сколько нужно посылать тебѣ денегъ. А сукно то, я думаю, здѣсь купить, оттого что ты говоришь — въ Петербургѣ дорого. Сдѣлай милость, извѣсти меня, какъ можно поскорѣе, и я уже приготовлю все такъ, чтобы, по полученіи письма твоего, сейчасъ все тебѣ и отправить, потому что мнѣ хочется ужасно какъ, чтобы къ послѣднимъ числамъ, или къ первому ноября я уже получилъ фракъ готовый. Напиши, пожалуйста, какія модныя матеріи у васъ на жилеты, на панталоны, выставь ихъ цѣны и цѣну за пошитье. Извини, драгоцѣнный другъ, что я тебя затрудняю такъ. Я знаю, что ты ни въ чемъ не откажешь мнѣ, и для того надѣюсь получить самый скорый отъ тебя отвѣтъ и увѣдомленіе. Какъ ты обяжешь только меня этимъ! Какой то у васъ модный цвѣтъ на фраки? Мнѣ очень бы хотѣлось сдѣлать себѣ синій съ металлическими пуговицами; а черныхъ фраковъ у меня много, и они мнѣ такъ надоѣли, что смотрѣть на нихъ не хочется. Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя отвѣта, милый, единственный, безцѣнный другъ.

Письмо мое началъ укоризнами унынія и при концѣ развеселился. Тебѣ хочется знать причину? вотъ она: я началъ его въ Нѣжинѣ, а кончаю дома, въ своемъ владѣніи, гдѣ окруженъ почти съ утра до вечера веселіемъ. Желаю тебѣ вполнѣ имъ наслаждаться, и чтобы никогда минута горести не отравляла часовъ твоей радости. А я до гроба твой — неизмѣнный, вѣрный, всегда тебя любящій, Николай Гоголь.

6. П. П. Косяровскому [1]).

Нѣжинъ. — 3-го октября 1827 г.

Безцѣннѣйшій отвѣтъ вашъ на мое письмо я получилъ. Не знаю, чѣмъ возблагодарить вамъ, почтеннѣйшій дяденька Петръ Петровичъ. Между теперешними

[1]) Любимый дядя И. В.

вашими заботами и недосугами, вы таки находите время писать ко мнѣ; это наполняетъ меня сладкою увѣренностью, что вы меня любите (можетъ быть, я сказалъ много), что, по крайней мѣрѣ, приверженность моя къ вамъ не несносна, и я сохраню ее всегда, хотя разрозненіе наше едва ли когда можетъ соединиться. Неизвѣстность вашей участи для васъ, можетъ быть, такъ темна, какъ и моей для меня. Къ тому времени, когда я возвращусь домой, можетъ быть, вашъ полкъ выступитъ, Богъ знаетъ куда, а меня судьба загонитъ въ Петербургъ, откуда наврядъ ли залучу когда-либо въ Малороссію. Да, можетъ быть, мнѣ цѣлый вѣкъ достанется отжить въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, такую цѣль начерталъ я уже издавна. Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія, я пламенѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я кипѣлъ принести хотя малѣйшую пользу. Тревожныя мысли, что я не буду мочь, что мнѣ преградятъ дорогу, что не дадутъ возможности принесть ему малѣйшую пользу, бросали меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ при мысли, что, можетъ быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ — быть въ мірѣ и не означить своего существованія — это было для меня ужасно. Я перебиралъ въ умѣ всѣ состоянія, всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ — на юстиціи. Я видѣлъ, что здѣсь работы будетъ болѣе всего, что здѣсь только я могу быть благодѣяніемъ, здѣсь только буду истинно полезенъ для человѣчества. Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастіе, болѣе всего разрывало мое сердце. Я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утерять, не сдѣлавъ блага. Два года занимался я постоянно изученіемъ правъ другихъ народовъ и естественныхъ, какъ основныхъ для всѣхъ законовъ; теперь занимаюсь отечествен-

ными. Исполнятся ли высокія мои начертанія? или неизвѣстность зароетъ ихъ въ мрачной тучѣ своей? Въ эти годы, эти долговременныя думы свои я затаилъ въ себѣ. Недовѣрчивый ни къ кому, скрытный, я никому не повѣрялъ своихъ тайныхъ помышленій, не дѣлалъ ничего, что бы могло выявить глубь души моей. Да и кому бы я повѣрилъ и для чего бы высказалъ себя? не для того ли, чтобы смѣялись надъ моимъ сумасбродствомъ, чтобы считали пылкимъ мечтателемъ, пустымъ человѣкомъ. Никому, и даже изъ своихъ товарищей, я не открывался, хотя между ними было много истинно достойныхъ. Я не знаю, почему я проговорился теперь передъ вами, оттого ли, что вы, можетъ быть, принимали во мнѣ болѣе другихъ участія или по связи близкаго родства, этого я не скажу: что то непонятное двигало перомъ моимъ, какая то невидимая сила натолкнула меня, предчувствіе вошло въ грудь мою, что вы не почтете ничтожнымъ мечтателемъ того, который около трехъ лѣтъ неуклонно держится одной цѣли, и котораго насмѣшки, намеки болѣе заставятъ укрѣпнуть (sic) въ предположенномъ начертаніи. Ежели же вы и не поучаствуете во мнѣ, по крайней мѣрѣ, вы затаите мое письмо, такъ же, какъ я затаилъ въ себѣ одномъ свои упрямыя предначертанія. Доказательствомъ сему можетъ? [1]) во все время бытія моего съ вами, я ни разу не давалъ себя узнать, занимался игрушками и никогда почти не заводилъ рѣчь о выборѣ будущей своей службы, о моихъ планахъ и проч. Даже маменька, которая хотѣла узнать мой образъ мыслей, еще не можетъ сказать навѣрно, куда я хочу; причинъ еще нѣкоторыхъ я не хочу сказать теперь; впрочемъ, это только для одного меня можетъ только (sic) быть занимательно. Прошу васъ, безцѣннѣйшій Петръ Петровичъ, не оставлять того, который къ вамъ привязанъ болѣе, нежели

---

[1]) Слово неразборчивое.

ко всѣмъ на свѣтѣ, который вамъ вывѣрилъ совершенно себя. Вы, думаю, будете иногда писать ко мнѣ, я знаю, что вы не почтете этого въ тягость, хотя рѣдко, хотя черезъ нѣсколько мѣсяцевъ разъ. Но не досадно ли? я не могу больше писать къ вамъ. Совершенно истомился весь. 12 часовъ проиграло, а я еще не написалъ къ сестрѣ. Прощайте, милый, безцѣнный дяденька Петръ Петровичъ, можетъ быть, до другой почты.

Н. Гоголь-Яновскій.

7. Ему же.

Сентября 8-го 1828 г.

Извините, почтеннѣйшій Петръ Петровичъ, что я не писалъ къ вамъ: я не зналъ, что и мое письмо будетъ служить вамъ не лишнимъ; я всегда думалъ: не нужно тамъ тратить словъ, гдѣ нужны дѣла. Что же буду писать къ вамъ? Еслибы мое письмо хотя на мигъ заставило васъ позабыть вашу скуку, тогда бы я былъ счастливъ, я бы не потратилъ тогда словъ даромъ. Теперь у насъ ярмарка, и хотя его высокопревос(ходительство) [1] не благоволилъ пріѣхать, но мы провели время все-таки недурно, безпрестанно разъѣзжали по ярмаркѣ и разорялися въ пухъ... я одинъ промоталъ пару цѣлковыхъ, но она выгоднѣе всего была нашимъ людямъ, потому что всѣ покупки шли имъ. Въ Ярескахъ [2] я уже не помню, когда былъ. Недавно только воротился изъ Кременчуга, гдѣ также была ярмарка и гдѣ болѣе всего я промотался на вина и на закуски [3]; но какъ теперь яресковскихъ гостей не было,

---

[1]) Д. П. Трощинскій.

[2]) Имѣніе Трощинскихъ, сосѣднее съ Васильевкой.

[3]) М. И. Гоголь писала П. П. Косяровскому: «Никоша мой возвратился изъ Кременчуга и навезъ всего для угощенія Дмитрія Прокофьевича, и онъ не будетъ, потому что нѣтъ возможности пріѣхать по причинѣ тѣсноты».

то весь этотъ запасъ остался намъ на все годовое продовольствіе. Въ праздникъ храмовой нашей церкви мы пили таки винцо доброе, вспоминали васъ, сочтя не полное наше семейство. Зачѣмъ вы оторвались отъ насъ, отъ тѣхъ, которые думали и привыкли съ вами не разставаться? Разъ засталъ я нашу рѣдкую маменьку въ слезахъ надъ письмомъ вашимъ, въ которомъ, по словамъ ея, заключался упрекъ на молчаніе, между тѣмъ какъ она давно уже отправила письмо къ вамъ; цѣлый тотъ вечеръ мы ни о чемъ больше не говорили, какъ только объ васъ. Воспоминанія кучею тѣснились на умъ; тогда только увидѣлъ я, сколько всѣ наши любятъ васъ, и мнѣ пришла въ голову счастливая мысль, но которая вскорѣ разрушилась, когда я услышалъ, что будто вы уже располагаете покинуть навсегда Малороссію. Неужели вы въ состояніи оставить тѣхъ, которые такъ васъ любятъ? зачѣмъ же было насъ всѣхъ такъ привязать къ себѣ, чтобы удаленіе ваше потомъ навело намъ горькую печаль? Я ѣду въ Петербургъ непремѣнно въ началѣ зимы, а оттуда Богъ знаетъ куда меня занесетъ; весьма можетъ быть, что попаду въ чужіе края, что обо мнѣ не будетъ ни слуху, ни духу нѣсколько лѣтъ, и, признаюсь, меня самого не беретъ охота возвращаться когда-либо домой, особливо бывши нѣсколько разъ свидѣтель, какъ эта необыкновенная мать наша бьется, мучится, иногда даже объ какой-нибудь копейкѣ, какъ эти безпокойства убійственно разрушаютъ ея здоровье, и все для того, чтобы доставить нужное намъ и удовлетворить даже прихотямъ нашимъ. Какъ разрывалося у меня сердце, глядя на такіе труды и вспоминая, что я самъ часто употреблялъ во зло. Кто же въ это время моего отсутствія можетъ заставить ее быть спокойною, когда прибавляется ей еще новая печаль, безпрестанныя заботы и часто печальныя мысли на счетъ отсутствующаго? Я прошу васъ, я умоляю, заклинаю и родствомъ, и пріязнію, и всѣмъ, что только

можетъ подвигнуть ваше доброе сердце, не оставьте насъ, отмѣните свое грозное намѣреніе и, совершивши свое достойное дѣло, пріѣзжайте въ Васильевку, будьте ангелъ-утѣшитель нашей матери. Вы всегда были помощникомъ ей и въ хозяйствѣ, и во всемъ добромъ, вы и теперь облегчите ея заботы; я, съ своей стороны, почти все сдѣлалъ, денегъ беру съ собой немного, чтобы стало на проѣздъ и на первое обзаведеніе; а для обезпеченія ея состоянія отказываюсь отъ своего наслѣдія и теперь занимаюсь составленіемъ дарственной записи, по которой часть имѣнія, принадлежащаго по завѣщанію мнѣ, съ домомъ, садомъ, лѣсомъ и прудами, оставляется матери моей въ вѣчное владѣніе. Не по легкомыслію, не по какому-либо безразсудительному хотѣнію это сдѣлаю, но самое благоразуміе этого требуетъ: нужно все предполагать. Можетъ быть, и весьма вѣроятно, что въ самомъ дѣлѣ я отлучусь и слишкомъ далеко (это и есть мое намѣреніе), обо мнѣ не будетъ и слуху, между тѣмъ уплыветъ десять лѣтъ, законная давность, — почему знать, каковы еще будутъ мои сестры! — можетъ быть, жадные наслѣдники не дадутъ ей и мѣста, гдѣ бы приклонить голову. Вы знаете этого алчнаго попа о. Меркурія [1]), который съ такою жадностью слѣдитъ наше имѣніе, и который, пользуясь правомъ родства, уже зажилилъ порядочный кусокъ. Чего они не сдѣлаютъ съ женщиною, хотя благоразумною, но все-таки не имѣющей достаточной твердости для состязанія съ этими закоснѣлыми грабителями. Что̀ касается до меня, ежели найду свое счастіе, ежели приду въ состояніе помочь своимъ родственникамъ и сестрамъ — пріѣду. Ежели нѣтъ — потерплю нужду, а кого нужда не совершенствуетъ и не дѣлаетъ богатымъ? притомъ же до слишкомъ большой нужды не доѣду. Ежели для

---

[1]) Священникъ Яновскій, дальній родственникъ Гоголя, не пользовавшійся его симпатіей.

постояннаго пріобрѣтенія знаній не буду имѣть всѣхъ способовъ, могу прибѣгнуть покуда къ другому; вы еще не знаете всѣхъ моихъ достоинствъ. Я знаю кой-какія ремесла: хорошій портной, недурно раскрашиваю стѣны алфрескою живописью, работаю на кухнѣ и много кой-чего уже разумѣю изъ повареннаго искусства; вы думаете, что я шучу, — спросите нарочно у маменьки. А что̀ еще болѣе, за что я всегда благодарю Бога, это за свою настойчивость и терпѣніе, которыми я прежде мало обладалъ: теперь ничего изъ начатаго мною я не оставлю, пока совершенно не окончу. Не для того, чтобы хвалить себя, я говорю это, но чтобы обезпечить васъ на счетъ моей будущей участи. Итакъ, хлѣбъ у меня будетъ всегда; дай только Богъ, чтобы исполнили вы нашу просьбу; меня все увѣряетъ, что не оставите насъ, что вы будете жить вмѣстѣ съ нами, что вы не оставите безутѣшную. Вы не забудете, извините, ежели смѣю сказать, свой долгъ (хотя мы вамъ одолжены всѣмъ) быть съ тѣми, которые такъ любятъ и которые рады бы пожертвовать всѣмъ, чтобы возвратить къ себѣ милаго родственника. Дай Богъ вамъ возможнаго счастья и иногда, хотя рѣдко, легкой памяти обо мнѣ. Прощайте, милый дяденька! Какъ бы мнѣ хотѣлось еще разъ обнять васъ. Н. Гоголь-Яновскій.

8. А. С. Пушкину.

Спб. августа 21 (1831).

Наконецъ теперь только управился я съ своими дѣлами и получилъ маленькую осѣдлость въ Петербургѣ. Но и теперь еще половиною (что̀ я, половиною!), цѣлыми тремя четвертями, нахожусь въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ. Въ Петербургѣ скучно до нестерпимости. Холера всѣхъ поразгоняла во всѣ стороны, и знакомымъ нуженъ цѣлый мѣсяцъ антракта, чтобы

встрѣтиться между собою. У Плетнева я былъ, отдалъ ему въ исправности ваши посылку [1]) и письмо. Любопытнѣе всего было мое свиданіе съ типографіей: только что я просунулся въ двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себѣ въ руку, отворотившись къ стѣнкѣ. Это меня нѣсколько удивило; я къ фактору, а онъ послѣ нѣкоторыхъ ловкихъ уклоненій, наконецъ, сказалъ, что «*штучки, которыя изволили прислать изъ Павловска для печатанія* [2]), *оченно до чрезвычайности забавны и наборщикамъ принесли большую забаву*». Изъ этого я заключилъ, что я писатель совершенно во вкусѣ черни. Кстати о черни. Знаете ли, что врядъ ли кто умѣетъ лучше съ нею изъясняться, какъ нашъ общій другъ Александръ Анфимовичъ Орловъ [3]). Въ предисловіи къ новому своему роману: «*Церемоніалъ погребенія Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина*», онъ говоритъ, обращаясь къ читателямъ: «Много, премного у меня романовъ въ головѣ (его собственныя слова), только всѣ они сидятъ еще въ головѣ; да такіе бойкіе ребятишки эти романы, такъ и прыгаютъ изъ головы; но нѣтъ, не пущу до время (sic), а послѣ извольте, полдюжинами буду поставлять. Извольте, извольте! Охъ, вы, мои други сердечные, народецъ православный!» Послѣднее обращеніе такъ и задѣваетъ за сердце русскій народъ. Это совершенно въ его духѣ, и здѣсь то не шутя рѣшительный перевѣсъ Александр(а) Анѳ(имовича) надъ Ѳадеемъ Венедик(товичемъ) [4]). Другой пріятель нашъ Бестужевъ-Рюминъ [5]) здравствуетъ и недавно еще сказалъ въ своей газетѣ: «Должно признаться, что

[1]) «Повѣсти Бѣлкина».

[2]) «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки».

[3]) Бездарный московскій беллетристъ 30-хъ годовъ, обычная мишень всевозможныхъ шутокъ литературнаго міра того времени.

[4]) Булгаринъ.

[5]) Издатель «Сѣвернаго Меркурія» и нѣсколькихъ альманаховъ, бездарный, но очень притязательный и развязный журналистъ 30-хъ годовъ.

«Сѣвер(ный) Меркурій» побойче таки иныхъ «Литература(ныхъ) Прибавленій»[1]). Какъ то теперь долженъ бѣситься Воейковъ! а онъ, я думаю, воображалъ, что бойче «Литер(атурныхъ) Прибавленій» нѣтъ ничего на свѣтѣ. Еще о черни. Знаете ли, какъ бы хорошо написать эстетическій разборъ двухъ романовъ, положимъ: «Петра Ивановича Выжигина»[2]) и «Соколъ»[3]): «былъ бы соколъ, да курица съѣла». Начать такимъ образомъ: «Наконецъ, кажется, приспѣло то время, когда романтизмъ рѣшительно восторжествовалъ надъ классицизмомъ, и старые поборники франц(узской) короны на ходульныхъ ножкахъ (что-нибудь въ родѣ Надеждина) убрались къ чорту. Въ Англіи Байронъ, во Франціи необъятный великостью своею Викторъ Гюго, Дюканжъ и другіе, въ какомъ-нибудь проявленіи объективной жизни, воспроизвели новый міръ ея нераздѣльно-индивидуальныхъ явленій. Россія, мудрости правленія которой дивятся всѣ образованные народы Европы и проч. и проч., не могла оставаться также въ одномъ положеніи. Вскорѣ возникли и у ней два представителя ея преображеннаго величія. Читатели догадаются, что я говорю о гг. Булгаринѣ и Орловѣ. На одномъ изъ нихъ, т.-е. на Булгаринѣ, означено направленіе чисто байроновское (вѣдь эта мысль не дурна — сравнить Булгарина съ Байрономъ!): та же гордость, та же буря сильныхъ непокорныхъ страстей, рѣзко означившая огненный и вмѣстѣ мрачный характеръ британскаго поэта, видны и на нашемъ соотечественникѣ; то же самоотверженіе, презрѣніе всего низкаго и подлаго принадлежитъ имъ обоимъ. Самая даже жизнь Булгарина есть больше ничего, какъ повтореніе жизни Байрона; въ самыхъ даже портретахъ ихъ замѣтно необыкновенное сходство. На счетъ Алекс(андра) Анѣим(овича) можно опровергать

---

[1]) Издавались подъ редакціей Воейкова.
[2]) Романъ Булгарина.
[3]) Романъ Орлова.

мнѣніе Ѳеофилакта Косичкина[1]); говорятъ, что скорѣе Орловъ болѣе философъ, что Булгаринъ весь поэтъ». Тутъ недурно взять героевъ романа: Булгарина, Наполеона и Петра Ивановича, и разсматривать ихъ однихъ, какъ чистое созданіе самого поэта; натурально, что здѣсь нужно вооружиться очками строгаго рецензента и приводить мѣста (какихъ, само по себѣ разумѣется, не бывало въ романѣ). Не худо присовокупить: «Почему вы, г. Булгаринъ, заставили Петра Ивановича открыться въ любви такъ рано такой то, или почему не продолжили разговора Петра Ивановича съ Наполеономъ, или зачѣмъ въ самомъ мѣстѣ развязки впутали поляка (можно придумать ему и фамилію даже)?» Все это для того, чтобы читатели видѣли совершенное безпристрастіе критика. Но самое главное — нужно соглашаться съ жалобами журналистовъ нашихъ, что дѣйствительно литературу нашу раздираетъ духъ партій ужаснымъ образомъ, и оттого никакъ нельзя подслушать справедливаго сужденія. Всѣ мнѣнія раздѣлены на двѣ стороны: одни на сторонѣ Булгарина, а другіе на сторонѣ Орлова, и что они, между тѣмъ какъ ихъ приверженцы нападаютъ съ такимъ ожесточеніемъ другъ на друга, совершенно не знаютъ между собою никакой вражды и внутренно, подобно всѣмъ великимъ геніямъ, уважаютъ другъ друга...

9. В. А. Жуковскому.

Спб. сентября 10 (1831).

Наслу могъ я управиться съ своею книгою[2]) и теперь только получилъ экземпляры для отправленія вамъ: одинъ собственно для васъ, другой для Пушкина, третій, съ сантиментальной надписью, для Розетти[3]), а

[1]) Псевдонимъ Пушкина (полемическая статья противъ Булгарина).
[2]) «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки».
[3]) Россетъ, дѣвическая фамилія А. О. Смирновой, пріятельницы Пушкина, Гоголя и Жуковскаго.

остальные тѣмъ, кому вы по усмотрѣнію своему опредѣлите. Сколько хлопотъ надѣлала мнѣ эта книга! Три дня я толкался изъ типографіи въ цензур(ный) комитетъ, изъ цензур(наго) комитета въ типографію, и наконецъ теперь только перевелъ духъ. Боже мой! сколько бы экземпляровъ я бы отдалъ за то, чтобы увидѣть васъ хоть на минуту! Еслибы, часто думаю себѣ, появился въ окрестностяхъ Петербурга какой-нибудь бродяга, ночной разбойникъ, и укралъ этотъ несносный кусокъ земли, эти 24 версты отъ Петербурга до Царскаго Села и съ ними бы далъ тягу на край свѣта: или какой-нибудь проголодавшійся медвѣдь упряталъ ихъ вмѣсто завтрака въ свой медвѣжій желудокъ. О, съ какимъ бы я тогда восторгомъ стряхнулъ власами головы моей прахъ сапоговъ вашихъ, возлегъ у ногъ вашего превосходительства и ловилъ бы жадным ухомъ сладчайшій нектаръ изъ устъ вашихъ, пріуготовленный самими богами изъ тьмочисленнаго количества вѣдьмъ, чертей и всего любезнаго нашему сердцу. Но не такова досадная дѣйствительность или существенность. Карантины[1]) превратили эти 24 версты въ дорогу отъ Петербурга до Камчатки. Знаете ли, что я узналъ на дняхъ только? что э... но, вы не повѣрите мнѣ, назовете меня суевѣромъ, что всему этому виною не кто другой, какъ врагъ честнаго креста церквей Господнихъ и всего огражденнаго святымъ знаменіемъ. Это чортъ надѣлъ на себя зеленый мундиръ съ гербовыми пуговицами, привѣсилъ къ боку остроконечную шпагу и сталъ карантиннымъ надзирателемъ. Но Пушкинъ, какъ ангелъ святой, не побоялся сего рогатаго чиновника, какъ духъ пронесся его мимо и во мгновеніе ока очутился въ Петербургѣ, на Вознесенскомъ проспектѣ и воззвалъ голосомъ трубнымъ ко мнѣ, лѣнившемуся по низменному тротуару, подъ высокими до-

[1]) Въ Петербургѣ была тогда холера.

мами. Это была радостная минута; она уже прошла. Это случилось 8 августа. И къ вечеру того же дня стало все снова скучно, темно какъ въ домѣ опустѣломъ:

«Окна мѣломъ
Забѣлены; хозяйки нѣтъ;
А гдѣ, Богъ вѣсть! пропалъ и слѣдъ!» [1])

Осталось воспоминаніе — и еще много кой-чего, что̀ достаточно усладитъ здѣшнее одиночество: это извѣстіе, что сказка ваша уже окончена и начата другая [2]), которой одно прелестное начало чуть не свело меня съ ума. И Пушкинъ окончилъ свою сказку! Боже мой, что то будетъ далѣе? Мнѣ кажется, что теперь воздвигается огромное зданіе чисто-русской поэзіи. Страшные граниты положены въ фундаментъ, и тѣ же самые зодчіе выведутъ и стѣны и куполъ, на славу вѣкамъ! Да поклоняются потомки и да имутъ мѣсто, гдѣ возносить умиленныя молитвы свои. — Какъ прекрасенъ удѣлъ вашъ, великіе зодчіе! Какой рай готовите вы истиннымъ христіанамъ! И какъ ужасенъ адъ, уготовленный для язычниковъ, ренегатовъ и прочаго сброду! Они не понимаютъ васъ и не умѣютъ молиться. Когда то пріобщусь я этой божественной сказки?.. Но скоро 12 часовъ, боюсь опоздать на почту. Прощайте! Извините мою несвязную грамоту. Не далось божественное писаніе въ руки. Будьте здоровы, и да почіетъ надъ вами благословеніе Божіе, и да возбуждаетъ оно васъ все чаще и чаще ударять въ священныя струны; а я, вашъ вѣрный богомолецъ, буду возсылать ему теплыя за сіе молитвы. Вѣчно вашъ неизмѣнный Гоголь.

---

[1]) Изъ «Евгенія Онѣгина».
[2]) Передѣлка русскихъ сказокъ, записанныхъ Пушкинымъ.

10. Изъ письма къ А. С. Данилевскому.

Спб. марта 30 (1832).

...Теперь нѣсколько словъ о твоемъ письмѣ. Съ какой ты статп началъ говорить о шуткахъ, которыми будто бы было наполнено мое письмо? и что̀ ты нашелъ безсмысленнаго въ томъ, что я писалъ къ тебѣ, что ты говоришь только о поэтической сторонѣ, не упоминая о прозаической? Ты не понимаешь, что̀ значитъ поэтическая сторона. Поэтическая сторона: «Она несравненная, единственная» и проч. Прозаическая: «Она Анна Андреевна такая то». Поэтическая: «Она принадлежитъ мнѣ, ея душа — моя». Прозаическая: «Нѣтъ ли какихъ препятствій въ томъ, чтобъ она принадлежала мнѣ не только душою, но и тѣломъ, и всѣмъ, однимъ словомъ—ensemble?» Прекрасна, пламенна, томительна и ничѣмъ непзъяснима любовь до брака; но тотъ только показалъ одинъ порывъ, одну попытку къ любви, кто любилъ до брака. Эта любовь не полна; она только начало, мгновенный, но зато сильный и свирѣпый энтузіазмъ, потрясающій надолго весь организмъ человѣка. Но вторая часть или, лучше сказать, самая книга потому что первая только предувѣдомленіе къ ней — спокойна и цѣлое море тихихъ наслажденій, которыхъ съ каждымъ днемъ открывается болѣе и болѣе, и тѣмъ съ бо̀льшимъ наслажденіемъ изумляешься имъ, что они казались совершенно незамѣтными и обыкновенными. Это художникъ, влюбленный въ произведенье великаго мастера, съ котораго уже онъ никогда не отрываетъ глазъ своихъ и каждый день открываетъ въ немъ новыя и новыя очаровательныя и полныя обширнаго генія черты, изумляясь самъ себѣ, что онъ не могъ ихъ увидать прежде. Любовь до брака — стихи Языкова: они эффектны, огненны и съ перваго раза уже овладѣваютъ всѣми чувствами. Но послѣ брака любовь —

это поэзія Пушкина: она не вдругъ обхватитъ насъ. но чѣмъ болѣе вглядываешься въ нее, тѣмъ она болѣе открывается, развертывается и, наконецъ, превращается въ величавый и обширный океанъ, въ который чѣмъ болѣе вглядываешься, тѣмъ онъ кажется необъятнѣе. и тогда самые стихи Языкова кажутся только частію. небольшою рѣкою, впадающею въ этотъ океанъ. Видишь, какъ я прекрасно разсказываю! О, съ меня бы былъ славный романистъ, еслибы я сталъ писать романы! Впрочемъ, это самое я докажу тебѣ примѣромъ. ибо безъ примѣра никакое доказательство — не доказательство, и древніе очень хорошо дѣлали, что помѣщали его во всякую хрію. Ты, я думаю, уже прочелъ «Ивана Ѳедоровича Шпоньку». Онъ до брака удивительно какъ похожъ на стихи Языкова, между тѣмъ какъ послѣ брака сдѣлается совершенно поэзіей Пушкина.

Хочешь ли ты знать, что̀ дѣлается у насъ въ этомъ водяномъ городѣ? Пріѣхалъ Возвышенный [1]) съ паномъ Плàтономъ [2]) и Пеликаномъ [3]).—Вся эта труппа пробудетъ здѣсь до мая, а, можетъ быть, и долѣе. Возвышенный все тотъ же; трагедіи его все тѣ же. «Тассъ» [4]) его, котораго онъ написалъ уже въ шестой разъ, необыкновенно толстъ, занимаетъ четверть стопы бумаги. Характеры всѣ необыкновенно благородны, полны самоотверженья, и, вдобавокъ, выведенъ на сцену мальчишка 13 лѣтъ, поэтъ и влюбленный въ «Тасса» по уши. А сравненьями играетъ, какъ мячиками; небо, землю и адъ потрясаетъ, будто перышко. Довольно, что прежнія: «*Губы посинѣли у него цвѣтомъ моря*», или: «*Тростникъ шепчетъ, какъ шепчутъ въ мракѣ цѣни*» ничто противъ нынѣшнихъ. Пушкина все по-прежнему не любитъ; «Борисъ Годуновъ» ему не нравится...

---

[1]) Кукольникъ.
[2]) Братъ Кукольника.
[3]) Докторъ.
[4]) Піеса Кукольника, появившаяся въ 1832 г.

11. М. А. Максимовичу.

(1833, въ декабрѣ).

Благодарю тебя за все: за письмо, за мысли въ немъ, за новости и проч. Представь, я тоже думалъ: туда, туда! въ Кіевъ, въ древній, въ прекрасный Кіевъ! Онъ нашъ, онъ не ихъ — не правда ли? тамъ или вокругъ него дѣлались дѣла старины нашей. Я работаю. Я всѣми силами стараюсь; но на меня находитъ страхъ: можетъ быть, я не успѣю! Мнѣ надоѣлъ Петербургъ, или, лучше, не онъ, но проклятый климатъ его: онъ меня допекаетъ. Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою кіевскія каѳедры: много можно будетъ надѣлать добра. А новая жизнь среди такого хорошаго края! Тамъ можно обновиться всѣми силами. Развѣ это малость? Но меня смущаетъ, если это не исполнится!.. Если же исполнится, да ты надуешь, тогда одному пріѣхать въ этотъ край, хоть и желанный, но быть одному совершенно, не имѣть съ кѣмъ заговорить языкомъ души — это страшно! Говорятъ, ужъ очень много назначено туда какихъ то нѣмцевъ! Это тоже не такъ пріятно. Хотя бы для св. Владиміра [1]) побольше славянъ! Нужно будетъ стараться кого-нибудь изъ извѣстныхъ людей туда впихнуть, истинно просвѣщенныхъ, а также чистыхъ и добрыхъ душою, какъ мы съ тобою. Я говорилъ Пушкину о стихахъ [2]). Онъ написалъ путешествуя двѣ большія піесы, но отрывковъ изъ нихъ не хочетъ давать, а обѣщается написать нѣсколько маленькихъ. Я съ своей стороны употреблю стараніе его подгонять.

Прощай, до слѣдующаго письма. Жду съ нетерпѣніемъ отъ тебя обѣщанной тетради пѣсенъ, — тѣмъ бо-

[1]) Рѣчь идетъ объ университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ, въ которомъ Гоголь собирался занять профессорскую каѳедру.

[2]) Для альманаха Максимовича «Денница».

лѣе, что безпрестанно получаю новыя, изъ которыхъ много есть историческихъ, еще больше—прекрасныхъ. Впрочемъ, я нетерпѣливѣе тебя и никакъ не могу утерпѣть, чтобы не выписать здѣсь одной изъ самыхъ интересныхъ [1]), которой вѣрно у тебя нѣтъ.

12. Ему же.

Марта 22 (1835. Изъ С.-Петербурга).

Ой, чи живи, чи здорови
Всі ро́дичи гарбузо́вы? [2])

Благодарю тебя за письмо. Оно меня очень обрадовало, во-первыхъ, потому, что не коротко, а во-вторыхъ, потому, что я изъ него больше гораздо узналъ о твоемъ образѣ жизни.

Посылаю тебѣ «Миргородъ». Авось-либо онъ тебѣ придется по душѣ. По крайней мѣрѣ, я бы желалъ, чтобы онъ прогналъ хандрическое твое расположеніе духа, которое, сколько я замѣчаю, иногда овладѣваетъ тобою и въ Кіевѣ. Ей Богу, мы всѣ страшно отдалились отъ нашихъ первозданныхъ элементовъ. Мы никакъ не привыкнемъ (особенно ты) глядѣть на жизнь, какъ на трынъ-траву, какъ всегда глядѣлъ казакъ. Пробовалъ ли ты когда-нибудь, вставши поутру съ постели, дернуть въ одной рубашкѣ по всей комнатѣ тропака? [3]) Послушай, братъ: у насъ на душѣ столько грустнаго и заунывнаго, что если позволить всему этому выходить наружу, то это чортъ знаетъ, что̀ такое будетъ. Чѣмъ сильнѣе подходитъ къ сердцу старая печаль, тѣмъ шумнѣе должна быть новая веселость. Есть чудная вещь на свѣтѣ: это бутылка добраго вина. Когда душа твоя потребуетъ другой души, чтобы разсказать всю свою

[1]) Пѣсня: «Наварыла сечевыци».
[2]) Изъ малорусской народной пѣсни. Гарбузъ — тыква.
[3]) Тропакъ.

полугрустную исторію, забернсь въ свою комнату и откупори ее, и когда выпьешь стаканъ, то почувствуешь, какъ оживятся всѣ твои чувства. Это значитъ, что въ это время я, отдаленный отъ тебя 1.500 верстами, пью и вспоминаю тебя. И на другой день двигайся и работай и укрѣпляйся желѣзною силою, потому что ты опять увидишься со старыми друзьями. Впрочемъ, я въ концѣ весны постараюсь приѣхаться въ Кіевъ, хотя мнѣ, впрочемъ, совсѣмъ не по дорогѣ.

Я думалъ о томъ, кого бы отсюда намѣтить въ адъюнкты тебѣ, но рѣшительно нѣтъ. Изъ заграничныхъ все правовѣдцы, да притомъ отъ нихъ такъ пахнетъ семинаріей, что ужъ слишкомъ. Тарновскій [1]) идетъ по исторіи, и потому не знаю, согласится ли онъ перемѣнить предметъ; а что касается до его качествъ и души, то это такой человѣкъ, котораго всегда наподхватъ можно взять. Онъ добръ и свѣжъ чувствами, какъ дитя, слегка мечтателенъ и всегда съ самоотверженіемъ. Онъ думаетъ только о той пользѣ, которую можно принесть слушателямъ и дѣтски преданъ этой мысли, до того, что вовсе не заботится о себѣ, награждаютъ ли его, или нѣтъ. Для него не существуетъ ни чиновъ, ни повышеній, ни честолюбія. Еслибы даже онъ не имѣлъ тѣхъ достоинствъ, которыя имѣетъ, то и тогда бы я посовѣтовалъ тебѣ взять его за одинъ характеръ; ибо я знаю по опыту, что значитъ имѣть при университетѣ однимъ больше благороднаго человѣка.

Но прощай. Напиши, въ какомъ состояніи у васъ весна. Жажду, жажду весны! Чувствуешь ли ты свое счастіе? знаешь ли ты его? ты, свидѣтель ея рожденія, вникаешь ее, дышишь ею — и послѣ этого ты еще смѣешь говорить, что не съ кѣмъ тебѣ перевести душу... Да дай мнѣ ее одну, одну, и никого больше я не же-

[1]) Нѣжинскій товарищъ Гоголя.

лаю видѣть, по крайней мѣрѣ, на все продолженіе ея... Но прощай. Желаю тебѣ больше упиваться ею, а съ нею и спокойствіемъ и ясностью жизни, потому что для прекрасной души нѣтъ мрака въ жизни.

Твой Гоголь.

13. А. С. Пушкину.

7 октября 1835.

Рѣшаюсь писать къ вамъ самъ; просилъ прежде Наталью Николаевну [1]), но до сихъ поръ не получилъ извѣстія. Пришлите, прошу васъ убѣдительно, если вы ее взяли съ собою, мою комедію, которой въ вашемъ кабинетѣ не находится, и которую я принесъ вамъ для замѣчаній [2]). Я сижу безъ денегъ и рѣшительно безъ всякихъ средствъ; мнѣ нужно давать ее актерамъ на разыграніе, что̀ обыкновенно дѣлается за два мѣсяца прежде. Сдѣлайте милость, пришлите скорѣе и сдѣлайте наскоро хоть сколько-нибудь главныхъ замѣчаній.

Началъ писать «Мертвыхъ Душъ». Сюжетъ растянулся на предлинный романъ и, кажется, будетъ сильно смѣшонъ. Но теперь остановилъ его на третьей главѣ. Ищу хорошаго ябедника, съ которымъ бы можно коротко сойтись. Мнѣ хочется въ этомъ романѣ показать хотя съ одного боку всю Русь.

Сдѣлайте милость, дайте какой-нибудь сюжетъ, хоть какой-нибудь смѣшной или несмѣшной, но русскій чисто анекдотъ. Рука дрожитъ написать тѣмъ временемъ комедію. Если же сего не случится, то у меня пропадетъ даромъ время, и я не знаю, что дѣлать тогда съ моими обстоятельствами. Я, кромѣ моего сквернаго жалованья университетскаго 600 рублей, никакихъ не имѣю теперь мѣстъ. Сдѣлайте (же) милость, дайте сюжетъ; духомъ

---

[1]) Жену Пушкина.
[2]) «Женитьбу».

будетъ комедія изъ пяти актовъ и клянусь — куда смѣшнѣе чорта! Ради Бога, умъ и желудокъ мой оба голодаютъ. И пришлите «Женитьбу». Обнимаю васъ и цѣлую и желаю обнять скорѣе лично. Вашъ Гоголь.

Мои ни «Арабески», ни «Миргородъ» не идутъ совершенно. Чортъ ихъ знаетъ, что это значитъ! Книгопродавцы такой народъ, которыхъ безъ всякой совѣсти можно повѣсить на первомъ деревѣ.

14. М. П. Погодину.

С.-Петербургъ, декабря 6 1835.

Здравствуй, душа моя! Спасибо тебѣ, что ты пріѣхалъ и написалъ ко мнѣ. Но я думалъ, что ты сдѣлаешь лучше и пріѣдешь прежде въ Петербургъ. Мнѣ бы хотѣлось на тебя поглядѣть и послушать, послушать, что и какъ было по пути, и что Нѣмечина и нѣмцы. Этого мнѣ хотѣлось, потому что твои глаза ближе къ моимъ, чѣмъ кого другого. Но на письмѣ я знаю самъ, что писать объ этомъ слишкомъ громоздко, и для насъ, людей лѣнивыхъ, очень скучно. Я жадно читалъ твое письмо въ журналѣ просвѣщенія[1]), но еще хотѣлъ бы слышать изустныхъ прибавленій. Увѣдомь, какія книги привезъ, и что есть такого, о чемъ намъ неизвѣстно.

Я расплевался съ университетомъ и черезъ мѣсяцъ опять беззаботный казакъ. Неузнанный я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти полтора года — годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся — въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли вол-

[1]) «Письмо изъ Германіи» Погодина въ «Журн. Мин. Нар. Просв.».

новали меня... Миръ вамъ, мои небесныя гостьи, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія, когда вы исторгнетесь съ большею силою, и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика... и проч. и проч. Я тебѣ одному говорю это; другому не скажу я: меня назовутъ хвастуномъ, и больше ничего. Мимо, мимо все это!

Теперь вышелъ я на свѣжій воздухъ. Это освѣженіе нужно въ жизни, какъ цвѣтамъ дождь, какъ засидѣвшемуся въ кабинетѣ прогулка. Смѣяться, смѣяться давай теперь побольше. Да здравствуетъ комедія! Одну, наконецъ, рѣшаюсь давать на театръ [1]), приношу переписывать экземпляръ для того, чтобы послать къ тебѣ въ Москву, вмѣстѣ съ просьбою предувѣдомить кого слѣдуетъ по этой части. Скажи Загоскину [2]), что я буду писать къ нему объ этомъ и убѣдительно просить о всякомъ съ его стороны вспомоществованіи, а милому Щепкину, что ему десять ролей въ одной комедіи; какую хочетъ, пусть такую беретъ; даже можетъ разомъ всѣ играть. Мнѣ очень жаль, что я не приготовилъ ничего къ бенефису его. Такъ я былъ озадаченъ это время, что едва только успѣлъ третьяго дня окончить эту пьесу. Той комедіи, которую я читалъ у васъ въ Москвѣ [3]), давать не намѣренъ на театръ. Ну, прощай, мой Погодинъ. Обнимаю тебя очень крѣпко. Поцѣлуй за меня ручку супруги своей. Твой Гоголь.

[1]) «Ревизоръ».
[2]) Извѣстный романистъ, завѣдывавшій тогда императорскими театрами въ Москвѣ.
[3]) «Женихи», впослѣдствіи назван. «Женитьбой».

15. М. С. Щепкину.

Спб. 1836. Апрѣля 29.

Наконецъ пишу къ вамъ, безцѣннѣйшій Михаилъ Семеновичъ. Едва ли, сколько мнѣ кажется,это не въ первый разъ происходитъ. Явленіе точно замѣчательное: два первые лѣнивца въ мірѣ, наконецъ, рѣшаются изумить другъ друга письмомъ. Посылаю вамъ «Ревизора». Можетъ быть, до васъ уже дошли слухи о немъ. Я писалъ къ лѣнивцу 1 гильдіи и безпутнѣйшему человѣку въ мірѣ, Погодину, чтобы онъ увѣдомилъ васъ; хотѣлъ даже посылать къ вамъ его, но раздумалъ, желая самъ привезти къ вамъ и прочитать собственногласно, дабы о нѣкоторыхъ лицахъ не составились заблаговременно превратныя понятія, которыя, я знаю, чрезвычайно трудно послѣ искоренить, но, познакомившись съ здѣшнею театральною дирекціею, — я такое получилъ отвращеніе къ театру, что одна мысль о тѣхъ пріятностяхъ, которыя готовятся для меня еще и на московскомъ театрѣ, въ силѣ удержать поѣздку въ Москву и попытку хлопотать о чемъ-либо. Къ довершенію, наконецъ, возможнѣйшихъ пакостей, здѣшняя дирекція, т.-е. директоръ Гедеоновъ, вздумалъ, какъ слышу я, отдать главныя роли другимъ персонажамъ послѣ четырехъ представленій ея, будучи подвинутъ какою то мелочною личною ненавистью къ нѣкоторымъ главнымъ актерамъ въ моей пьесѣ, какъ то: къ Сосницкому, къ Дюру. Мочи нѣтъ! Дѣлайте, что̀ хотите съ моею піесою, но я не стану хлопотать о ней. Мнѣ она сама надоѣла такъ же, какъ хлопоты о ней. Дѣйствіе, произведенное ею, было большое и шумное. Всѣ противъ нея. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы

противъ меня. Бранятъ и ходятъ на піесу; на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ. Еслибы не высокое заступничество государя, піеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея. Теперь я вижу, что значитъ быть комическимъ писателемъ. Малѣйшій призракъ истины — и противъ тебя возстаютъ, и не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія. Воображаю, что̀ же было бы, еслибы я взялъ что-нибудь изъ петербургской жизни, которая мнѣ больше и лучше теперь знакома, нежели провинціальная. Досадно видѣть противъ себя людей тому, который ихъ любитъ между тѣхъ братскою любовью.

Комедію мою, читанную мною вамъ въ Москвѣ, подъ заглавіемъ «Женитьба», я теперь передѣлалъ и переправилъ, и она нѣсколько похожа теперь на что-нибудь путное. Я ее назначаю такимъ образомъ, чтобы она шла вамъ и Сосницкому въ бенефисъ здѣсь и въ Москвѣ, что, кажется, случается въ одно время года. Стало быть, вы можете адресоваться къ Сосницкому, которому я ее вручу. Самъ же черезъ мѣсяца полтора, если не раньше, ѣду за границу, и потому совѣтую вамъ, если имѣется ко мнѣ надобность, не медлить вашимъ отвѣтомъ и меньше предаваться нашей общей пріятельницѣ, лѣни...

Прощайте, отъ души обнимаю васъ и прошу не забывать вашего стараго земляка, много, много любящаго васъ Гоголя.

16. М. П. Погодину.

Мая 10, 1836. Спб.

Я виноватъ, очень виноватъ, мой добрый, мой милый Погодинъ, что бранилъ тебя за твое невниманіе къ моимъ письмамъ. Дѣло теперь объясняется само собою: всему виноваты знакомые и пріятели, черезъ которыхъ ты писалъ, и которые имѣли обыкновеніе проживать на

дорогѣ у знакомыхъ, или жить въ Петербургѣ по цѣлому мѣсяцу, и потомъ уже припоминали о твоихъ письмахъ. Теперь только я получаю письма твои, писанныя въ февралѣ, генварѣ и мартѣ. Прости меня за то, что я напустился на тебя. На что и какъ теперь отвѣчать тебѣ? Многіе вопросы твои уже потеряли свою современность. Послѣ разныхъ волненій, досадъ и прочаго, мысли мои такъ разсѣяны, что я не въ силахъ собрать ихъ въ стройность и порядокъ. Я хотѣлъ было ѣхать непремѣнно въ Москву и съ тобой наговориться вдоволь. Но не такъ сдѣлалось. Чувствую, что теперь не доставитъ мнѣ Москва спокойствія, а я не хочу пріѣхать въ такомъ тревожномъ состояніи, въ какомъ нахожусь нынѣ. Ѣду за границу, тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ. Что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ, но какъ то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь, когда видишь, какъ ложно, въ какомъ невѣрномъ видѣ ими все принимается. Частное принимать за общее, случай за правило! Что сказано вѣрно и живо, то уже кажется пасквилемъ. Выведи на сцену двухъ-трехъ плутовъ — тысяча честныхъ людей сердится, говоритъ: «Мы не плуты». Но Богъ съ ними! Я не оттого ѣду за границу, чтобъ не умѣлъ перенести этихъ неудовольствій. Мнѣ хочется поправиться въ своемъ здоровьѣ, разсѣяться, развлечься и потомъ, избравши нѣсколько постояннѣе пребываніе, обдумать хорошенько труды будущіе. Пора уже мнѣ творить съ бо̀льшимъ размышленіемъ. Лѣто буду на водахъ, августъ мѣсяцъ на Рейнѣ, осень въ Швейцаріи, уединюсь и займусь. Если удастся, то зиму думаю пробыть въ Римѣ или

Неаполѣ. Можетъ быть, тамъ увидимся съ тобою, если только это правда, что ты тоже думаешь ѣхать.

Отправляюсь или въ концѣ мая, или въ началѣ іюня.

Письмо твое еще можетъ застать меня. Только, пожалуйста, не пиши чрезъ пріятелей: они чрезвычайно долго задерживаютъ письма. Лучше по почтѣ, хотя и за почтой нашей, которая до сихъ поръ была примѣръ исправности, начали водиться грѣхи. Я писалъ къ тебѣ три письма и адресовалъ ихъ прямо въ университетъ. Кажется, довольно точный адресъ, а между тѣмъ, какъ вижу изъ словъ твоихъ, ты ни одного не получилъ. Это письмо я вкладываю въ письмо къ Щепкину. Авось-либо это будетъ вѣрнѣе. Прощай.

17. М. С. Щепкину.

1836. мая 10. Спб.

Я забылъ вамъ, дорогой Михаилъ Семеновичъ, сообщить кое-какія замѣчанія предварительныя о «Ревизорѣ». Во-первыхъ, вы должны непремѣнно, изъ дружбы ко мнѣ, взять на себя все дѣло постановки ея. Я не знаю никого изъ актеровъ вашихъ, какой и въ чемъ каждый изъ нихъ хорошъ, но вы это можете знать лучше, нежели кто другой. Сами вы, безъ сомнѣнія, должны взять роль городничаго: иначе она безъ васъ пропадетъ. Есть еще труднѣйшая роль во всей піесѣ роль Хлестакова. Я не знаю, выберете-ли вы для нея артиста. Боже сохрани, (если) ее будутъ играть съ обыкновенными фарсами, какъ играютъ хвастуновъ и повѣсъ театральныхъ! Онъ просто глупъ; болтаетъ потому только, что видитъ, что его расположены слушать; вретъ потому, что плотно позавтракалъ и выпилъ порядочнаго вина; вертлявъ онъ тогда только, когда подъѣзжаетъ къ дамамъ. Сцена, въ которой онъ завирается, должна обратить особенное вниманіе. Каждое слово его, то есть, фраза или реченіе, есть экспромтъ, совершенно

неожиданный, и потому должно выражаться отрывисто. Не должно упускать изъ виду, что къ концу этой сцены начинаетъ его мало-по-малу разбирать, но онъ вовсе не долженъ метаться на стулѣ; онъ долженъ только раскраснѣться и выражаться еще неожиданнѣе и, чѣмъ далѣе, громче и громче. Я сильно боюсь за эту роль. Она и здѣсь была исполнена плохо, потому что для нея нуженъ рѣшительный талантъ. Жаль, очень жаль, что я никакъ не могъ быть у васъ: многія изъ ролей могли быть совершенно понятны только тогда, когда бы я прочелъ ихъ. Но нечего дѣлать. Я такъ теперь мало спокоенъ духомъ, что врядъ ли бы могъ быть слишкомъ полезнымъ. Зато, по возвратѣ изъ-за границы, я намѣренъ основаться у васъ въ Москвѣ. Съ здѣшнимъ климатомъ я совершенно въ раздорѣ. За границей пробуду до весны, а весною къ вамъ.

Скажите Загоскину, что я все поручилъ вамъ. Я напишу къ нему, что распредѣленіе ролей я послалъ къ вамъ. Вы составьте записочку и подайте къ нему, какъ сдѣлано ми(ою). Да еще — не одѣвайте Бобчинскаго и Добчинскаго въ томъ костюмѣ, въ какомъ они напечатаны: это ихъ одѣлъ Храповицкій [1]). Я мало входилъ въ эти мелочи и приказалъ напечатать по-театральному. Тотъ, который имѣетъ свѣтлые волоса, долженъ быть въ темномъ фракѣ, а брюнетъ, то есть Бобчинскій, долженъ быть въ свѣтломъ. Нижнее — обоимъ темныя брюки. Вообще, чтобы не было форсирован(ья). Но брюшки у обоихъ должны быть непремѣнно, и притомъ остренькія, какъ у беременныхъ женщинъ.

Покамѣстъ, прощайте. Пишите; еще успѣете. Ѣду не раньше 30 мая, или даже, можетъ быть, въ первыхъ іюня. Н. Гоголь.

Кланяйтесь всѣмъ вашимъ отраслямъ домашнимъ, моимъ землячкамъ и землякамъ.

---

[1]) Чиновникъ при Александринскомъ театрѣ.

18. Ему же.

Мая 15 (1836). Спб.

Не могу, мой добрый и почтенный землякъ, никакимъ образомъ не могу быть у васъ въ Москвѣ. Отъѣздъ мой уже рѣшенъ. Знаю, что вы всѣ приняли бы меня съ любовью; мое благодарное сердце чувствуетъ это. Но не хочу и я тоже съ своей стороны показаться вамъ скучнымъ и не раздѣляющимъ вашего драгоцѣннаго для меня участія. Лучше я съ гордостью понесу въ душѣ своей эту просвѣщенную признательность старой столицы моей родины и сберегу ее какъ святыню въ чужой землѣ. Притомъ, еслибы я даже пріѣхалъ, я бы не могъ быть такъ полезенъ вамъ, какъ вы думаете. Я бы прочелъ ее [1]) вамъ дурно, безъ малѣйшаго участія къ моимъ лицамъ, — во-первыхъ, потому, что охладѣлъ къ ней; во-вторыхъ, потому, что многимъ недоволенъ въ ней, хотя совершенно не тѣмъ, въ чемъ обвиняли меня мои близорукіе и неразумные критики.

Я знаю, что вы поймете въ ней все, какъ должно, и въ теперешнихъ обстоятельствахъ поставите ее даже лучше, нежели еслибы я самъ былъ. Я получилъ письмо отъ Сер(гѣя) Тим(оѳеевича) Аксакова тремя днями послѣ того, какъ я писалъ къ вамъ, со вложеніемъ письма къ Загоскину. Аксаковъ такъ добръ, что самъ предлагаетъ поручить ему постановку пьесы. Если это точно выгоднѣе для васъ тѣмъ, что ему, какъ лицу стороннему, дирекція меньше будетъ противорѣчить, то мнѣ жаль, что я наложилъ на васъ тягостную обузу. Если же вы надѣетесь поладить съ дирекціей, то пусть остается такъ, какъ порѣшено. Во всякомъ случаѣ я очень благодаренъ Сер(гѣю) Т(имоѳеевичу), и скажите ему, что я умѣю понимать его радушное ко мнѣ расположеніе. Прощайте, да любитъ васъ Богъ и помо-

[1]) Комедію «Ревизоръ».

жетъ вамъ въ вашихъ распоряженіяхъ, а я дорогою буду обдумывать одну замышляемую мною піесу. Зимою въ Швейцаріи буду писать ее, а весною пріѣхалю съ нею въ Москву, и Москва первая будетъ ее слышать. Прощайте еще разъ! Цѣлую васъ нѣсколько разъ. Любите всегда также вашего Гоголя. Мнѣ кажется, что вы сдѣлали бы лучше, еслибы піесу оставили къ осени или къ зимѣ.

Всѣ остающіяся двѣ недѣли до моего отъѣзда я погруженъ въ хлопоты по случаю моего отъѣзда, и это одна изъ главныхъ причинъ, что не могу исполнить ваше желаніе ѣхать въ Москву.

19. М. П. Погодину.

Мая 15 (1836). Спб.

Я получилъ письмо твое. Приглашеніе твое убѣдительно, но никакимъ образомъ не могу: нужно захватить время пользованія на водахъ. Лучше пусть пріѣду къ вамъ въ Москву обновленный и освѣженный. Пріѣхавши, я проживу съ тобою долго, потому что не имѣю никакихъ должностныхъ узъ и не намѣренъ жить постоянно въ Петербургѣ. Я не сержусь на толки, какъ ты пишешь, не сержусь, что сердятся и отворачиваются тѣ, которые отыскиваютъ въ моихъ оригиналахъ свои собственныя черты и бранятъ меня, не сержусь, что бранятъ меня непріятели литературные, продажные таланты; но грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицу, грустно, когда видишь, что глупѣйшее мнѣніе ими же опозореннаго и оплеваннаго писателя[1]) дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водитъ за носъ; грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него,

[1]) Имѣется въ виду Булгаринъ, начавшій травлю противъ «Ревизора».

и нѣтъ никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. «Онъ зажигатель! Онъ бунтовщикъ!» И кто же говоритъ это? Это говорятъ мнѣ люди государственные, люди выслужившіеся, опытные люди, которые должны бы имѣть на сколько-нибудь ума, чтобъ понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными, и которыхъ свѣтъ, по крайней мѣрѣ, русскій свѣтъ, называетъ образованными. Выведены на сцену плуты, и всѣ въ ожесточеніи, зачѣмъ выводить на сцену плутовъ. Пусть сердятся плуты, но сердятся тѣ, которыхъ я не зналъ вовсе за плутовъ. Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы. Столица щекотливо оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ: что же бы сказала столица, еслибы выведены были хотя слегка ея собственные нравы? Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей піесы; меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны, но жизнь петербургская ярка передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея — и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники! И то, что̀ бы приняли люди просвѣщенные съ громкимъ смѣхомъ и участіемъ, то самое возмущаетъ желчь невѣжества, а это невѣжество всеобщее. Сказать о плутѣ, что онъ плутъ, считается у нихъ подрывомъ государственной машины; сказать какую-нибудь только живую и вѣрную черту — значитъ, въ переводѣ, опозорить все сословіе и вооружить противъ него другихъ, или его подчиненныхъ. Разсмотри положеніе бѣднаго автора, любящаго между тѣмъ сильно свое отечество и своихъ же соотечественниковъ, и скажи ему, что есть небольшой кругъ, понимающій его, глядящій на него другими глазами, утѣшитъ ли это его? Москва больше расположена ко мнѣ, но отчего? Не оттого ли, что я

живу въ отдаленіи отъ неё, что портретъ ея еще не былъ виденъ нигдѣ у меня, что наконецъ... не хочу на этотъ разъ выводить всѣ случаи. Сердце мое въ эту минуту исполнено благодарностью къ ней за ея вниманіе ко мнѣ. Прощай. Ѣду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія и возвращусь къ тебѣ, вѣрно, освѣженный и обновленный. Все, что̀ ни дѣлалось со мною, все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе, и нынѣ я чувствую, что не земная воля направляетъ путь мой. Онъ, вѣрно, необходимъ для меня.

Цѣлую тебя несчетно. Пиши ко мнѣ; еще успѣешь.

Твой Гоголь.

20. В. А. Жуковскому.

Гамбургъ 28/16 іюня (1836).

Мнѣ очень было прискорбно, что не удалось съ вами проститься передъ моимъ отъѣздомъ, тѣмъ болѣе, что отсутствіе мое, вѣроятно, продолжится на нѣсколько лѣтъ. Но теперь для меня есть что то въ этомъ утѣшительное. Разлуки между нами не можетъ и не должно быть, и гдѣ бы я ни былъ, въ какомъ бы отдаленномъ уголкѣ ни трудился, я всегда буду возлѣ васъ. Каждую субботу [1]) я буду въ вашемъ кабинетѣ, вмѣстѣ со всѣми близкими вамъ. Вѣчно вы будете представляться мнѣ слушающимъ меня читающаго. Какое участіе, какое заботливо-родственное участіе видѣлъ я въ глазахъ вашихъ!.. Низкимъ и пошлымъ почиталъ я выраженіе благодарности моей къ вамъ. Нѣтъ, я не

[1]) «Гоголь былъ нерѣдкимъ посѣтителемъ «субботъ» Жуковскаго. Есть, какъ извѣстно, картина, изображающая его вмѣстѣ съ другими извѣстными литераторами въ кабинетѣ Жуковскаго»...

Прим. В. П. Шенрока.

былъ проникнутъ благодарностью; клянусь, это что то выше, что то больше ея; я не знаю, какъ назвать это чувство, но катящіяся въ эту минуту слезы, но взволнованное до глубины сердце говорятъ, что оно одно изъ тѣхъ чувствъ, которыя рѣдко достаются въ удѣлъ жителю земли. — Мнѣ ли не благодарить Пославшаго меня на землю! Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, невидимыхъ, незамѣтныхъ для свѣта, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ. Львиную силу чувствую въ душѣ своей и замѣтно слышу переходъ свой изъ дѣтства, проведеннаго въ школьныхъ занятіяхъ, въ юношескій возрастъ. Въ самомъ дѣлѣ, если разсмотрѣть строго и справедливо, что̀ такое все написанное мною до сихъ поръ? Мнѣ кажется, какъ будто я разворачиваю давнюю тетрадь ученика, въ которой на одной страницѣ видно нерадѣніе и лѣнь, на другой—потерпѣніе и поспѣшность, робкая, дрожащая рука начинающаго и смѣлая замашка шалуна, вмѣсто буквъ выводящая крючки, за которую бьютъ по рукамъ. Изрѣдка, можетъ быть, выберется страница, за которую похвалитъ развѣ только учитель, провидящій въ нихъ зародышъ будущаго. Пора, пора наконецъ заняться дѣломъ. О, какой непостижимо-изумительный смыслъ имѣли всѣ случаи и обстоятельства моей жизни! Какъ спасительны для меня были всѣ непріятности и огорченія! Они имѣли въ себѣ что то эластическое; касаясь ихъ, мнѣ казалось, я отпрыгивалъ выше, по крайней мѣрѣ чувствовалъ въ душѣ своей крѣпче отпоръ. Могу сказать, что я никогда не жертвовалъ свѣту моимъ талантомъ. Никакое развлеченіе, никакая страсть не въ состояніи была на минуту овладѣть моею душою и отвлечь меня отъ моей обязанности. Для меня нѣтъ жизни внѣ моей жизни, и нынѣшнее мое удаленіе изъ отечества, оно послано свыше, тѣмъ же Великимъ Провидѣніемъ, ниспославшимъ все на воспитаніе мое. Это ве-

ликій переломъ, великая эпоха моей жизни. Знаю, что мнѣ много встрѣтится непріятнаго, что я буду терпѣть и недостатокъ и бѣдность, но ни за что въ свѣтѣ не возвращусь скоро. Долѣе, долѣе, какъ можно долѣе буду въ чужой землѣ. И хотя мысли мои, мое имя, мои труды будутъ принадлежать Россіи, но самъ я, бренный составъ мой будетъ удаленъ отъ нея.

Не знаю, какъ благодарить васъ за хлопоты ваши доставить мнѣ отъ императрицы на дорогу. Если это сопряжено съ неудобствами, или сколько-нибудь неприлично, то не старайтесь объ этомъ. Я надѣюсь, что, при теперешней бережливости моей, могу какъ-нибудь управиться съ моими средствами. Правда, раздѣлавшись съ Петер(бургомъ), я едва только вывезъ двѣ тысячи, но, можетъ быть, съ ними я протяну какъ-нибудь до октября, а въ октябрѣ мѣсяцѣ долженъ мнѣ Смирдинъ [1]) вручить тысячу слишкомъ. Съ петербургскими моими долгами я кое-какъ распорядился: иные выплатилъ изъ моей суммы, другіе готовъ подождать. Если же на случай вы получите для меня деньги, то вручите ихъ Плетневу, который мнѣ можетъ переслать, если мнѣ придется большая надобность. Я ѣду теперь прямо въ Ахенъ. Письмо же къ Коппу [2]) отправилъ по почтѣ вчера, раньше никакъ не могъ.

Наше плаваніе было самое несчастное. Вмѣсто четырехъ дней, пароходъ шелъ цѣлыя полторы недѣли, по причинѣ дурного и бурнаго времени и безпрестанно портившейся пароходной машины. Одинъ изъ пассажировъ, графъ М(усинъ) Пушкинъ, умеръ. Въ Ахенѣ я дождусь отвѣта Коппа, къ которому послалъ описаніе моей болѣзни, впрочемъ, не слишкомъ важной. Въ Ахенѣ я займусь мѣсяца два языками, потому что мнѣ чрезвычайно трудно изъясняться, и потомъ ѣду на Рейнъ. Передайте мой поклонъ князю Вяземскому и благотво-

[1]) Петербургскій книгоиздатель.
[2]) Франкфуртскій врачъ.

рите его отъ меня за его участіе и письмо. Даже съ Пушкинымъ я не успѣлъ и не могъ проститься; впрочемъ, онъ въ этомъ виноватъ. Для его журнала [1]) я приготовлю кое-что, которое, какъ кажется мнѣ, будетъ смѣшно: изъ нѣмецкой жизни...

21. Изъ письма къ нему же.

12 ноября. (1836. Парижъ).

...Я принялся за «Мертвыхъ Душъ», которыхъ было началъ въ Петербургѣ, все начатое передѣлалъ вновь, обдумалъ болѣе весь планъ и теперь веду его спокойно, какъ лѣтопись... Если совершу это твореніе такъ, какъ нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжетъ! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится въ немъ! Это будетъ первая моя порядочная вещь, — вещь, которая вынесетъ мое имя. Каждое утро въ прибавленіе къ завтраку вписывалъ я по три страницы въ мою поэму, и смѣху отъ этихъ страницъ было для меня достаточно, чтобы усладить мой одинокій день...

...«Мертвыя» текутъ живо, свѣжѣе и бодрѣе, чѣмъ въ Веве, и мнѣ совершенно кажется, какъ будто я въ Россіи: передо мною все наше, наши помѣщики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы,— словомъ, вся православная Русь. Мнѣ даже смѣшно, какъ подумаю, что я пишу «Мертвыхъ Душъ» въ Парижѣ. Еще одинъ Левіаѳанъ затѣвается. Священная дрожь пробираетъ меня заранѣе, какъ подумаю о немъ; слышу кое-что изъ него? Божественныя вкушу минуты... но... теперь я погруженъ весь въ «Мертвыя Души». Огромно, велико мое твореніе, и не скоро конецъ его. Еще возстанутъ противъ меня новыя сословія и много разныхъ господъ; но что жъ мнѣ дѣлать! Уже судьба

[1]) «Современникъ».

моя враждовать съ моими земляками. *Терпѣніе!* Кто то незримый пишетъ передо мною могущественнымъ жезломъ. Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня, и потомки тѣхъ же земляковъ моихъ, можетъ быть, съ глазами, влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни. Пришлите мнѣ портретъ вашъ. Ради всего, что̀ есть для васъ дорогого на свѣтѣ, не откажите мнѣ въ этомъ, но чтобы онъ былъ теперь снятъ съ васъ. Если у васъ нѣтъ его, не поскупитесь, посидите два часа на одномъ мѣстѣ; если вы не исполните моей просьбы, то... но нѣтъ, я не хочу и думать объ отказѣ. Вы не захотите меня опечалить. Акварелью въ миніатюрѣ, чтобы онъ могъ не сворачиваясь уложиться въ письмо, и отдайте его для отправленія Плетневу. Я вамъ пришлю свой, который закажу я налитографировать только въ числѣ пяти экземпляровъ, чтобы никто, кромѣ моихъ ближайшихъ, не имѣлъ его. Напишите что-нибудь мнѣ, хоть только двѣ строчки, что вы здоровы и что получили мое письмо. Еслибъ вы знали, какую бодрость вдвинутъ въ меня ваши строки! Я думаю, что я пробуду въ Парижѣ всю зиму, тѣмъ болѣе, что здѣсь жить для меня несравненно дешевле, нежели было доселѣ въ Германіи и Швейцаріи. А съ началомъ февраля отправлюсь въ Италію, если только холера прекратится, и «Души» потекутъ тоже за мной.

Адресъ мой: Place de la Bourse, № 12.

Не представится ли вамъ какихъ-нибудь казусовъ, могущихъ случиться при покупкѣ мертвыхъ душъ? Это была бы для меня славная вещь, потому, какъ бы то ни было, но ваше воображеніе, вѣрно, увидитъ такое, чего не увидитъ мое. Сообщите объ этомъ Пушкину; авось-либо и онъ найдетъ что-нибудь съ своей стороны. Хотѣлось бы мнѣ страшно вычерпать этотъ сюжетъ со всѣхъ сторонъ. У меня много есть такихъ вещей, которыя бы мнѣ никакъ прежде не представились; но, несмотря (на то), вы все еще можете мнѣ сказать много

новаго, ибо что голова, то умъ. Никому не сказывайте, въ чемъ состоитъ сюжетъ «Мертвыхъ Душъ». Названіе можете объявить всѣмъ. Только три человѣка: вы, Пушкинъ да Плетневъ, должны знать настоящее дѣло...

22. Изъ письма къ Н. Я. Прокоповичу.

Парижъ. 25 января 1837.

...Тощи ваши петербургскія литературныя новости. Да скажи, пожалуйста, съ какой стати пишете вы всѣ про «Ревизора»? Въ твоемъ письмѣ и въ письмѣ Щепкина [1]), которое вчера получилъ Данилевскій [2]), говорится, что «Ревизора» играютъ каждую недѣлю, театръ полонъ и проч... и чтобы это было доведено до моего свѣдѣнія. Что это за комедія? Я, право, никакъ не понимаю этой загадки. Во-первыхъ, я на «Ревизора» — плевать, а во-вторыхъ — къ чему это? Еслибы это была правда, то хуже на Руси мнѣ никто бы не могъ нагадить. Но, слава Богу, это ложь: я вижу черезъ каждые три дни русскія газеты. Не хотите ли вы изъ этого сдѣлать что то въ родѣ побрякушки и тѣшить меня ею, какъ ребенка? И ты!.. Стыдно тебѣ! ты предполагалъ во мнѣ столько мелочнаго честолюбія! Если и было во мнѣ что-нибудь такое, что могло показаться легко меня знавшему тщеславіемъ, то его уже нѣтъ. Пространства, которыя раздѣляютъ меня съ тобою, поглотили *все* то, за что поэтъ слышитъ упреки во глубинѣ души своей. Мнѣ странно вспомнить обо всѣхъ моихъ мараньяхъ. Они въ родѣ грозныхъ обвинителей являются глазамъ моимъ. Забвенья, долгаго забвенья проситъ душа. И еслибы появилась такая моль, которая бы съѣла внезапно всѣ экземпляры «Ревизора», а съ ними «Арабески», «Вечера» и всю прочую чепуху, и обо мнѣ, въ теченіе долгаго времени, ни печатно, ни

[1]) и [2]) Нѣжинскіе товарищи Гоголя.

изустно не произносилъ никто ни слова — я бы благодарилъ судьбу. Одна только слава по смерти (для которой, — увы! — не сдѣлалъ я, до сихъ поръ, ничего) знакома душѣ неподдѣльнаго поэта. А современная слава не стоитъ копейки. Но ты долженъ узнать ее. Ты долженъ начать съ нея непремѣнно, вкусить и горькіе и сладкіе плоды, покамѣстъ безотчетныя лирическія чувства объемлютъ душу, и не потребовалъ тебя на судъ твой внутренній грозный судья. Моимъ голосомъ, который теперь долженъ имѣть надъ тобой двойную силу и власть, я заклинаю тебя стряхнуть лѣнь. Не принимайся за большое дѣло: примись сначала за малое; пиши повѣсти, все, что̀ угодно, но только пиши непремѣнно, рядись на всѣ журналы, помѣщай и бери деньги. У тебя есть языкъ, но еще не разболтался. Годъ или два употреби непремѣнно, чтобы расписаться, и тогда... нечего говорить: ты самъ узнаешь и постигнешь тогда свое назначеніе и рѣшишь — за что и какъ нужно взяться. Кстати о литературныхъ новостяхъ. Онѣ, однакожъ, не тощи. Гдѣ выберется у насъ полугодіе, въ теченіе котораго явились бы разомъ двѣ такія вещи, каковы «Полководецъ» и «Капитанская Дочь». Видана ли была гдѣ-нибудь такая прелесть! Я радъ, что «Капитанская Дочь» произвела всеобщій эффектъ. Даже Иванъ Григорьевичъ [1]) пишетъ, что чудная вещь. Когда эта музыкальная душа признала ея достоинство, то что̀ же, я думаю, говорятъ прочіе. Что̀ ты ничего не пишешь обстоятельнѣй о тѣхъ литературныхъ новостяхъ, которыя хоть и не такъ сильно выглядываютъ, но дороги намъ потому, что творцы ихъ или кумовья, или другіе близкіе намъ родственники, напримѣръ: Кукольникъ [2]), Базили [3]). Ты очень легко упомянулъ о «Художественной Газетѣ». Можно бы даже привести отрывочекъ. Это было бы пріятно. Также

[1]) Щепкинъ.
[2]) и [3]) Пѣвческіе товарищи Гоголя.

о «Босфорѣ»... Нѣтъ ли тамъ еще какого-нибудь реверанса? Не дурно также бы упомянуть нѣсколько и объ ихъ частной жизни, о новыхъ подвигахъ ихъ на пользу отечества, а также и на собственную пользу, которая, безъ сомнѣнія, ни въ какомъ случаѣ не забывается. Въ какомъ салонѣ виденъ теперь Базили, и какую имѣетъ моральную физіономію? А другой Базили — съ кистью, вмѣсто пера, художникъ Мокрицкій?[1]) Это тоже лицо не бездѣльное. Обо всемъ этомъ непремѣнно нужно говорить; все это родственники, которые будутъ интересовать насъ въ продолженіе всей нашей жизни. Второстепенныя лица въ этомъ романѣ также необходимы, и потому, отъ времени до времени, непремѣнно нужно будетъ говорить о философѣ Данченкѣ [2]) и объ меньшихъ братцахъ [3]). Само-собою, что сюда должны войти и кумовья [4]), какъ то: Жюль [5]), Комаровы и всѣ, которыхъ мы близко и коротко знаемъ. Всѣмъ имъ поклонъ мой. Жюля особенно попроси, чтобы написалъ ко мнѣ. Ему есть о чемъ писать. Вѣрно, въ канцеляріи случился какой-нибудь анекдотъ. Если дѣйствующія лица выше надворныхъ совѣтниковъ, то, пожалуй, онъ можетъ поставить вымышленныя названія, или господинъ NN. Скажи ему, что если онъ меня сколько-нибудь любитъ, пусть непремѣнно напишетъ тоже повѣсть, напечатаетъ и пришлетъ мнѣ. Я читалъ одну изъ старыхъ его повѣстей, которая длинна и растянута, но въ ней много есть такого, что̀ говоритъ, что вторая будетъ лучше, а третья еще лучше.

Извѣсти меня, что̀ это такое «Литературныя Прибавленія», которыя издаетъ Краевскій и о которыхъ пишетъ Пащенко? и отчего мое бѣдное имя туда заѣхало? или ему суждено валяться, какъ векселю несостоявшагося банкрота, отъ котораго хотя не ждутъ никакой

---

[1]) [2]) и [3]) Нѣжинскіе товарищи Гоголя.
[4]) Лица, близкія къ кружку нѣжинцевъ.
[5]) П. В. Анненковъ.

пользы, но не раздирають его потому только, что когда то онъ стоилъ денегъ? Впрочемъ, мнѣ это непріятно; и только въ нашемъ литературномъ мірѣ могутъ случаться такія самоуправства. Я не желалъ бы, очень не желалъ, чтобы мое имя упоминалось въ печати...

23. П. А. Плетневу.

16 марта, 1837. Римъ.

Что мѣсяцъ, что недѣля, то новая утрата; но никакой вѣсти [1]) хуже нельзя было получить изъ Россіи. Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его предъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему пзречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое — вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу... Боже! нынѣшній трудъ мой [2]), внушенный имъ, его созданіе... я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался я за перо— и перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска!..

24. М. П. Погодину.

1837, марта 30. Римъ.

Я получилъ письмо твое въ Римѣ. Оно наполнено тѣмъ же, чѣмъ наполнены теперь всѣ наши мысли. Ничего не говорю о великости этой утраты. Моя утрата всѣхъ больше. Ты скорбишь какъ русскій, какъ писатель, я... я и сотой доли не могу выразить моей скорби.

[1]) Извѣстіе о кончинѣ Пушкина.

[2]) «Мертвыя Души», сюжетъ которыхъ данъ былъ Гоголю Пушкинымъ.

Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло вмѣстѣ съ нимъ. Мои свѣтлыя минуты моей жизни были минуты, въ которыя я творилъ. Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою только Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки, я плевалъ на презрѣнную чернь; мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта. Все, что̀ есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ, и ни одна строка его не писалась безъ того, чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ. Я тѣшилъ себя мыслью, какъ будетъ доволенъ онъ, угадывалъ, что̀ будетъ нравиться ему, и это было моею высшею и первою наградою. Теперь этой награды нѣтъ впереди! Что̀ трудъ мой? Что теперь жизнь моя?..

Ты приглашаешь меня ѣхать къ вамъ. Для чего? не для того ли, чтобъ повторить вѣчную участь поэтовъ на родинѣ? Или ты нарочно сдѣлалъ такое заключеніе послѣ сильнаго тобой приведеннаго примѣра, чтобъ сдѣлать еще разительнѣе самый примѣръ? Для чего я пріѣду? Не видалъ я развѣ дорогого сборища нашихъ просвѣщенныхъ невѣждъ? Ты пишешь, что всѣ люди, даже холодные, были тронуты этою потерею. А что̀ эти эти люди готовы были дѣлать ему при жизни? Развѣ я не былъ свидѣтелемъ горькихъ, горькихъ минутъ, которыя приходилось чувствовать Пушкину, несмотря на то, что самъ монархъ (буди за то благословенно его имя!) почиталъ (его) талантъ? О, когда я вспомню нашихъ судей, меценатовъ, ученыхъ умниковъ, благородное наше аристократство, сердце мое содрогается при одной мысли! Должны быть сильныя причины, когда онѣ меня заставили рѣшиться на то, на что̀ бы я не хотѣлъ рѣшиться. Или ты думаешь, мнѣ ничего, что мои друзья, что вы отдѣлены отъ меня горами? Или я не люблю нашей неизмѣримой, нашей родной рус-

ской земли! Я живу около года въ чужой землѣ, вижу прекрасныя небеса, міръ, богатый искусствами и человѣкомъ; но развѣ перо мое принялось описывать предметы, могущіе поразить всякаго? Ни одной строки не могъ посвятить я чуждому. Непреодолимою цѣпью прикованъ я къ своему, и нашъ бѣдный, неяркій міръ нашъ, наши курныя избы, обнаженныя пространства предпочелъ я небесамъ лучшимъ, привѣтливѣе глядѣвшимъ на меня. И я ли послѣ этого могу не любить моей отчизны? Но ѣхать, выносить надменную гордость безмозглаго класса людей, которые будутъ передо мною дуться и даже мнѣ пакостить,—нѣтъ, слуга покорный! Въ чужой землѣ я готовъ все перенести, готовъ нищенски протянуть руку, если дойдетъ до этого дѣло; но въ своей — никогда! Мои страданія тебѣ не могутъ вполнѣ (быть) понятны: ты въ пристани, ты, какъ мудрецъ, можешь перенесть и посмѣяться. Я бездомный, меня бьютъ и качаютъ волны, и упираться мнѣ только на якорь гордости, которую вселили въ грудь мою высшія силы, — сложить мнѣ голову свою на родинѣ!

Если ты имѣешь желаніе ѣхать освѣжиться и возобновить свои силы, увидѣть меня — пріѣзжай въ Римъ. Здѣсь мое всегдашнее пребываніе. На іюнь и іюль я ѣду въ Германію на воды и, возвратившись, провожу здѣсь осень, зиму и весну. Небо чудное. Пью его воздухъ и забываю весь міръ.

Напиши мнѣ что-нибудь про ваши московскія гадости. Ты видишь, какъ сильна моя любовь: даже гадости я готовъ слышать изъ родины. Прощай.

Твой Гоголь.

25. В. А. Жуковскому.

Римъ. Апрѣль 18/6 (1837).

Я пишу къ вамъ на этотъ разъ съ намѣреніемъ удручить васъ моею просьбою. Вы одни въ мірѣ, котораго интересуетъ моя участь. Вы сдѣлаете, я знаю, вы сдѣлаете все то, что только въ предѣлахъ возможности. Меня страшитъ мое будущее. Здоровье мое, кажется, съ каждымъ годомъ становится плоше и плоше. Я былъ недавно очень боленъ, теперь мнѣ сдѣлалось немного лучше. Если и Италія мнѣ ничего не поможетъ, то я не знаю, что тогда уже дѣлать. Я послалъ въ Петербургъ за послѣдними моими деньгами, и больше ни копейки; впереди не вижу совершенно никакихъ средствъ добыть ихъ. Заниматься какимъ-нибудь журнальнымъ мелочнымъ вздоромъ не могу, хотя бы умиралъ съ голода. Я долженъ продолжать мною начатой, большой трудъ, который писать взялъ съ меня слово Пушкинъ, котораго мысль есть его созданіе и который обратился для меня съ этихъ поръ въ священное завѣщаніе. Я дорожу теперь минутами моей жизни потому, что не думаю, чтобъ она была долговѣчна, а между тѣмъ... я начинаю вѣрить тому, что прежде считалъ басней, что писатели въ наше время могутъ умирать съ голоду. Но чуть ли это не правда. Будь я живописецъ, хоть даже плохой, я бы былъ обезпеченъ. Здѣсь въ Римѣ около 15 человѣкъ нашихъ художниковъ, которые недавно высланы изъ академіи, изъ которыхъ иные рисуютъ хуже моего: они всѣ получаютъ по три тысячи въ годъ. — Поди я въ актеры — я бы былъ обезпеченъ: актеры получаютъ по 10.000 и больше, а вы сами знаете, что я не былъ бы плохой актеръ. Но я писатель — и потому долженъ умереть съ голоду. На меня находятъ часто печальныя мысли, слѣдствіе ли это ипохондріи, или чего другого. Доктора

больше относятъ къ первому, я и самъ готовъ съ ними согласиться, но вы можете видѣть, что мои слова, съ своей стороны, также справедливы. Разсмотрите положеніе, въ которомъ я нахожусь, мое болѣзненное состояніе, мою невозможность заняться чѣмъ-нибудь посторонним и дайте мнѣ спасительный совѣтъ, что я долженъ сдѣлать для того, чтобы протянуть на свѣтѣ свою жизнь до тѣхъ поръ, покамѣстъ сдѣлаю сколько-нибудь изъ того, что мнѣ нужно сдѣлать. Я думалъ, думалъ и ничего не могъ придумать лучше, какъ прибѣгнуть къ государю. Онъ милостивъ; мнѣ памятно до гроба то вниманіе, которое онъ оказалъ къ моему «Ревизору». Я написалъ письмо, которое прилагаю; если вы найдете его написаннымъ какъ слѣдуетъ, будьте моимъ предстателемъ, вручите! Если же оно написано не такъ, какъ слѣдуетъ, то — онъ милостивъ, онъ извинитъ бѣдному своему подданному. Скажите, что я невѣжа, не знающій, какъ писать къ его высокой особѣ, но что я исполненъ весь такой любви къ нему, какою можетъ быть исполненъ одинъ только русскій подданный, и что осмѣлился потому только безпокоить его просьбою, что зналъ, что мы всѣ ему дороги какъ дѣти. — Но я знаю, вы лучше и приличнѣе скажете, нежели я. Не въ первый разъ я обязанъ многимъ, многимъ вамъ, чего сердце не умѣетъ высказать; и я бы почувствовалъ на душѣ совѣсть безпокоить васъ, еслибъ вы не были вы! Но въ сторону все это; я съ вами говорю просто, и я бы покраснѣлъ до ушей, еслибы сказалъ вамъ какой затѣйливый комплиментъ.— Еслибы мнѣ такой пансіонъ, какой дается воспитанникамъ академіи художествъ, живущимъ въ Италіи, или хоть такой, какой дается дьячкамъ, находящимся здѣсь при нашей церкви, то я бы протянулся, тѣмъ болѣе, что въ Италіи жить дешевле. Найдите случай и средство, указать какъ-нибудь государю на мои повѣсти: «*Старосвѣтскіе Помѣщики*» и «*Тарасъ*

Бульба». Это тѣ двѣ счастливыя повѣсти, которыя нравились совершенно всѣмъ вкусамъ и различнымъ темпераментамъ; всѣ недостатки, которыми онѣ изобилуютъ, вовсе непримѣтны были для всѣхъ, кромѣ васъ, меня и Пушкина. Я видѣлъ, что по прочтеніи ихъ болѣе оказывали вниманія. Еслибы ихъ прочелъ государь! Онъ же такъ расположенъ ко всему, гдѣ есть теплота чувствъ и что пишется отъ души. О, меня что то увѣряетъ, что онъ бы прибавилъ ко мнѣ участія. Но будь все то, что угодно Богу. На Него и на васъ моя надежда. — Увѣдомьте меня вашей строчкой, или скажите Плетневу: онъ, можетъ быть, ко мнѣ напишетъ.

Прощайте! Храни Богъ прекрасную вашу жизнь!

Я ничего не пишу къ вамъ теперь ни о Римѣ, ни объ Италіи. Меня одолѣваютъ теперь такія печальныя мысли, что я опасаюсь быть несправедливымъ теперь ко всему, что должно утѣшать и восхищать душу. Можетъ быть, это отчасти дѣйствіе той ужасной утраты, которую мы понесли и въ которой я до сихъ поръ не имѣю силъ увѣриться, которая, кажется, какъ будто оборвала въ моей жизни лучшія ея украшенія и сдѣлала ее обнаженнѣе и печальнѣе.

Вашъ Гоголь.

26. П. А. Плетневу.

Римъ, 2 ноября 1837 г.

Не сердитесь на меня, что письма мои такъ пусты и глупы: я бы радъ былъ написать лучше, но въ то самое время, когда примусь за перо, мысль моя уже занята другимъ. Кажется, много о чемъ бы хотѣлось поговорить, но какъ скоро дойду до дѣла — голова моя точно деревянная; разсказывать же то, о чемъ трезвонитъ весь міръ, и разсказывать такими пошлыми сло-

вами, какъ разсказываютъ путешественники,—это хуже, чѣмъ святотатство. Тутъ невольно придетъ на память вся пошлость и водяность, какая только существуетъ на этомъ грѣшномъ свѣтѣ; итакъ, не сердитесь, виновникъ многихъ, многихъ прекрасныхъ минутъ моей жизни, что въ письмахъ моихъ нѣтъ того, о чемъ любитъ изливаться молодая душа путешественника. Теперь, на первый случай, знайте обо мнѣ, что я счастливъ какъ нельзя больше: добрый государь нашъ (храни его за это Богъ!), пожаловавши мнѣ 5.000 руб., далъ мнѣ средство, по крайней мѣрѣ, полтора года прожить безбѣдно въ Италіи.

Что за земля Италія! Никакимъ образомъ не можете вы ее предоставить себѣ. О, еслибы вы взглянули только на это ослѣпляющее небо, все тонущее въ сіяніи! Все прекрасно подъ этимъ небомъ; что ни развалина, то и картина; на человѣкѣ какой то сверкающій колоритъ; строеніе, дерево, дѣло природы, дѣло искусства — все, кажется, дышитъ и говоритъ подъ этимъ небомъ. Когда вамъ все измѣнитъ, когда вамъ больше ничего не останется такого, что бы привязывало васъ къ какому-нибудь уголку міра, пріѣзжайте въ Италію. Нѣтъ лучшей участи, какъ умереть въ Римѣ; цѣлой верстой здѣсь человѣкъ ближе къ Божеству. Князь Вяземскій очень справедливо сравниваетъ Римъ съ большимъ прекраснымъ романомъ, или эпопеею, въ которой на каждомъ шагу встрѣчаются новыя и новыя, вѣчно неожиданныя красы. Передъ Римомъ всѣ другіе города кажутся блестящими драмами, которыхъ дѣйствіе совершается шумно и быстро въ глазахъ зрителя; душа восхищена вдругъ, но не приведена въ такое спокойствіе, въ такое продолжительное наслажденіе, какъ при чтеніи эпопеи. Въ самомъ дѣлѣ, чего въ ней нѣтъ? Я читаю ее, читаю... и до сихъ поръ не могу добраться до конца; чтеніе мое безконечно. Я не знаю, гдѣ бы лучше могла быть проведена жизнь человѣка, для ко-

тораго пошлыя удовольствія свѣта не имѣютъ много цѣны. Это городъ и деревня вмѣстѣ. Обширнѣйшій городъ — и, при всемъ томъ, въ двѣ минуты вы уже можете очутиться за городомъ. Хотите — рисуйте, хотите — глядите... не хотите ни того, ни другого — воздухъ самъ лѣзетъ вамъ въ ротъ. Прогляпетъ солнце (а оно глядитъ каждый день) — и ничего уже болѣе не хочешь; кажется, ничего уже не можетъ прибавиться къ вашему счастію. А если случится, что нѣтъ солнца (что̀ бываетъ такъ же рѣдко, какъ въ Петербургѣ солнце), то идите по церквамъ. На каждомъ шагу и въ каждой церкви чудо живописи, старая картина, къ подножію которой несутъ милліоны людей умиленное чувство изумленія. Но небо, небо!.. Вообразите, иногда проходятъ два-три мѣсяца, и оно отъ утра до вечера чисто, чисто — хоть бы одно облачко, хотя бы какой-нибудь лоскуточекъ его!

Но я разучился совсѣмъ писать письма; одно слово толкаетъ другое, я мараю, ставлю ошибки... но когда-нибудь вы увидите записки, въ которыхъ отразились, можетъ быть, вѣрно впечатлѣнія души моей, гдѣ она вылила признательныя движенія свои, которыхъ не могла бы излить открыто, не нарушая тонкой разборчивости тѣхъ, кому въ глубинѣ ея сожигается неугасимо жертвенный пламень благодарности. Тамъ и тѣ предметы, диво природы и искусства, къ которымъ издалека мы несемся пламенной душой, въ томъ видѣ, въ какомъ она приняла ихъ.

27. С. П. Шевыреву.

Вѣна. 10 августа (1839).

Третьяго дня я получилъ письмо твое. Какъ оно было мнѣ пріятно, объ этомъ нечего говорить. Оно было бы пріятно даже безъ этой важной новости, то-

бою объявленной, но съ этою новостью, увѣнстой, крупной новостью, оно и сказать нельзя, какъ хорошо. Ты за Дантомъ! ого-го-го-го! и объ этомъ ты объявляешь такъ, почти въ концѣ письма. Да, спаси Богъ за это Мюнхенъ и ту скуку, которую онъ поселилъ въ тебя! Но не совѣстно ли тебѣ не приложить въ письмѣ двухъ-трехъ строкъ? Клянусь моимъ честнымъ словомъ, что желаніе ихъ прочесть у меня непреодолимое! О, какъ давно я не читалъ стиховъ! а въ твой переводъ я вѣрю, вѣрю непреложно, рѣшительно, безсомнѣнно. Этого мало, что ты владѣешь стихомъ и что стихъ твой силенъ: такимъ былъ онъ и прежде; но что̀ самое главное и чего меньше было у тебя прежде, это внутренняя глубокая, текущая изъ сердца поэзія: нота, взятая съ вѣрностью удивительною и такимъ скрипачомъ, у котораго въ скрипкѣ сидитъ душа. Все это я заключаю изъ тѣхъ памятныхъ мнѣ стиховъ въ день моего рожденія, которые ты написалъ въ Римѣ. Донынѣ я ихъ читаю, и мнѣ кажется, что я слышу Пушкина. Я не знаю, знаешь ли ты и чувствуешь ли, во сколько разъ ты болѣе въ нихъ сталъ поэтомъ противъ прежняго поэта. Вотъ почему я такъ обрадовался твоему огромному предпріятію. И ты не прислалъ мнѣ даже образчика! Хорошо ли это? Да знаешь ли ты, что это необходимо? и тебя, вѣрно, мучитъ тайное желаніе прочитать свое начало и слышать судъ. Безъ этого не могъ существовать ни одинъ художникъ. Вслѣдствіе эго(го) пришли мнѣ непремѣнно сколько хочешь и можешь Я не покажу никому и не скажу никому. Ай да Мюнхенъ! Ты долженъ имя его выгравировать золотыми буквами на порогѣ дому твоего.

Что касается до меня, я... странное дѣло, я не могу и не въ состояніи работать, когда я преданъ уединенію, когда не съ кѣмъ переговорить, когда нѣтъ у меня между тѣмъ другихъ занятій и когда я владѣю всѣмъ пространствомъ времени, неразграниченнымъ и нераз-

мѣреннымъ. Меня всегда дивилъ Пушкинъ, которому для того, чтобы писать, нужно было забраться въ деревню одному и запереться. Я, наоборотъ, въ деревнѣ никогда ничего не могъ дѣлать, и вообще я не могу ничего дѣлать, гдѣ я одинъ и гдѣ я чувствовалъ скуку. Всѣ свои нынѣ печатные грѣхи я писалъ въ Петербургѣ, и именно тогда, когда я былъ занятъ должностью, когда мнѣ было некогда, среди этой живости и перемѣны занятій, и чѣмъ я веселѣе провелъ канунъ, тѣмъ вдохновеннѣй возвращался домой, тѣмъ свѣжѣе у меня было утро...

28. Изъ письма къ С. Т. Аксакову.

Декабря 28 (1840). Римъ.

...Я теперь приготовляю къ совершенной очисткѣ первый томъ «Мертвыхъ Душъ». Перемѣняю, перечищаю, многое переработываю вовсе и вижу, что ихъ печатаніе не можетъ обойтись безъ моего присутствія. Между тѣмъ дальнѣйшее продолженіе его выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣй, и теперь я вижу, что можетъ быть современемъ кое-что колоссальное, если только позволятъ слабыя мои силы. По крайней мѣрѣ, вѣрно, немногіе знаютъ, на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначащій сюжетъ, котораго первыя, невинныя и скромныя главы вы уже знаете. Болѣзнь моя много отняла у меня времени; но теперь, слава Богу, я чувствую даже по временамъ свѣжесть, мнѣ очень нужную. Я это приписываю отчасти холодной водѣ, которую я сталъ пить по совѣту доктора, котораго за это благослови Богъ и который думаетъ, что мнѣ холодное лѣченіе должно помочь. Воздухъ теперь чудный въ Римѣ, свѣтлый. Но лѣто, лѣто — это я уже испыталъ — мнѣ непремѣнно нужно провести въ дорогѣ. Я повредилъ себѣ много, что за-

жился въ душной Вѣнѣ. Но что же было дѣлать? признаюсь — у меня не было средствъ тогда предпринять путешествіе; у меня слишкомъ было все разсчитано. О, еслибъ я имѣлъ возможность всякое лѣто сдѣлать какую-нибудь дальнюю, дальнюю дорогу! Дорога удивительно спасительна для меня... Но обратимся къ началу. Въ моемъ пріѣздѣ къ вамъ, котораго значенія я даже не понималъ въ началѣ, заключалось много, много для меня. Да, чувство любви къ Россіи, слышу, во мнѣ сильно. Многое, что казалось мнѣ прежде непріятно и невыносимо, теперь мнѣ кажется опустившимся въ свою ничтожность и незначительность, и я дивлюсь, ровный и спокойный, какъ я могъ ихъ когда-либо принимать близко къ сердцу. И то, что я пріобрѣлъ въ теперешній пріѣздъ мой въ Москву, вы знаете! Что я разумѣю, вамъ за этимъ не зачѣмъ далеко ходить, чтобы узнать, какое это пріобрѣтеніе. Да, я не знаю, какъ и чѣмъ благодарить мнѣ Бога. Но уже когда я мыслю о васъ и объ этомъ юношѣ, такъ полномъ силъ и всякой благодати [1]), который такъ привязался ко мнѣ, — я чувствую въ этомъ что то такое сладкое.

Но довольно; сокровенныя чувства какъ то становятся пошлыми, когда облекаются въ слова. Я хотѣлъ было обождать этимъ письмомъ и послать вмѣстѣ съ нимъ перемѣненныя страницы въ «Ревизорѣ», и просить васъ о напечатаніи его вторымъ изданіемъ — и не успѣлъ. Никакъ не хочется заниматься тѣмъ, что нужно къ-спѣху, а все бы хотѣлось заняться тѣмъ, что не къ-спѣху. А между тѣмъ оно было бы очень нужно скорѣе. У меня почти дыбомъ волосъ, какъ вспомню, въ какіе я вошелъ долги...

[1]) К. С. Аксаковъ.

29. М. П. Погодину.

1840, декабря 28. Римъ.

Утѣшься! Чудно милостивъ и великъ Богъ: я здоровъ. Чувствую даже свѣжесть, занимаюсь перепрaвками, выправками и даже продолженіемъ «Мертвыхъ Душъ». Вижу, что предметъ становится глубже и глубже. Даже собираюсь въ наступающемъ году печатать первый томъ, если только дивной силѣ Бога, воскресившаго меня, будетъ такъ угодно. Многое совершилось во мнѣ въ немногое время; но я не въ силахъ теперь писать о томъ, не знаю почему, можетъ быть, по тому самому, по чему не въ силахъ былъ въ Москвѣ сказать тебѣ ничего такого, что бы оправдало меня передъ тобою во многомъ. Когда-нибудь въ обоюдной встрѣчѣ, можетъ быть, на меня найдетъ такое расположеніе, что слова мои потекутъ, и я, съ чистой откровенностью ребенка, повѣдаю состояніе души моей, причинявшей многое вольное и невольное. О, ты долженъ знать, что тотъ, кто созданъ сколько-нибудь творить въ глубинѣ души, жить и дышать своими твореньями, тотъ долженъ быть страненъ во многомъ! Боже, другому человѣку, чтобы оправдать себя, достаточно двухъ словъ, а ему нужны цѣлыя страницы! Какъ это тягостно иногда! Но довольно. Цѣлую тебя.

Письмо твое утѣшительно. Благодарю тебя за него, растроганно, душевно благодарю! Я покоенъ. Свѣжій воздухъ и пріятный холодъ здѣшней зимы дѣйствуютъ на меня животворительно. Я такъ покоенъ, что даже не думаю вовсе о томъ, что у меня ни копейки денегъ. Живу кое-какъ въ долгъ. Мнѣ теперь все трынъ-трава. Если только мое свѣжее состояніе продолжится до весны или лѣта, то, можетъ быть, мнѣ удастся еще приготовить что-нибудь къ печати, кромѣ перваго тома «Мертвыхъ Душъ». Но лѣто, лѣто... Мнѣ непремѣнно нужна дорога, дорога, далекая. Какъ это сдѣлать? Но... Богъ милостивъ. Прощай!

30. С. Т. Аксакову.

Марта 5 (1841). Римъ.

Мнѣ грустно такъ долго не получать отъ васъ вѣсти, Сергѣй Тимоѳеевичъ. Но, можетъ быть, я самъ виноватъ: можетъ быть, вы ожидали высылки мною обѣщанныхъ измѣненій и приложеній, слѣдуемыхъ ко 2 изданію «Ревизора». Но я не могъ найти нигдѣ ихъ. Теперь только случаемъ нашелъ ихъ тамъ, гдѣ не думалъ. Еслибъ вы знали, какъ мнѣ скучно теперь заниматься тѣмъ, что̀ нужно, на скорую руку, — какъ мнѣ тягостно на мигъ оторваться отъ труда, наполняющаго нынѣ всю мою душу! Но вотъ вамъ, наконецъ, эти приложенія. Здѣсь письмо, писанное мною къ Пушкину, по его собственному желанію [1]). Онъ былъ тогда въ деревнѣ. Піеса игралась безъ него. Онъ хотѣлъ писать полный разборъ ея для своего журнала, и меня просилъ увѣдомить, какъ она была выполнена на сценѣ. Письмо осталось у меня не отправленнымъ, потому что онъ скоро пріѣхалъ самъ. Изъ этого письма я выключилъ то, что̀ собственно могло быть интересно для меня и для него, и оставилъ только то, что̀ можетъ быть интересно для будущей постановки «Ревизора», если она когда-нибудь состоится. Мнѣ кажется, что прилагаемый отрывокъ будетъ нелишнимъ для умнаго актера, которому случится исполнять роль Хлестакова. Это письмо подъ такимъ названіемъ, какое на немъ выставлено, нужно отнесть на конецъ піесы, а за нимъ непосредственно слѣдуютъ двѣ прилагаемыя выключенныя изъ піесы сцены. Небольшую характеристику ролей, которая находится въ началѣ книги перваго изданія, нужно исключить. Она вовсе не нужна. У Погодина возьмите прило-

[1]) «Письмо къ одному литератору», наставленіе артистамъ о томъ, какъ слѣдуетъ играть «Ревизора».

женное въ его письмѣ измѣненіе четвертаго акта, которое совершенно необходимо. Хорошо бы издать «Ревизора» въ миніатюрномъ форматѣ, а впрочемъ, какъ найдете лучшимъ.

Теперь я долженъ съ вами поговорить о дѣлѣ важномъ. Но объ этомъ сообщитъ вамъ Погодинъ. Вы вмѣстѣ съ нимъ сдѣлаете совѣщаніе, какъ устроиться лучше. Я теперь прямо и открыто прошу помощи, ибо имѣю право и чувствую это въ душѣ. Да, другъ мой! я глубоко счастливъ. Несмотря на мое болѣзненное состояніе, которое опять немного увеличилось, я слышу и знаю дивныя минуты. Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей, и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушенье не происходитъ отъ человѣка; никогда не выдумать ему такого сюжета! О, еслибы еще три года съ такими свѣжими минутами! Столько жизни прошу, сколько нужно для окончанія труда моего; больше ни часу мнѣ не нужно. Теперь мнѣ нужны необходимо дорога и путешествіе: онѣ однѣ, какъ я уже говорилъ, возстановляютъ меня. У меня всѣ средства истощились уже нѣсколько мѣсяцевъ. Для меня нужно сдѣлать заемъ. Погодинъ вамъ скажетъ. Въ началѣ же 42 года выплатится мною все, потому что одно то, которое уже у меня готово и которое, если дастъ Богъ, напечатаю въ концѣ текущаго года, уже достаточно для уплаты.

Теперь я вашъ; Москва моя родина. Въ началѣ осени я прижму васъ къ моей русской груди. Все было дивно и мудро расположено Высшею Волею: и моій пріѣздъ въ Москву, и мое нынѣшнее путешествіе въ Римъ, — все было благо. Никому не говорите ничего ни о томъ, что буду къ вамъ, ни о томъ, что я тружусь — словомъ, ничего. Но я чувствую какую то робость возвращаться одному. Мнѣ тягостно и почти невозможно теперь заняться дорожными мелочами и хлопотами. Мнѣ

нужно спокойствіе и самое счастливое, самое весслое, сколько можно, расположеніе души; меня теперь нужно беречь и лелѣять. Я придумалъ вотъ что: пусть за мною пріѣдутъ Михаилъ Семеновичъ и Константинъ Сергѣевичъ [1]: имъ же нужно, — Михаилу Семеновичу для здоровья, Константину Сергѣевичу для жатвы, за которую уже пора ему приняться. А милѣе душѣ моей этихъ двухъ, которые могли бы за мною пріѣхать, не могло бы для меня найтиться никого. Я бы ѣхалъ тогда съ тѣмъ же молодымъ чувствомъ, какъ школьникъ въ каникулярное время ѣдетъ изъ надоѣвшей школы домой подъ родную крышу и вольный воздухъ. Меня теперь нужно лелѣять не для меня, нѣтъ! Они сдѣлаютъ небезполезное дѣло. Они привезутъ съ собой глиняную вазу. Конечно, эта ваза теперь вся въ трещинахъ, довольно стара и еле держится; но въ этой вазѣ теперь заключено сокровище; стало быть, ее нужно беречь. Жду вашего отвѣта; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Еслибы вы знали, какъ я теперь жажду обнять васъ! До свиданья! Какъ прекрасно это слово...

31. П. А. Плетневу.

7 января 1842 г. Москва.

Разстроенный и тѣломъ и духомъ, пишу къ вамъ. Сильно хотѣлъ бы ѣхать теперь въ Петербургъ; мнѣ это нужно, это я знаю, и при всемъ томъ не могу. Никогда такъ не впору не подвернулась ко мнѣ болѣзнь, какъ теперь. Припадки ея приняли теперь такіе странные образы... но Богъ съ ними! Не объ болѣзни, а объ цензурѣ я теперь долженъ говорить.

Ударъ для меня никакъ неожиданный: запрещаютъ всю рукопись [2]. Я отдаю сначала ее цензору Снеги-

[1] Щепкинъ и сынъ С. Т., К. С.
[2] «Мертвыхъ Душъ».

реву [1]), который нѣсколько толковѣе другихъ, съ тѣмъ, что если онъ находитъ въ ней какое-нибудь мѣсто, наводящее на него сомнѣніе, чтобъ объявилъ мнѣ прямо, что я тогда посылаю ее въ Петербургъ. Снегиревъ чрезъ два дни объявляетъ мнѣ торжественно, что рукопись онъ находитъ совершенно благонамѣренной, и въ отношеньи къ цѣли, и въ отношеніи къ впечатлѣнію, производимому на читателя, и что кромѣ одного незначительнаго мѣста — перемѣны двухъ-трехъ именъ (на которыя я тотъ же часъ согласился и измѣнилъ) нѣтъ ничего, что бы могло навлечь притязанья цензуры самой строгой. Это же самое онъ объявилъ и другимъ. Вдругъ Снегирева сбилъ кто то съ толку, и я узнаю, что онъ представляетъ мою рукопись въ комитетъ. Комитетъ принимаетъ ее такимъ образомъ, какъ будто уже былъ приготовленъ заранѣе и былъ настроенъ разыграть комедію: ибо обвиненія, всѣ безъ исключенія, были комедія въ высшей степени. Какъ только, занимавшій мѣсто президента, Голохвастовъ [2]) услышалъ названіе «Мертвыя Души», — закричалъ голосомъ древняго римлянина: — «Нѣтъ, этого я никогда не позволю: душа бываетъ безсмертна; мертвой души не можетъ быть; авторъ вооружается противъ безсмертья». Въ силу, наконецъ, могъ взять въ толкъ умный президентъ, что дѣло идетъ объ ревижскихъ душахъ. Какъ только взялъ онъ въ толкъ и взяли въ толкъ вмѣстѣ съ нимъ другіе цензора, что мертвыя значитъ ревижскія души, произошла еще бо̀льшая кутерьма. «Нѣтъ!» закричалъ предсѣдатель и за нимъ половина цензоровъ: «этого и подавно нельзя позволить, хотя бы въ рукописи ничего не было, а стояло только одно слово: ревижская душа; ужъ этого нельзя позволить, это значитъ противъ крѣпостного права». Наконецъ самъ Снегиревъ

---

[1]) Извѣстный профессоръ и цензоръ.
[2]) Помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа.

увидѣлъ, что дѣло зашло ужъ очень далеко; сталъ увѣрять цензоровъ, что онъ рукопись читалъ и что о крѣпостномъ правѣ и намековъ нѣтъ, что даже нѣтъ обыкновенныхъ оплеухъ, которыя раздаются во многихъ повѣстяхъ крѣпостнымъ людямъ; что здѣсь совершенно о другомъ рѣчь; что главное дѣло основано на смѣшномъ недоумѣніи продающихъ и на тонкихъ хитростяхъ покупщика и на всеобщей ералашѣ, которую произвела такая странная покупка, что это — рядъ характеровъ, внутренній бытъ Россіи и нѣкоторыхъ обитателей, собраніе картинъ самыхъ невозмутительныхъ. Но ничего не помогло.

«Предпріятіе Чичикова» стали кричать всѣ: «есть уже уголовное преступленіе». — «Да, впрочемъ, и авторъ не оправдываетъ его», замѣтилъ мой цензоръ. — «Да, не оправдываетъ, а вотъ онъ выставилъ его теперь, и пойдутъ другіе брать примѣръ и покупать мертвыя души». — Вотъ какіе толки! Это толки цензоровъ-азіатцевъ, то есть людей старыхъ, выслужившихся и сидящихъ дома. Теперь слѣдуютъ толки цензоровъ-европейцевъ, возвратившихся изъ-за границы, людей молодыхъ. «Что вы ни говорите, а цѣна, которую даетъ Чичиковъ» (сказалъ одинъ изъ такихъ цензоровъ, именно Крыловъ [1]), «цѣна два съ полтиною, которую онъ даетъ за душу, возмущаетъ душу. Человѣческое чувство вопіетъ противъ этого; хотя, конечно, эта цѣна дается только за одно имя, написанное на бумагѣ, но все же это имя душа, душа человѣческая; она жила, существовала. Этого ни во Франціи, ни въ Англіи и нигдѣ нельзя позволить. Да послѣ этого ни одинъ иностранецъ къ намъ не пріѣдетъ».

Это главные пункты, основываясь на которыхъ произошло запрещеніе рукописи. Я не разсказываю вамъ о другихъ мелкихъ замѣчаніяхъ, какъ то въ одномъ

[1]) Профессоръ и цензоръ.

мѣстѣ сказано, что одинъ помѣщикъ разорился, убирая себѣ домъ въ Москвѣ въ модномъ вкусѣ. «Да, вѣдь и государь строитъ въ Москвѣ дворецъ!» — сказалъ цензоръ Каченовскій. Тутъ, по поводу, завязался у цензоровъ разговоръ единственный въ мірѣ. Потомъ произошли другія замѣчанья, которыя даже совѣстно пересказывать, и наконецъ дѣло кончилось тѣмъ, что рукопись объявлена запрещенною, хотя комитетъ только прочелъ три или четыре мѣста.

Вотъ вамъ вся исторія. Она почти невѣроятна, а для меня въ добавку подозрительна. Подобной глупости нельзя предположить въ человѣкѣ. Цензора не всѣ же глупы до такой степени. Я думаю, что противъ меня что-нибудь есть. Но дѣло, между прочимъ, для меня слишкомъ серьезно. Изъ-за ихъ комедій или интригъ мнѣ похмелье. У меня, вы сами знаете, всѣ мои средства и все мое существованье заключены въ моей поэмѣ. Дѣло клонится къ тому, чтобы вырвать у меня послѣдній кусокъ хлѣба, выработанный семью годами самоотверженья, отчужденья отъ міра и всѣхъ его выгодъ. Другого я ничего не могу предпринять для моего существованія. Усиливающееся болѣзненное мое расположеніе и недуги лишаютъ меня даже возможности продолжать далѣе начатый трудъ. Свѣтлыхъ минутъ у меня не много, а теперь просто отымаются руки. Но что я пишу вамъ, уже не помню; я думаю, вы не разберете вовсе моей руки. Дѣло вотъ въ чемъ. Вы должны теперь дѣйствовать соединенными силами и доставить рукопись къ государю. Я объ этомъ пишу къ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой. Я просилъ ее чрезъ великихъ княженъ или другими путями. Это — ваше дѣло; объ этомъ вы сдѣлаете совѣщаніе вмѣстѣ. Попросите Алекс(андру) Осипов(ну), чтобы она прочла сама мое письмо. Это вамъ нужно. Рукопись моя у князя Одоевскаго. Вы прочитайте ее вмѣстѣ, человѣка три-четыре, не больше; не нужно объ этомъ дѣлѣ про-

изводить огласки. Только тѣ, которые меня очень любятъ, должны знать. Я твердо полагаюсь на вашу дружбу и на вашу душу, и нечего между нами тратить больше словъ!..

32. Ему же.

17 марта (1842). Москва.

Вотъ уже вновь прошло три недѣли послѣ письма вашего, въ которомъ вы извѣстили меня о совершенномъ окончаніи дѣла, а рукописи [1]) нѣтъ какъ нѣтъ. Уже постоянно каждыя двѣ недѣли я посылаю каждый день освѣдомиться на почту, въ университетъ, и во всѣ мѣста, куда бы только она могла быть адресована,— и нигдѣ никакихъ слуховъ! Боже, какъ истомили, какъ измучили меня всѣ эти ожиданья и тревоги! А время уходитъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе вижу возможности успѣть съ ея печатаньемъ. Увѣдомьте меня, ради Бога, что̀ случилось, чтобы я хотя, по крайней мѣрѣ, зналъ, что она не пропала на почтѣ, чтобы зналъ, что̀ мнѣ предпринять.

Я силился написать для «Современника» статью, во многихъ отношеніяхъ современную, мучилъ себя, терзалъ всякій день, и не могъ ничего написать, кромѣ трехъ безпутныхъ страницъ, которыя тотъ же часъ истребилъ. Но какъ бы то ни было, вы не скажете, что я не сдержалъ своего слова. Посылаю вамъ повѣсть мою «Портретъ». Она была напечатана въ «Арабескахъ», но вы этого не пугайтесь. Прочитайте ее: вы увидите, что осталась одна только канва прежней повѣсти, что все вышито по ней вновь. Въ Римѣ я ее передѣлалъ вовсе, или, лучше, написалъ вновь, вслѣдствіе сдѣланныхъ еще въ Петербургѣ замѣчаній. Вы, можетъ быть, даже увидите, что она болѣе, чѣмъ какая другая, со-

[1]) «Мертвыхъ Душъ», посланныхъ съ Бѣлинскимъ въ Петербургъ.

отвѣтствуетъ скромному и чистому направленью вашего[1]) журнала. Да, вашъ журналъ не долженъ заниматься тѣмъ, чѣмъ занимается торопящійся, шумный современный свѣтъ. Его цѣль другая: это—благоуханье цвѣтовъ, растущихъ уединенно на могилѣ Пушкина. Рыночная толпа не должна знать къ нему дороги — съ нея довольно славнаго имени поэта — но только одни сердечные друзья должны сюда сходиться, съ тѣмъ, чтобы безмолвно пожать другъ другу руку и предаться хоть разъ въ годъ тихому размышленію. Вы говорите, что я бы могъ достославно подвизаться на журнальномъ поприщѣ, но что у меня для этого нѣтъ терпѣнья. Нѣтъ, у меня нѣтъ для этого способностей. Отвлеченный писатель и журналистъ такъ же не могутъ соединиться въ одномъ человѣкѣ, какъ не могутъ соединить(ся) теоретикъ и практикъ. Притомъ каждый писатель уже означенъ своеобразнымъ выраженіемъ таланта, и потому никакъ нельзя для нихъ вывести общаго правила. Одному данъ умъ быстрый схватывать мгновенно всѣ предметы міра въ минуту ихъ представленія; другой можетъ сказать свое слово, только глубоко обдумавши, иначе его слово будетъ глупѣе всякаго обыкновеннаго слова, произнесеннаго самымъ обыкновеннымъ человѣкомъ. Ничѣмъ другимъ не въ силахъ я заняться теперь, кромѣ одного постояннаго труда моего. Онъ великъ и великъ, и вы не судите о немъ по той части, которая готовится теперь предстать на свѣтъ (если только будетъ конецъ ея непостижимому странствію). Это больше ничего, какъ только крыльцо къ тому дворцу, который во мнѣ строится. Трудъ мой занялъ меня совершенно всего, и оторваться отъ него на минуту — есть уже мое несчастіе. Здѣсь, во время пребыванья моего въ Москвѣ, я думалъ заняться отдѣльно отъ этого труда, написать одну-двѣ статьи, но-

[1]) «Современникъ».

тому что заняться чѣмъ-нибудь важнымъ я здѣсь не могу. Но вышло напротивъ: я даже не въ силахъ собрать себя.

Притомъ уже въ самой природѣ моей заключена способность только тогда представлять себѣ живо міръ, когда я удалился отъ него. Вотъ почему о Россіи я могу писать только въ Римѣ. Только тамъ она предстаетъ мнѣ вся, во всей своей громадѣ. А здѣсь я погибъ и смѣшался въ ряду съ другими. Открытаго горизонта нѣтъ предо мною. Притомъ здѣсь, кромѣ могущихъ смутить меня внѣшнихъ причинъ, я чувствую физическое препятствіе писать. Голова моя страдаетъ всячески: если въ комнатѣ холодно, мои мозговые нервы ноютъ и стынутъ, и вы не можете себѣ представить, какую муку чувствую я всякій разъ, когда стараюсь въ то время пересилить себя, взять власть надъ собою и заставить голову работать; если же комната натоплена, тогда этотъ искусственный жаръ меня душитъ совершенно; малѣйшее напряженіе производитъ въ головѣ такое страннос сгущеніе всего, какъ будто бы она хотѣла треснуть. Въ Римѣ я писалъ предъ открытымъ окномъ, обвѣваемый благотворнымъ и чудотворнымъ для меня воздухомъ. Но вы сами въ душѣ вашей можете чувствовать, какъ сильно могу я иногда страдать въ то время, когда другому никому не видны мои страданья. Давно остывши и угаснувъ для всѣхъ волненій и страстей міра, я живу своимъ внутреннимъ міромъ, и тревога въ этомъ мірѣ можетъ нанести мнѣ несчастіе, выше всѣхъ мірскихъ несчастій. Участье ваше мнѣ дорого: не оставьте письма моего безъ отвѣта. напишите сейчасъ вашу строчку.

Повѣсть не раздѣляйте на два нумера, но помѣстите ее всю въ одной книжкѣ и отпечатайте для меня десятокъ экземпляровъ. Скажите, какъ вы нашли ее? (мнѣ нужно говорить откровенно). Если встрѣтите погрѣшности въ слогѣ, исправьте. Я не въ силахъ былъ про-

честь ее теперь внимательно. Голова моя глупа, душа не спокойна. Боже, думалъ ли я вынести столько томленій въ этотъ пріѣздъ мой въ Россію!..

Посылаю вамъ отдѣльныя брошюры статьи, напечатанной въ «Москвитянинѣ» [1]). Разошлите по адресамъ. А двѣ недописанныя я опредѣлилъ: одну для наслѣдника, онъ былъ въ Римѣ: она ему напомнитъ лучшее время его путешествія, когда онъ такъ весело предавался общей веселости и былъ участникомъ во многомъ хорошемъ; а другой экземпляръ для в(еликой) к(нягини) Маріи Николаевны [2]). Велите переплести ихъ въ форменную папку. Послѣдней я почитаю нынѣ священнымъ долгомъ представить ее. Два другіе экземпляра дайте, кому найдете приличнымъ; а не то — Прокоповичу.

33. Ему же.

Москва, 10 апрѣля 1842.

Уничтоженіе Копейкина [3]) меня сильно смутило! Это одно изъ лучшихъ мѣстъ въ поэмѣ, и безъ него — прорѣха, которой я ничѣмъ не въ силахъ заплатить и зашить. Я лучше рѣшился передѣлать его, чѣмъ лишиться вовсе. Я выбросилъ весь генералитетъ. Характеръ Копейкина означилъ сильнѣе, такъ что теперь видно ясно, что онъ всему причиною самъ и что съ нимъ поступили хорошо. Присоедините вашъ голосъ и подвиньте кого слѣдуетъ. Вы говорите, что отъ покровительства высшихъ нужно быть подальше, потому что они всякую копейку дѣлаютъ алтыномъ. Клянусь, я готовъ теперь рублемъ почитать всякую копейку, которая дается на мою бѣдную рукопись. Но я думаю

---

[1]) «Римъ».
[2]) Лейхтенбергской.
[3]) «Повѣсть о кап. Копейкинѣ» была первоначально совсѣмъ зачеркнута петербургской цензурой и затѣмъ разрѣшена съ большими смягченіями.

даже, что одинъ Никитенко [1]) можетъ теперь ее пропустить. Прочитайте, вы увидите сами. Третьяго дня я получилъ отъ него письмо, изъ котораго видно, что онъ подвигнутъ ко мнѣ участьемъ. Передайте ему при семъ прилагаемый отвѣтъ и листы Копейкина и упросите безъ малѣйшей задержки передать вамъ для немедленной пересылки ко мнѣ, ибо печатанье рукописи уже началось.

Весь вашъ *Гоголь*.

34. Н. Я. Прокоповичу.

Апрѣля 15 (1842, изъ Москвы).

Что же ты замолчалъ? Теперь переписка завязалась между нами, и потому не должна уже прерываться никогда. Она обратилась въ дѣльную, а это ручательство за ея долговременность и аккуратность.

Прежде всего: къ Плетневу о «Копейкинѣ». Я боюсь, чтобы не затянулось, а безъ «Копейкина» я не могу и подумать выпустить рукописи. Скажи, что я молю отстапвать во что бы то ни стало. Просто срамъ цензурѣ, потому что теперь въ томъ видѣ, какъ я передѣлалъ и послалъ Плетневу, никакая цензура не можетъ сдѣлать привязки. Если имя «Копейк(ин)а» ихъ остановитъ, то я готовъ назвать его Пяткинымъ и чѣмъ ни попало. Впрочемъ, имя Копейкина вездѣ и въ другихъ мѣстахъ оставила цензура. Теперь второе: рукопись моя, безъ сомнѣнія, уже побывала во многихъ рукахъ въ Петербургѣ, стало-быть, о ней носятся толки. Пожалуйста, развѣдай, какъ и что говорятъ о ней, и, если можно, перескажи мнѣ съ сохраненьемъ самой физіогноміи замѣчаній. Это мнѣ очень нужно и полезно. Наконецъ, третье: навести тебя на движенье и на дѣятельную работу могу только одинъ я, а какимъ обра-

[1]) Профессоръ и цензоръ.

зомъ, — объ этомъ поговоримъ при встрѣчѣ, и ты почувствуешь истину словъ моихъ. Печатанье мое шло бы успѣшно, но праздники помѣшаютъ въ продолженіе почти полторы недѣли. Нельзя никакими силами заставить здѣсь наборщиковъ работать...

35. Ему же [1]).

Гастейнъ. Іюль 27/15 (1842).

Я къ тебѣ еще не посылаю остальныхъ двухъ лоскутковъ [1]), потому что многое нужно переправить, особливо въ «*Театральномъ разъѣздѣ послѣ представленія новой піесы*». Она написана сгоряча, скоро послѣ представленія «Ревизора» и потому немножко не скромна въ отношеніи къ автору. Ее нужно сдѣлать нѣсколько идеальнѣй, т.-е. чтобы ее примѣнить можно было ко всякой піесѣ, задирающей общественныя злоупотребленія, а потому я прошу тебя не намекать и не выдавать ее, какъ написанную по случаю «Ревизора».

При корректурѣ второго тома прошу тебя дѣйствовать какъ можно самоуправнѣй и полновластнѣй: въ «*Тарасѣ Бульбѣ*» много есть погрѣшностей писца. Онъ часто любитъ букву *и*; гдѣ она не у мѣста, тамъ ее выбрось; въ двухъ-трехъ мѣстахъ я замѣтилъ плохую грамматику и почти отсутствіе смысла. Пожалуйста, поправь вездѣ съ такою же свободою, какъ ты переправляешь тетради своихъ учениковъ. Если гдѣ частое повтореніе одного и того же оборота періодовъ, дай имъ другой, и никакъ не сомнѣвайся и не задумывайся, будетъ ли хорошо, — все будетъ хорошо. Да вотъ что самое главное: въ нынѣшнемъ спискѣ слово: «слышу», произнесенное Тарасомъ предъ казнью Остапа, замѣнено словомъ: «чую». Нужно оставить попрежнему, т.-е. «*Батько, гдѣ ты?* Слышишь ли ты

[1]) Прокоповичъ печаталъ тогда собраніе сочиненій Гоголя.

это?»—«Слышу». Я упустилъ изъ виду, что къ этому слову уже привыкли читатели, и потому будутъ недовольны перемѣною, хотя бы она была и лучше. Да, пожалуйста, попроси Бѣлинскаго отпечатать для меня особенно листки критики «Мертвыхъ Душъ», если она будетъ въ «Отечест. Записк.» на бумагѣ, если можно, потонѣе, чтобы можно было прислать мнѣ ее прямо въ письмѣ, и присылай мнѣ по листамъ, по мѣрѣ того, какъ будетъ выходить. Еще: я совсѣмъ позабылъ, что «Ревизоръ» безъ конца. Писецъ не разобралъ примѣчаній объ одной нѣмой сценѣ и оставилъ чистое мѣсто. Вотъ конецъ:

(Слѣдуетъ заключительная сцена изъ «Ревизора»).

Всѣ эти слова, само собою разумѣется, надобно напечатать курсивомъ.

Еще къ статьѣ «Характеры и костюмы», которая предшествуетъ комедіи, нужно прибавить на концѣ слѣдующее:

(Слѣдуетъ заключительный періодъ «Замѣчаній для господъ актеровъ»)...

36. М. С. Щепкину.

Римъ. Ноября 28 (1842).

Здравствуйте, Михайлъ Семеновичъ!

Послѣ надлежащаго лобзанья поведемъ вотъ какую рѣчь. Вы уже имѣете «Женитьбу»; не довольно ли этого на одинъ спектакль? Я говорю это въ разсужденіи того, что мнѣ хочется, чтобы вамъ что-нибудь осталось на будущіе разы; а впрочемъ, вы распоряжайтесь, какъ вамъ лучше. Вы тутъ полный господинъ. Всѣ драматическіе отрывки и сцены, заключающіеся въ четвертомъ томѣ моихъ сочиненій (ихъ числомъ пять), всѣ исключительно принадлежатъ вамъ. Объ этомъ я уже написалъ къ издателю моихъ сочиненій,

Прокоповичу, и просилъ Плетнева объявить Гедеонову, а вамъ прилагаю нарочно при семъ письмецо, которое бы вы могли показать всякому, кто вздумаетъ оспаривать ваше право. Только послѣдняя піеса: «Театральный Разъѣздъ» остается неприкосновенною, потому что ей неприлично предстать на сценѣ. Сосницкому [1]) вы напишите, что вслѣдствіе моего прежняго желанья, «Женитьба» вамъ идетъ обоимъ, но съ тѣмъ только, чтобы въ одинъ день былъ бенефисъ обоихъ васъ. А между тѣмъ займитесь серьезно постановкою «Ревизора». Живокини [2]), за похвальное поведеніе, можно будетъ уступить который-нибудь изъ драматическихъ кусочковъ. Впрочемъ, объ этомъ всемъ вы потолкуйте прежде съ Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ и поступите, какъ найдете приличнымъ. Для успѣшнаго произведенья нѣмой сцены, въ концѣ «Ревизора», одинъ изъ актеровъ долженъ скомандовать, невидимо для зрителя. Это долженъ сдѣлать жандармъ, произнеся, по окончаніи рѣчи, тотъ самый звукъ, который издается женщинами, — натурально, не открывая рта; попросту — икнуть. Это будетъ сигналъ для всѣхъ. «Женитьбу», я думаю, вы уже знаете, какъ повести, потому что, слава Богу, человѣкъ вы не холостой; а Живокини, который будетъ женить васъ, вы можете внушить все, что̀ слѣдуетъ, — тѣмъ болѣе, что вы слышали меня, читавшаго эту роль. Да, вотъ исправьте одну ошибку въ словахъ Кочкарева, гдѣ̀ говоритъ онъ о плеваніи. Значится такъ, какъ будто бы ему плевали въ лицо. Это ошибка, происшедшая отъ нерасторопности писца, перепутавшаго строки и пропустившаго. Монологъ долженъ начаться вотъ какъ:

«Да что̀ жъ за бѣда? Вѣдь инымъ нѣсколько разъ плевали, ей Богу! Я знаю тоже одного... прекраснѣйшій собою мужчина, румянецъ во всю щеку; его-

---

[1]) и [2]) Знаменитые артисты.

зилъ онъ и надоѣдалъ онъ до тѣхъ поръ своему начальнику, покамѣстъ тотъ не вынесъ и плюнулъ ему въ самое лицо» и т. д.

Напишите Сосницкому, что я очень просилъ его, чтобы онъ пріискалъ хорошаго жениха, потому что эта роль, хотя не такъ, повидимому, значительна, какъ Кочкарева, но требуетъ таланта, и скажите ему, что мнѣ бы очень желалось, чтобы вы сыграли вмѣстѣ въ этой піесѣ: онъ Кочкарева, а вы Подколесина; тогда будетъ славный спектакль. Вы же, я полагаю, вѣрно, будете зимою въ Петербургѣ.

Прощайте, обнимаю васъ. Сейчасъ вслѣдъ за этимъ письмомъ отправляю письмо къ Сергѣю Тимоѳеевичу. Вѣроятно, вы ихъ получите въ одно время. Мнѣ кажется, что я вамъ совѣтовалъ вмѣстѣ съ «Женитьбой» дать «Утро дѣлового человѣка». А впрочемъ, распоряжайтесь по-своему.

37. Ему же.

Только что получилъ ваше письмо, Михаилъ Семеновичъ, писанное вами отъ 24 октября. Отвѣчать мнѣ на него теперь нечего, потому что вы уже знаете мои распоряженія. Три дня тому назадъ, я отправилъ къ вамъ письмо, которое вы уже, безъ сомнѣнія, получили. Не стыдно ли вамъ быть такъ неблагоразумну! Вы хотите все повѣсить на одномъ гвоздѣ, прося на пристяжку къ «Женитьбѣ», новую, какъ вы называете, комедію «Игроки». Во-первыхъ, она не новая, потому что написана давно; во-вторыхъ, не комедія, а просто — комическая сцена; а въ-третьихъ, для васъ даже тамъ нѣтъ роли. И кто васъ толкаетъ непремѣнно наполнить бенефисъ моими піесами? Какъ не подумать хотя сколько-нибудь о будущемъ, которое сидитъ у васъ почти на самомъ носу, — напримѣръ, хоть бы о спектаклѣ вашемъ, по случаю исполненія вамъ двадцати-

лѣтней службы? Развѣ вы не чувствуете, что теперь вамъ стоитъ одинъ только какой-нибудь клочокъ мой дать въ свой бенефисъ, да пристегнуть двѣ-три самыя изношенныя піесы, и театръ уже будетъ набитъ биткомъ? Понимаете ли вы это? Понимаете ли вы, что имя мое въ модѣ, что я сдѣлался теперь моднымъ человѣкомъ, до тѣхъ поръ, покамѣстъ меня не сгонитъ съ моднаго поприща какой-нибудь Боско, Тальони, а, можетъ быть, и новая нѣмецкая опера съ машинами и нѣмецкими пѣвцами? Помните себѣ хорошенько, что ужъ отъ меня больше ничего не дождетесь: я не могу и не буду писать ничего для театра. Итакъ, распорядитесь поумнѣе. Это я вамъ очень совѣтую: возьмите на первый разъ изъ моихъ только «Женитьбу» и «Утро дѣлового человѣка», а на другой разъ у васъ остается вотъ что: «Тяжба», въ которой вы должны играть роль тяжущагося [1]), «Игроки» и «Лакейская», гдѣ вамъ предстоитъ Дворецкій, — роль хотя и маленькая, но которой вы можете дать большее значеніе. Все это вы можете перемѣшивать другими піесами, которыя вамъ Богъ пошлетъ. Старайтесь только, чтобы піесы мои не слѣдовали непосредственно одна за другою, но чтобы промежутокъ былъ занятъ чѣмъ-нибудь инымъ. Вотъ какъ я думаю и какъ бы, мнѣ казалось, надлежало поступить сообразно съ благоразуміемъ; а впрочемъ ваша воля. За письмо ваше все-таки много васъ благодарю, потому что оно письмо отъ васъ. А на театральную дирекцію не сѣтуйте. Она дѣло свое хорошо дѣлаетъ. Москву потчевали уже всякимъ добромъ; почему жъ не попотчевать ее нѣмецкими пѣвцами? Что же до того, что вамъ, де, нѣтъ работы, это стыдно вамъ говорить. Развѣ вы позабыли, что есть старыя, запран-

---

[1]) Помните, что онъ нѣсколько похожъ на охотника, атукающаго на зайца, что, при разсказѣ дѣла его, мечется изъ угла въ уголъ, потому что дѣло слишкомъ близко къ его рубашкѣ, или тѣлу.

Прим. Н. В. Гоголя.

ныя, заброшенныя піесы? Развѣ вы позабыли, что для актера нѣтъ старой роли, что онъ новъ вѣчно? Теперь то именно, въ минуту, когда горько душѣ, теперь то вы должны показать въ лицо свѣту, что̀ такое актеръ. Переберите-ка въ памяти вашей старый репертуаръ да взгляните свѣжими и нынѣшними очами, собравши въ душу всю силу оскорбленнаго достоинства. Заманить же публику на старыя піесы вамъ теперь легко. У васъ есть приманка, — именно, мои клочки. Смѣшно думать, чтобы вы могли быть у кого-нибудь во власти. Дирекція все-таки правится публикою, а публикою правитъ актеръ. Вы помните, что публика почти то же, что̀ застѣнчивая и неопытная кошка, которая до тѣхъ поръ, пока ее, взявши за уши, не натолчешь мордою въ соусъ и покамѣстъ этотъ соусъ не вымазалъ ей и носа, и губъ, она до тѣхъ поръ не станетъ ѣсть соуса, какихъ ни читай ей наставленій. Смѣшно думать, чтобъ нельзя было, наконецъ, заставить ее войти глубже въ искусство комическаго актера, — искусство, такое сильное и такъ ярко говорящее всѣмъ въ очи. Вамъ предстоитъ долгъ заставить, чтобъ не для автора піесы и не для піесы, а для актера-автора ѣздили въ театръ.

Вы спрашиваете въ письмѣ о костюмахъ. Но вѣдь клочки мои не изъ среднихъ вѣковъ. Одѣньте ихъ прилично, сообразно и чтобы ничего не было карикатурнаго — вотъ и все. Но объ этомъ въ сторону! Позаботьтесь больше всего о хорошей постановкѣ «Ревизора». Слышите ли? я говорю вамъ это очень серьезно. У васъ, съ позволенія вашего, ни въ комъ ни на копейку нѣтъ чутья. Да, еслибы Живокини былъ крошку поумнѣй, онъ бы у меня вым(олилъ) на бенефисъ себѣ «Ревизора», и ничего бы другого вмѣстѣ съ нимъ не давалъ, а объявилъ бы только, что будетъ «Ревизоръ» въ новомъ видѣ, совершенно передѣланный, съ перемѣнами, прибавленіями, новыми сценами, а роль

Хлестакова будетъ играть самъ бенефиціантъ; да у него биткомъ бы набилось наро(ду) въ театръ.

Вотъ же я вамъ говорю — и вы вспомните потомъ мое слово, что на возобновленнаго «Ревизора» гораздо будутъ ѣздить больше, чѣмъ на прежняго. И зарубите еще одно мое слово, что въ этомъ году, именно въ нынѣшнюю зиму, гораздо болѣе разнюхаютъ и почувствуютъ значеніе истиннаго комическаго актера. Еще вотъ вамъ слово: вы напрасно говорите въ письмѣ, что старѣетесь. Вашъ талантъ не такого рода, чтобы старѣться. Напротивъ, зрѣлыя лѣта ваши только что отняли часть того жару, котораго у васъ было слишкомъ много и который ослѣплялъ ваши очи и мѣшалъ взглянуть вамъ ясно на вашу роль. Теперь вы стали въ нѣсколько разъ выше того Щепкина, котораго я видѣлъ прежде. У васъ теперь есть то высокое спокойствіе, котораго прежде не было; вы теперь можете царствовать въ вашей роли, тогда какъ прежде вы все еще какъ то метались. Если вы этого не слышите и не замѣчаете сами, то повѣрьте же сколько-нибудь мнѣ, согласясь, что я могу знать сколько-нибудь въ этомъ толкъ. И еще вотъ вамъ слово. Благодарите Бога за всякія препятствія: они необыкновенному человѣку необходимы. Вотъ тебѣ бревно подъ ноги — прыгай, а не то подумаютъ, что у тебя куриный шагъ и не могутъ вовсе растопыриться ноги. Увидите, что для васъ настанетъ еще такое время, когда будутъ ѣздить въ театръ для того, чтобы не проронить ни одного слова, произнесеннаго вами, и когда будутъ взвѣшивать это слово.

Итакъ, съ Богомъ за дѣло! Прощайте и будьте здоровы. Обнимаю васъ. За репетиціями хорошо смотрите и все-таки что-нибудь напишите мнѣ о томъ, что̀ первое скажется у васъ на сердцѣ...

38. К. С. Аксакову.

(1842).

Благодарю васъ, Константинъ Сергѣевичъ, за ваше письмо и за вѣсти о «Мертвыхъ Душахъ», а за статью вашу или критику не благодарю, потому что не получилъ ея. Я бы хотѣлъ тоже прислужиться вамъ кое-какими услугами, но услуги мои будутъ черствы, и къ тому же я знаю, что вы, любя меня, не любите, однакожъ, слушать словъ моихъ, если они касаются лично васъ. Итакъ, оставя услуги и просьбы, я вамъ посылаю просто упрекъ! Я не прощу вамъ того, что вы охладили во мнѣ любовь къ Москвѣ. Да, до нынѣшняго моего пріѣзда въ Москву я только любилъ ее, но вы умѣли сдѣлать смѣшнымъ самый святой предметъ. Толкуя безпрестанно одно и то же, пристегивая сбоку при всякомъ случаѣ Москву, вы не чувствовали, какъ охлаждали самое святое чувство, вмѣсто того, чтобы живить его. Мнѣ было горько, когда лилось черезъ край ваше излишество и когда смѣялись этому излишеству. Всякую мысль, повторяя ее двадцать разъ, можно сдѣлать пошлою. Чувствуете ли вы страшную истину этихъ словъ? «Не пріемли имени Господа Бога твоего всуе!» Но вы горды, не хотите сознаться въ своихъ проступкахъ, или, лучше, вы не видите ихъ. Вы двадцать разъ готовы увѣрять, что вы безпристрастны, что вы ничѣмъ не увлекаетесь, что все то чистая правда, что̀ вы говорите. Вы твердо увѣрены, что уже стали на высшую точку разума, что не можете уже быть умнѣе. Не изумляйтесь, что разразилась надъ вами вдругъ гроза такихъ упрековъ, а спросите лучше въ глубинѣ души вашей, имѣю ли я право сдѣлать упрекъ вамъ. Обдумайте дѣло это, сообразите силу отношеній и силу права этого. Войдите

глубже въ себя и выслушайте сію мою душевную просьбу. Я теперь далеко отъ васъ; слова мои теперь должны быть для васъ священны. Стряхните пустоту и праздность вашей жизни! Передъ вами поприще великое, а вы дремлете за бабьей прялкой. Предъ вами громада — русскій языкъ! Наслажденіе глубокое зоветъ васъ, наслажденіе погрузиться во всю неизмѣримость его и изловить чудные законы его, въ которомъ, какъ въ великолѣпномъ созданіи міра, отразился предвѣчный Отецъ и на которомъ должна загремѣть вселенная хвалой Ему. Какъ христіанинъ первыхъ временъ, примитесь за работу вашу. Не мыслью работайте, работайте чисто фактически. Начните съ первоначальныхъ основаній. Перечитайте всѣ грамматики, которыя у насъ вышли, перечитайте для того, чтобы увидать, какія странныя, невыработанныя поля и пространства вокругъ васъ! Не читайте же ничего, не дѣлая тутъ же замѣчаній на всякое правило и на всякое слово, записывая тутъ же эти замѣчанія ваши. Испишите дести и стопы бумаги, и ничего не дѣлайте, не записывая.

Не думайте о томъ, какъ записывать лучше, и не обдѣлывайте ни фразы, ни мысли; бросайте все, какъ матеріалъ. Прочтите внимательно, слишкомъ внимательно, академическій словарь. На всякое слово сдѣлайте замѣчаніе тутъ же на бумагѣ. Въ душѣ вашей заключены законы общаго; но горе вамъ проповѣдывать ихъ теперь: они будутъ только доступны тѣмъ, которые сами заключаютъ ихъ въ душѣ своей, и то не вполнѣ. Вы должны ихъ хранить до времени въ душѣ, и только тогда, когда изслѣдуете всѣ уклоненія, исключенія, малѣйшія подробности и частности, — тогда только можете явить общее во всей его колоссальности, можете явить его яснымъ и доступнымъ всѣмъ, а безъ того всѣ ваши мысли будутъ имѣть вліяніе только тогда, когда будутъ произнесены вами изустно, сопровождаемыя жаромъ и пыломъ вашей юности, и

будутъ вялы, тощи и затеряются вовсе, если вы ихъ изложите на бумагѣ. Займитесь теперь совершенно стороной внутренней русскаго языка, въ отношеніи къ нему самому, мимо отношеній его къ судьбѣ Россіи и Москвы, какъ бы это ни заманчиво было и какъ бы ни хотѣлось разгуляться на этомъ полѣ. Исполните эту мою просьбу; это моя послѣдняя просьба душевнаго, серьезнаго содержанія. Больше я не буду васъ просить ни о чемъ, что относится лично къ вамъ, и никогда не потребую, чтобы вы давали важность словамъ моимъ.

Прощайте же! отъ души помолитесь Богу.

39. Н. Я. Прокоповичу.

Мюнхенъ. Мая 28 (1843).

Твое письмо меня еще болѣе удивило, чѣмъ, вѣроятно, удивило мое тебя. Откуда и кто распускаетъ всякіе слухи обо мнѣ? Говорилъ ли я когда-нибудь тебѣ, что буду самъ лѣтомъ въ Петербургъ? или что буду печатать 2 томъ въ этомъ году? и что значатъ твои слова: «*не хочу тебя обижать подозрѣніемъ въ лѣности до такой степени, что будто ты не приготовилъ 2-го тома «М. Д.» къ печати*»? Точно «М. Д.» блинъ, который можно испечь. Загляни въ жизнеописаніе сколько-нибудь знаменитаго автора или даже хотя замѣчательнаго: что ему стоила большая обдуманная вещь, которой онъ отдалъ всего себя и сколько времени заняла? — Всю жизнь, ни больше, ни меньше. Гдѣ жъ ты видѣлъ, чтобы произведшій эпопею произвелъ сверхъ того пять-шесть другихъ? Стыдно тебѣ быть такимъ ребенкомъ и не знать этого! Отъ меня менѣе всего можно требовать скорости тому, кто сколько-нибудь меня знаетъ, во-первыхъ, уже потому, что я терпѣливѣе, склоненъ къ строгому обдумыванью и при-

томъ еще во многомъ терплю всякія помѣшатель(ства) отъ всякихъ болѣзненныхъ припадковъ. «М. Д.» не только не приготовленъ 2-ой томъ къ печати, но даже и не написанъ, и раньше двухъ лѣтъ (если только мои силы будутъ постоянно свѣжи въ это время) не можетъ выдти въ свѣтъ. А что публика желаетъ и требуетъ 2-го тома — это не резонъ: публика можетъ быть умна и справедлива, когда имѣетъ уже въ рукахъ, что̀ надобно разсудить и (надъ чѣмъ) поумничать; а въ желаніяхъ публика всегда дура, потому что руководствуется только мгновенною минутною потребностью. Да и почему знаетъ она, что̀ такое будетъ во 2 томѣ? Можетъ быть, то, о чемъ даже ей не слѣдуетъ и знать и читать въ теперешнюю минуту, и ни я, ни она не готовы для 2 тома. Тебѣ тоже слѣдуетъ подумать и то, что мои сочиненія не должны играть роли журнальныхъ статей и что имъ не нужно торопиться всякую минуту, какъ только замѣчаешь, что у публики есть аппетитъ. Они писаны долго, въ обдумываніи многихъ изъ нихъ прошли годы, а потому не угодно ли читателямъ моимъ тоже подумать о нихъ на досугѣ и всмотрѣться пристальнѣй. Умный резонъ: потому что въ продолженіе одного года я выдалъ вдругъ слишкомъ много, такъ подавай еще столько же. Чѣмъ же я виноватъ, что у публики глупа голова и что въ глазахъ ея я то же самое, что̀ Поль-де-Кокъ: Поль-де-Кокъ пишетъ по роману въ годъ, такъ почему жъ и мнѣ тоже не написать; вѣдь это тоже, молъ, романъ, а только для шутки названъ поэмою. Твои причины о пользѣ выхода 2 тома для прежнихъ, и для расхода успѣшнѣйшаго вообще моихъ сочиненій справедливы совершенно, и все это мнѣ весьма знакомо. Но нужно предположить иногда и то, что я могу кое-что знать еще съ моей стороны и что человѣкъ, который отошелъ отъ дѣлъ и сталъ въ сторонѣ, тоже что̀ на якорѣ, и далѣе можетъ оглянуть море, чѣмъ тѣ, которые носятся

среди его и заняты безпрестанной работой съ крутящимися вокругъ ихъ всякими волнами. По моимъ соображеніямъ сочиненія мои должны были туго идти, и объ этомъ я писалъ въ Москву еще за мѣсяцъ до выхода ихъ въ свѣтъ на ихъ предположеніе о большемъ ихъ успѣхѣ. Вслѣдствіе этихъ же моихъ соображеній, я знаю тоже хорошо, что эти же сочиненія мои пойдутъ быстрѣе, и быстрота ихъ расхода будетъ увеличиваться по мѣрѣ, какъ будетъ исчерпываться изданіе, хотя это совершенно въ противность законамъ книжной торговли. Ты подумай между прочимъ и то, что еще не заговори(ли) журналы о нихъ серьезно. Еще не успѣла о нихъ явить(ся) ни одна дѣльная статья. А вотъ на досугѣ, когда имъ нечего будетъ дѣлать, они примутся за меня, и тогда только слухъ о нихъ обойдетъ всю Россію. Представь себѣ еще то, что половина Россіи увѣрена, что это больше ничего, какъ только собраніе всѣхъ сочиненій моихъ, уже напечатанныхъ, и новаго между ними нѣтъ, или очень мало. О моихъ соображеніяхъ я уже не говорю. Это потребовало бы мѣста и времени, да и страхъ скучно. А ты, между прочимъ, выручаемыми деньгами прежде всего удовлетвори себя такъ, чтобы я тебѣ ни копейки не былъ долженъ; а деньги свои прибереган. Въ предпріятіе никакое не пускайся, но когда будетъ время — наблюдай лишь внимательно за ходомъ всего. Ты изумишься потомъ, сколько у насъ есть путей для изворотливаго ума обогатиться, принеся пользу и себѣ и другимъ. Но объ этомъ послѣ...

40. П. А. Плетневу.

Октября 6. Дюссельдорфъ, 1843.

Началомъ письма уже просьба. Шевыревъ изъ Москвы извѣстилъ меня о мерзкомъ поступкѣ типогра-

фіи, замотавшей экземпляры моихъ сочиненій и что Прокоповичу предстоитъ тяжба (Прокоповичъ не далъ мнѣ до сихъ поръ никакого обстоятельнаго увѣдомленія о положеніи дѣлъ моихъ), и потому я прошу васъ помочь, сколько можно, вашимъ участіемъ, если, точно, дѣло въ гадкомъ положеніи. Денегъ я не получаю ни откуда; вырученныя за «М. Д.» пошли всѣ почти на уплату долговъ моихъ. За сочиненія мои тоже я не получилъ еще ни гроша, потому что все платилось въ эту гадкую типографію, взявшую страшно дорого за напечатаніе; и притомъ продажа книги идетъ, какъ видно, тупо. Если придется къ тому потерять экземпляры, то и впереди не предстоитъ никакой возможности на пропитаніе тщедушныхъ дней моихъ. И потому, что̀ можно сдѣлать — сдѣлайте. Въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ мнѣ бы помогло отчасти вспомоществованіе въ видѣ подарковъ отъ Двора за представленные экземпляры. Я, какъ вы знаете, не получилъ ни за «М. Д.», ни за сочиненія. Прежде, признаюсь, я не хотѣлъ бы даже этого, но теперь, опираясь на стѣсненное положеніе моихъ обстоятельствъ, я думаю, можно прибѣгнуть къ этому. Если вы найдете это возможнымъ, то надобно, чтобы эта помощь была или отъ государыни, или отъ наслѣдника; отъ государя мнѣ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ ничего. Это бы было даже безстыдно съ моей стороны просить. Онъ подалъ мнѣ помощь въ самую трудную минуту моей жизни; за это я не заплатилъ еще ничѣмъ. Отъ Марьи Николаевны[1]) тоже не слѣдуетъ ничего просить. Но если возможно отъ первыхъ... Впрочемъ, вы сдѣлаете, что̀ только будетъ въ вашей возможности, потому что видите сами мое положеніе, и потому, что раздѣляете его душевно. Важность всего этого тѣмъ болѣе значительна, что не скоро придется мнѣ выдать

---

[1]) Лейхтенбергской.

что-нибудь въ свѣтъ. Чѣмъ болѣе торопишь себя, тѣмъ менѣе подвигаешь дѣло. Да и трудно это сдѣлать, когда уже внутри тебя заключился твой неумолимый судья, строго требующій отчета во всемъ и поворачивающій всякій разъ назадъ при необдуманномъ стремленіи впередъ. Теперь мнѣ всякую минуту становится понятнѣй, отчего можетъ умереть съ голода художникъ, тогда какъ кажется, что онъ можетъ большія набрать деньги. Я увѣренъ, что не одинъ изъ близкихъ даже мнѣ людей, думая обо мнѣ, говоритъ: «Ну, что бы могъ сдѣлать этотъ человѣкъ, еслибы захотѣлъ! Ну, издавай онъ всякій годъ по такому тому, какъ «Мертв(ыя) Д(уши)», — онъ бы могъ доставить себѣ двадцать тысячъ годового дохода». А того никто не разсмотритъ, что этотъ томъ, со всѣми его недостатками и грѣхами непростительными, стоитъ почти пятилѣтней работы, стало быть, можетъ назваться вполнѣ выработаннымъ кровью и потомъ. Я знаю, что послѣ буду творить полнѣй и даже быстрѣе; но до этого еще не скоро мнѣ достигнуть. Сочиненья мои такъ тѣсно связаны съ духовнымъ образованіемъ меня самого и такое мнѣ нужно до того времени вынести внутреннее, сильное воспитаніе душевное, глубокое воспитаніе, что нельзя и надѣяться на скорое появленіе моихъ новыхъ сочиненій. Признайтесь: не показался ли я вамъ страннымъ, въ наше послѣднее свиданіе неоткровеннымъ и необщительнымъ, словомъ — страннымъ? Не могъ я вамъ показаться иначе, какъ такимъ: захлопотанный собою, занятый мыслію объ одномъ себѣ, о моемъ внутреннемъ хозяйствѣ, объ управленіи моими непокорными слугами, находящимися во мнѣ, надъ которыми всѣми слѣдовало вознестись — иначе какъ разъ очутишься въ ихъ власти — занятый всѣмъ этимъ, я не могъ быть откровеннымъ и свѣтлымъ: это принадлежности безмятежной души. А моей душѣ еще далеко до этого. Не потому я молчу теперь, чтобы не

хотѣлъ говорить, но потому молчу, что не умѣю говорить, и не нашелъ бы словъ даже, какъ разсказать то, что̀ хотѣлось бы разсказать. Но я заговорился, кажется... Впрочемъ, это слово изъ моей душевной исповѣди. А душевная исповѣдь должна быть доступна всегда сердцу близкаго намъ друга.

Прощайте; обнимаю васъ и цѣлую отъ всей души. Что̀ можно сдѣлать по моему дѣлу, вы сдѣлаете; а чего не сдѣлаете, того, вѣрно, уже нельзя было сдѣлать. Мнѣ жаль, что удержался я вначалѣ совѣстью — навьючить васъ своими дѣлами. Мнѣ бы слѣдовало просто быть нахальну — взвалить на васъ однихъ изданіе моихъ сочиненій, не путаясь самому ни во что и не затѣвая отъ себя ничего, и особливо въ то время, когда мнѣ вовсе было не до того и когда все свернулъ и скомкалъ впопыхахъ. Вы бы, конечно, сказали: «Вотъ навалилъ обузу!» и выбранили бы только сначала, а потомъ все бы таки дѣло сдѣлали, а съ Прокоповичемъ немудрено, что случилась, какъ съ новымъ человѣкомъ, такая исторія, которой, впрочемъ, я до сихъ поръ не знаю въ настоящемъ видѣ...

41. В. А. Жуковскому.

Ницца. Суббота, 2 декабря (1843).

Отвѣчаю на ваше письмо сейчасъ же. Я именно ожидалъ его и потому не писалъ къ вамъ. Въ Ниццу я пріѣхалъ благополучно, даже болѣе, чѣмъ благополучно, ибо случившіяся на дорогѣ задержки и коекакія непріятности были необходимы душѣ моей, какъ все, что̀ ни случается со мною, необходимо всегда моей душѣ...

Я продолжаю работать, то есть набрасывать на бумагу хаосъ, изъ котораго должно̀ произойти созданіе «Мертвыхъ Душъ». Трудъ и терпѣніе, и даже приne-

воливаніе себя награждаютъ меня много. Такія открываются тайны, которыхъ не слышала дотолѣ душа, и многое въ мірѣ становится послѣ этого труда ясно. Поупражняясь хотя немного въ наукѣ созданія, становишься въ нѣсколько кратъ доступнѣе къ прозрѣнью великихъ таинъ Божьяго созданія и видишь, что, чѣмъ дальше уйдетъ и углубится во что-либо человѣкъ, кончитъ все тѣмъ же: одною полною и благодарною молитвою. Но я знаю, что вы сами пребываете въ такомъ же состояніи за «Одиссею», и потому прошу только Бога, да ничѣмъ не останавливается дѣло и да пребываетъ Онъ съ вами неотлучно. А гдѣ пребываетъ Богъ, тамъ ничто не продолжается въ равной силѣ, но идетъ впередъ и стремится, или переходитъ изъ лучшаго въ лучшее...

42. С. Т. Аксакову.

16 мая (1844). Франкфуртъ.

Я получилъ ваше милое и откровенное письмо. Прочитавши его, я мысленно васъ обнялъ и поцѣловалъ, а потомъ засмѣялся. Въ письмѣ вашемъ слышно, что вы боитесь, чтобъ я не сѣлъ на васъ верхомъ, и упираетесь, какъ Ѳедоръ Никол(аевичъ) Глинка, когда къ нему подходятъ съ тѣмъ, чтобы обнять его. Все это ваше волненіе и мысленная борьба есть больше ничего, какъ дѣло общаго нашего пріятеля, всѣмъ извѣстнаго, — именно чорта. Но вы не упускайте изъ виду, что онъ щелкоперъ и весь состоитъ изъ надуванья. Изъ чего вы вообразили, что вамъ нужно пробуждаться, или повести другую жизнь? Ваша жизнь, слава Богу, такъ безукоризненна, прекрасна и благородна, какъ дай Богъ всѣмъ подобную. Вы сдѣлали много такого добра и такихъ услугъ (что и мнѣ отчасти извѣстно), которыя стоятъ многихъ копеекъ, разбросанныхъ ни-

щимъ, и будутъ оцѣнены справедливо; ваша жизнь ни въ чемъ не противоположна христіанской. Одинъ упрекъ вамъ слѣдуетъ сдѣлать — въ излишествѣ страстнаго увлеченія во всемъ: какъ въ самой дружеской привязанности и сношеніяхъ вашихъ, такъ и во всемъ благородномъ и прекрасномъ, что ни исходитъ отъ васъ. Итакъ, глядите твердо впередъ и не смущайтесь тѣмъ, если въ жизни вашей есть пустые и бездѣйственные годы. Отдохновеніе намъ нужно. Такіе годы бываютъ въ жизни всѣхъ людей, хоть бы они были самые святые. А если вы отыскиваете въ себѣ какія-нибудь гадости, то этимъ слѣдуетъ не то, чтобы смущаться, а благодарить Бога за то, что онѣ въ насъ есть. Не будь въ насъ этихъ гадостей, мы бы занеслись Богъ знаетъ какъ, и гордость наша заставила бы насъ надѣлать множество гадостей, несравненно важнѣйшихъ. Безъ нихъ не было бы у васъ и этого прекраснаго смиренія, которое составляетъ первую красоту души.

Итакъ ваше волненіе есть, просто, дѣло чорта. Вы эту скотину бейте по мордѣ и не смущайтесь ничѣмъ. Онъ — точно мелкій чиновникъ, забравшійся въ городъ будто бы на слѣдствіе. Пыль запуститъ всѣмъ, распечетъ и раскричится. Стоитъ только немножко струсить и податься назадъ—тутъ то онъ и пойдетъ храбриться. А какъ только наступишь на него, онъ и хвостъ подожметъ. Мы сами дѣлаемъ изъ него великана; а въ самомъ дѣлѣ онъ чортъ знаетъ что. Пословицъ не бываетъ даромъ, а пословица говоритъ: «*Хвалился чортъ всѣмъ міромъ владѣть, а Богъ ему и надъ свиньей не далъ власти*». Его тактика извѣстна: увидѣвши, что нельзя склонить на какое-нибудь скверное дѣло, онъ убѣжитъ бѣгомъ и потомъ подъѣдетъ съ другой стороны, въ другомъ видѣ, нельзя ли какъ-нибудь привести въ уныніе; шепчетъ: «Смотри, какъ у тебя много мерзостей, — пробуждайся!» когда не зачѣмъ и

пробуждаться, потому что не спишь, а, просто, не видишь его одного. Словомъ, пугать, надувать, приводить въ унынiе — это его дѣло. Онъ очень знаетъ, что Богу не любъ человѣкъ унывающiй, пугающiйся,—словомъ, не вѣрующiй въ Его небесную любовь и милость, — вотъ и все. Вамъ бы слѣдовало, просто, не глядя на него, выполнить буквально предписанiе, руководствуясь только тѣмъ, что «дареному коню въ зубы не глядятъ». Вы бы, можетъ быть, нашли тамъ только подтвержденiе тому, чему вы вѣруете и что въ васъ есть, и тогда установилось бы все яснѣе и утвердительнѣе на своихъ мѣстахъ, воцаривъ чрезъ то строгiй порядокъ въ самую душу.

О себѣ скажу вамъ вообще, что моя природа совсѣмъ не мистическая. Недоразумѣнiя произошли оттого, что я слишкомъ рано вздумалъ было говорить о томъ, что слишкомъ ясно было мнѣ и чего я не въ силахъ былъ выразить глупыми и темными рѣчами, въ чемъ сильно раскаиваюсь, даже и за печатныя мѣста. Но внутренно я не измѣнялся никогда въ главныхъ моихъ положенiяхъ. Съ 12-лѣтняго, можетъ быть, возраста я иду тою же дорогою, какъ и нынѣ, не шатаясь и не колеблясь никогда во мнѣнiяхъ главныхъ, не переходилъ изъ одного положенiя въ другое и, если встрѣчалъ на дорогѣ что-нибудь сомнительное, не останавливался и не ломалъ голову, а махнувши рукой и сказавши: «Объяснится потомъ! потомъ!» шелъ далѣе своей дорогой; и, точно, Богъ помогалъ мнѣ, и все потомъ объяснялось само собой. И теперь я могу сказать, что въ существѣ своемъ все тотъ же, хотя, можетъ быть, избавился только отъ многаго, мѣшавшаго мнѣ на моемъ пути и, стало быть, чрезъ то сдѣлался нѣсколько умнѣй, вижу яснѣй многiя вещи и называю ихъ прямо по имени, т.-е. чорта называю прямо чортомъ, не даю ему великолѣпнаго костюма à la Байронъ...

43. П. А. Плетневу.

Іюля 30 (1846). Швальбахъ.

Наконецъ моя просьба! Ее ты долженъ выполнить, какъ наивѣрнѣйшій другъ выполняетъ просьбу своего друга. Всѣ свои дѣла въ сторону и займись печатаньемъ этой книги, подъ названіемъ: «*Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями*». Она нужна, слишкомъ нужна всѣмъ; вотъ что, покамѣстъ, могу сказать; все прочее объяснитъ тебѣ сама книга. Къ концу ея печатанія все станетъ ясно, и недоразумѣнья, тебя доселѣ тревожившія, исчезнутъ сами собою. Здѣсь посылается начало. Продолженіе будетъ посылаться немедленно. Жду возврата нѣкоторыхъ писемъ еще, но за этимъ остановки не будетъ, потому что достаточно даже и тѣхъ, которыя мнѣ возвращены. Печатаніе должно происходить въ тишинѣ: нужно, чтобы, кромѣ цензора и тебя, никто не зналъ. Цензора избери Никитенку: онъ ко мнѣ благосклоннѣе другихъ; къ нему и напиши слова два. Возьми съ него также слово никому не сказывать о томъ, что выйдетъ моя книга. Ее нужно отпечатать въ мѣсяцъ, чтобъ къ половинѣ сентября она могла уже выйдти... Печатай два завода и готовь бумагу для второго изданія, которое, по моему соображенью, воспослѣдуетъ немедленно: эта книга разойдется болѣе, чѣмъ всѣ мои прежнія сочиненія, потому что это до сихъ поръ моя единственная дѣльная книга. Вслѣдъ за прилагаемою при семъ тетрадью будешь получать безостановочно другія. Надѣюсь на Бога, что Онъ подкрѣпитъ меня въ сей работѣ. Прилагаемая тетрадь занумерована № 1; въ ней предисловіе и шесть статей, итого семь; да включая сюда еще статью объ «Одиссеѣ», посланную мною къ тебѣ за мѣсяцъ передъ симъ, которая въ печатаніи должна слѣ-

довать непосредственно за ними, — всего восемь. Страницъ въ прилагаемой тетради двадцать.

О полученіи всего того увѣдоми немедленно. Адресуй по-прежнему на имя Жуковскаго.

Весь твой Н. Г.

44. М. С. Щепкину.

(1846).

Михаилъ Семеновичъ! вотъ въ чемъ дѣло: вы должны взять въ свой бенефисъ «Ревизора» въ его полномъ видѣ, то есть, слѣдуя тому изданію, которое напечатано въ полномъ собраніи моихъ сочиненій, съ прибавленіемъ хвоста, посылаемаго мною теперь. Для этого вы сами непремѣнно должны съѣздить въ Петербургъ, чтобы ускорить личнымъ присутствіемъ ускореніе цензурнаго разрѣшенія. Не знаю, кто театральный цензоръ. Если тотъ самый Гедеоновъ, который былъ въ Римѣ съ графомъ Васильевымъ и съ которымъ я тамъ познакомился, то попросите его отъ моего имени крѣпко. Во всякомъ случаѣ, обратитесь по этому дѣлу къ Плетневу и гр(афу) М. Ю. Віельгорскому, которымъ все объясните и которыхъ участіе можетъ оказаться нужнымъ. Скажите какъ имъ, такъ и себѣ самому, чтобы это дѣло, до самаго представленія, не разглашалось и оставалось бы въ тайнѣ между вами. Хлестакова долженъ играть Живокини. Дайте непремѣнно отъ себя мотивъ другимъ актерамъ, особенно Бобчинскому и Добчинскому. Постарайтесь сами сыграть передъ ними нѣкоторыя роли. Обратите особенное вниманіе на послѣднюю сцену. Нужно непремѣнно, чтобы она вышла картинной, и даже потрясающей. Городничій долженъ быть совершенно потерявшимся и вовсе не смѣшнымъ. Жена и дочь въ полномъ испугѣ должны обратить глаза на его одного. У смотрителя училищъ

должны трястись колѣни сильно; у Земляники также. Судья, какъ уже извѣстно, съ присядкой. Почтмейстеръ, какъ уже извѣстно, съ вопросительнымъ знакомъ къ зрителямъ. Бобчинскій и Добчинскій должны спрашивать глазами другъ у друга объясненья этому всему. На лицахъ дамъ-гостей ядовитая усмѣшка, кромѣ одной жены Луканчика, которая должна быть вся испугъ, блѣдна, какъ смерть, и ротъ открытъ. Минуту, или минуты двѣ, непремѣнно должна продолжаться эта нѣмая сцена, такъ чтобы Коробкинъ, соскучившись, успѣлъ попотчевать Растаковскаго табакомъ, а кто-нибудь изъ гостей даже довольно громко сморкнуть въ платокъ.

Что же касается до прилагаемой при семъ «Развязки Ревизора», которая должна слѣдовать тотъ же часъ послѣ «Ревизора», то вы, прежде чѣмъ давать ее разучать актерамъ, вчитайтесь хорошенько въ нее сами, войдите въ значенье и крѣпость всякаго слова, всякой роли, такъ, какъ бы вамъ пришлось всѣ эти роли сыграть самому, и когда войдутъ онѣ вамъ въ голову всѣ, соберите актеровъ, прочитайте имъ, и прочитайте не одинъ разъ, — прочитайте раза три-четыре, или даже пять. Не пренебрегайте, что роли маленькія и по нѣсколько строчекъ. Строчки эти должны быть сказаны твердо, съ полнымъ убѣжденіемъ въ ихъ истинѣ; потому что это — споръ, и споръ живой, а не нравоученье. Горячиться не долженъ никто, кромѣ развѣ Семена Семеновича; но слова произносить долженъ всякъ нѣсколько погромче, какъ въ обыкновенномъ разговорѣ, потому что это споръ. Николай Николаевичъ долженъ быть даже отчасти крикливъ; Петръ Петровичъ — съ нѣкоторымъ заливомъ. Вообще было бы хорошо, еслибы каждый изъ актеровъ держался сверхъ того еще какого-нибудь ему извѣстнаго типа. Играющему Петра Петровича нужно выговаривать свои слова особенно крупно, отчетливо, зернисто. Онъ долженъ

скопировать того, котораго онъ зналъ говорящаго лучше всѣхъ по-русски. Хорошо бы, еслибы онъ могъ нѣсколько придерживаться американца Толстого. Николаю Николаевичу должно, за неимѣніемъ другого, придерживать(ся) Ник. Филипповича Пав(лова), потому что у него самый ровный и пристойный голосъ изъ всѣхъ нашихъ литераторовъ; притомъ въ него не трудно попасть. Самому Семену Семеновичу нужно дать болѣе благородную замашку, чтобы не сказали, что онъ взятъ съ Николая Михайлов. Заг(оскина) [1]). Вамъ же вотъ замѣчаніе. Старайтесь произносить всѣ ваши слова какъ можно тверже и покойнѣй, какъ бы вы говорили о самомъ простомъ, но весьма нужномъ дѣлѣ. Храни васъ Богъ слишкомъ расчувствоваться. Вы расхныкаетесь, и выйдетъ у васъ чортъ знаетъ что. Лучше старайтесь такъ произнести слова, хотя самыя близкія къ вашему собственному состоянію душевному, чтобы зритель видѣлъ, что вы стараетесь удержать себя отъ того, чтобы не заплакать, а не въ самомъ дѣлѣ заплакать. Впечатлѣніе будетъ оттого нѣсколько разъ сильнѣй. Старайтесь заблаговременно, во время чтенія своей роли, выговаривать твердо всякое слово, простымъ, но проницающимъ языкомъ, — почти такъ, какъ начальникъ артели говоритъ своимъ работникамъ, когда выговариваетъ имъ, или попрекаетъ въ томъ, въ чемъ дѣйствительно они провинователись. Вашъ большой порокъ въ томъ, что вы не умѣете выговаривать твердо всякаго слова. Отъ этого вы неполный владѣлецъ собою въ своей роли. Въ городничемъ вы лучше всѣхъ вашихъ другихъ ролей, именно потому, (что) почувствовали потребность говорить выразительнѣй. Будьте же и здѣсь, и въ «Развязкѣ Ревизора» тѣмъ же городничимъ. Берегите себя отъ сантиментальности и караульте сами за собою. Чувство явится у васъ

---

[1]) Михаилъ Николаевичъ.

само собою; за нимъ не бѣгайте; бѣгайте за тѣмъ, какъ бы стать властелиномъ себя. Обо всемъ этомъ не сказывайте никому въ Москвѣ, кромѣ Шевырева, по тѣхъ поръ, покуда не возвратитесь изъ Петербурга. У васъ языкъ немножко длинноватъ; вы его на этотъ разъ поукоротите. Если жъ онъ начнетъ слишкомъ почесываться, то вы придите въ другой разъ къ Шевыреву и разскажите ему вновь, какъ бы вы разсказывали свѣжему и совсѣмъ другому человѣку. «Развязку» нужно будетъ переписать, потому что, кромѣ экземпляра, нужнаго для театральной цензуры, другой будетъ нуженъ для подписанія цензору Никитенкѣ, которому отдастъ Плетневъ, ибо «Ревизоръ» долженъ напечататься отдѣльно съ «Развязкой», ко дню представленія, и продаваться въ пользу бѣдныхъ, о чемъ вы, при вашемъ вызовѣ, по окончаніи всего, должны возвѣстить публикѣ, что не «благоугодно ли ей, ради такой богоугодной цѣли, сей же часъ по выходѣ изъ театра купить «Ревизора» въ театральной же лавкѣ»; а кто разохотится дать больше означенной цѣны, тотъ бы покупалъ ее прямо изъ вашихъ рукъ для большей вѣрности. А вы эти деньги потомъ препроводите къ Шевыреву. Но объ этомъ рѣчь еще впереди. Довольно съ васъ, покамѣстъ, этого.

Итакъ, благословясь, поѣзжайте съ Богомъ въ Петербургъ. Бенефисъ вашъ будетъ блистателенъ. Не глядите на то, что піеса заиграна и стара: будетъ къ этому времени такое обстоятельство, что всѣ пожелаютъ вновь увидать «Ревизора», даже и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ давался прежде. Сборъ вашъ будетъ съ верхомъ полонъ. Поговорите съ Сосницкимъ, чтобъ увидать, можно ли то же самое сдѣлать и въ Петербургѣ сколько возможно такимъ образомъ, какъ въ Москвѣ. Прежде его испытайте: онъ немножко упрямъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Скажите ему, что это стыдно — и не въ христіанскомъ духѣ — имѣть такое гордое мнѣ-

ніе въ своей безошибочности и что онъ первый, еслибы только захотѣлъ истинно постараться о томъ, чтобы послѣдняя сцена вышла такъ, какъ ей слѣдуетъ быть, она бы сдѣлалась чистая натура; не примѣтилъ бы зритель никакой искусственности и принялъ бы ее за вылившуюся непринужденно. Скажите ему, что для русскаго человѣка нѣтъ невозможнаго дѣла, что нѣтъ даже на языкѣ его и слова *нѣтъ*, если онъ только прежде выучился говорить всякимъ собственнымъ страстишкамъ: *нѣтъ*.

Письмо это дайте прочесть Шевыреву, такъ же, какъ и самую «Развязку Ревизора», и о полученіи всего этого увѣдомьте меня тотъ же часъ, адресуя въ Неаполь poste restante. Весь вашъ Г.

45. И. И. Сосницкому.

2-го ноября 1846 года.

Если вы уже все узнали отъ Щепкина и рѣшились сдѣлать дѣло васъ достойное, добрѣйшій мой Иванъ Ивановичъ, то присоединяю еще двѣ-три строчки моей убѣдительнѣйшей просьбы. Обратите ваше вниманіе на послѣднюю сцену «Ревизора». Обдумайте, обмыслите вновь. Изъ заключительной піесы «Развязка Ревизора» вы постигнете, почему я такъ хлопочу объ этой послѣдней сценѣ и почему мнѣ такъ важно, чтобъ она имѣла полный эффектъ. Я увѣренъ, что вы взглянете сами другими глазами на «Ревизора» послѣ этого заключенія, котораго мнѣ, по многимъ причинамъ, нельзя было тогда выдать и только теперь возможно. Употребите всѣ ваши силы, чтобъ «Ревизоръ» былъ обставленъ со всѣхъ сторонъ и вполнѣ хорошо, чтобъ всѣ актеры сдѣлали свое дѣло вполнѣ хорошо. Вы сдѣлаете этимъ дѣло не только доброе, но истинно христіанское. (Продажа «Ревизора» въ новомъ видѣ съ

«Развязкой» назначена въ пользу бѣдныхъ, а вы игрой своей и обстановкой можете возвысить его продажу). Не полѣнитесь сыграть сами предуготовительно передъ актерами роль Хлестакова, которую, кромѣ васъ, рѣшительно никто не можетъ выполнить. Вы можете этимъ дать имъ разъ навсегда мотивъ. Теоретически изъ нихъ никто не можетъ понять, что эту роль непремѣнно нужно сыграть въ видѣ свѣтскаго человѣка comme il faut, вовсе не съ желаніемъ сыграть лгуна и щелкопера, но, напротивъ, съ чистосердечнымъ желаньемъ сыграть роль чиномъ выше своего собственнаго, но такъ, чтобы вышло само собою, въ итогѣ всего — и лгунишка, и подляшка, и трусишка, и щелкоперъ во всѣхъ отношеніяхъ. Все это вы можете внушить имъ только одной игрой своей, а словами и наставленьями не сдѣлаете ничего, какъ бы ни убѣдительно имъ разсказывали. Сами знаете, что второклассные актеры передразнить характеръ еще могутъ, но создать характера не могутъ; насилуя себя произвести послѣднее, они станутъ даже ниже самихъ себя. Потому то примѣръ, вами данный, болѣе наведетъ ихъ на законную дорогу, чѣмъ ихъ собственное разсужденіе. Что же касается до игры въ послѣдней пьесѣ, то есть въ піесѣ «Развязка Ревизора», то насчетъ этого прочтите мои строки въ письмѣ къ Щепкину. Въ нихъ я дѣлаю ему прямо и откровенно мои замѣчанія и даже совѣты, зная, что онъ, по страсти и любви къ искусству, готовъ себя считать вѣчнымъ ученикомъ и выслушивать даже и не весьма умные по виду совѣты, даже и отъ простыхъ людей. Замѣчанія эти вы все-таки примите къ свѣдѣнію, хотя знаю, что они вамъ не совсѣмъ идутъ, потому что вашъ талантъ имѣетъ свою своеобразность и качества другія, нежели у Щепкина (сильно желалось бы мнѣ когда-нибудь увидѣть васъ обоихъ въ одной піесѣ, въ двухъ различныхъ роляхъ, ничуть не похожихъ одна на другую, но равно великихъ и трудныхъ,

чтобъ увидѣла ясно публика, что̀ такое собственно Щепкинъ и что̀ такое собственно Сосницкій). Одно то, что̀ вамъ, равно обоимъ, замѣчу и что̀ долженъ замѣтить всѣмъ, кто бъ ни сталъ играть въ піесѣ «Развязка Ревизора» первую роль, то есть роль комическаго актера, — это то, чтобъ произносить какъ можно тверже, крѣпче и проще слова, какъ бы самую простую, но близкую къ дѣлу и нужную рѣчь. Храни Богъ отъ всякой сантиментальности и напряженнаго жару, вдругъ не станетъ голоса къ концу монолога, пересохнетъ горло и останешься въ какомъ то вяло-плаксивомъ и пьяномъ положеньи, тогда какъ слѣдуетъ пребывать во все время монолога въ трезвомъ и свѣтломъ состояніи духа. Слѣдуетъ изворотиться молодцомъ. Слѣдуетъ показаться полководцемъ, бодрящимъ и подстрекающимъ другихъ на битву, а не рядовымъ солдатомъ, кидающимся самому въ пылъ сраженья. Словомъ, голосъ актера здѣсь долженъ быть побѣдоносно-торжествующій, истинно генеральскій голосъ. Этихъ словъ не пропустите, Иванъ Ивановичъ, и Щепкину также это скажите. И Богъ вамъ въ помощь обоимъ! По окончаніи піесы, когда васъ вызовутъ, вы, раскланявшись съ публикой, скажите ей, что не угодно ли ей купить «Ревизора», который продается, при выходѣ изъ театра, въ пользу бѣдныхъ, по рублю серебромъ съ «Развязкой» вмѣстѣ. Кто же пожелаетъ дать больше, тотъ вручалъ бы деньги вамъ самимъ и покупалъ бы лично изъ вашихъ рукъ, а вы все это доставляйте Плетневу, которому порученъ сборъ денегъ и отъ котораго поступятъ онѣ къ тѣмъ, на которыхъ возложена раздача бѣднымъ. Побывайте у Плетнева теперь же и спросите его, не нужно ли какого вспомоществованья собственно отъ васъ въ дѣлѣ изданія «Ревизора», относительно ли корректуры или чего другого. На немъ слишкомъ навьючено теперь всякихъ обузъ, и ему довольно тяжело и трудно управляться одному. За все

это поблагодарю васъ лично, когда приведетъ Богъ встрѣтиться. Смотрите, чтобы продажа въ театральныхъ лавкахъ поручена была надежнымъ продавцамъ, и не употребляйте для этого въ посредство какого-либо актера. Говорю это потому, что одинъ изъ этихъ господъ, на котораго я вздумалъ было положиться, денежки прибиралъ къ себѣ и на нихъ кутилъ, складывая вину на продавцевъ, которые ему не приносятъ; а когда я вздумалъ, наконецъ, разспросить продавцевъ, дѣло открылось. Это примите къ свѣдѣнью. На этотъ разъ грѣхъ будетъ на душѣ того, кто украдетъ копейку — деньги эти въ пользу бѣдныхъ; это имъ объявите.

Но прощайте. Если захотите мнѣ написать, хотя двѣ строчки, что мнѣ будетъ очень пріятно, адресуйте въ Неаполь (poste restante).

Затѣмъ обнимаю васъ, искренно васъ любящій Г.

46. М. С. Щепкину.

(1846) декабря 16. Неаполь.

Вы уже, безъ сомнѣнія, знаете, Михаилъ Семеновичъ, что «Ревизора съ Развязкой» слѣдуетъ отложить до вашего бенефиса въ будущемъ 1848 году. На это есть множество причинъ, часть которыхъ, вѣроятно, вы и сами проникаете. Во всякомъ случаѣ я этому радъ. Кромѣ того, что дѣло будетъ не понято публикою нашею въ надлежащемъ смыслѣ, оно выйдетъ, просто, дрянь отъ дурной постановки піесы и плохой игры нашихъ актеровъ. «Ревизора» нужно будетъ дать такъ, какъ слѣдуетъ, сколько-нибудь сообразно тому, чего требуетъ, по крайней мѣрѣ, авторъ его, а для этого нужно будетъ время. Нужно, чтобы вы переиграли хотя мысленно всѣ роли, услышали цѣлое всей піесы и нѣсколько разъ прочитали бы самую піесу актерамъ,

чтобы они такимъ образомъ невольно заучили настоящій смыслъ всякой фразы, который, какъ вы сами знаете, вдругъ можетъ измѣниться отъ одного ударенія, перемѣщеннаго на другое мѣсто, или на другое слово. Для этого нужно, чтобы прежде всего я прочелъ вамъ самому «Ревизора», а вы бы прочли потомъ актерамъ. Бывши въ Москвѣ, я не могъ читать вамъ «Ревизора». Я не былъ въ надлежащемъ расположеніи духа, а потому не могъ даже сумѣть дать почувствовать другимъ, какъ онъ долженъ быть сыгранъ. Теперь, слава Богу, могу. Погодите, можетъ быть, мнѣ удастся такъ устроить, что вамъ можно будетъ пріѣхать лѣтомъ ко мнѣ. Мнѣ ни въ какомъ случаѣ нельзя заглянуть въ Россію раньше окончанія работы, которую нужно кончить. Можетъ быть, вамъ также будетъ тогда сподручно взять съ собою и какого-нибудь товарища, больше другихъ толковаго въ дѣлѣ. А до того времени вы все-таки не пропускайте свободнаго времени и вводите, хотя понемногу, второстепенныхъ актеровъ въ надлежащее существо ролей, въ благородный, вѣрный тактъ разговора — понимаете ли? — чтобы не слышался фальшивый звукъ. Пусть изъ нихъ никто не оттѣняетъ своей роли и не кладетъ на нее красокъ и колорита, но пусть услышитъ общечеловѣческое ея выраженіе и удержитъ общечеловѣческое благородство рѣчи. Словомъ, изгнать вовсе карикатуры и ввести ихъ въ понятіе, что нужно не *представлять*, а *передавать* прежде мысли, позабывши странность и особенность человѣка. Краски положить нетрудно; дать цвѣтъ роли можно и потомъ; для этого довольно встрѣтиться съ первымъ чудакомъ и умѣть передразнить его; но почувствовать существо дѣла, для котораго призвано дѣйствующее лицо, трудно, и безъ васъ никто самъ по себѣ изъ нихъ этого не почувствуетъ. Итакъ, сдѣлайте имъ близкимъ ваше собственное ощущеніе, и вы сдѣлаете этимъ истинно доблестный по-

двигъ въ честь искусства. А между тѣмъ напишите мнѣ (если книга моя: «Выбран. мѣста изъ переписки» уже вышла и въ вашихъ рукахъ) ваше мнѣніе о статьѣ моей «О театрѣ и одностороннемъ взглядѣ на театръ», не скрывая ничего и не церемонясь ни въ чемъ, равнымъ образомъ какъ и обо всей книгѣ вообще. Что ни есть въ душѣ, все несите и выгружайте наружу...

47. С. Т. Аксакову.

Неаполь. 1847, январь 20 новаго стиля.

Я получилъ ваше письмо, добрый другъ мой Сергѣй Тимоѳеевичъ. Благодарю васъ за него. Все, что нужно взять изъ него къ соображенію, взято. Симъ бы слѣдовало и ограничиться; но, такъ какъ въ письмѣ вашемъ замѣтно большое безпокойство обо мнѣ, то я считаю нужнымъ сказать вамъ нѣсколько словъ. Вновь повторяю вамъ еще разъ, что вы въ заблужденіи, подозрѣвая во мнѣ какое то новое направленіе. Отъ ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой иду. Я былъ только скрытенъ, потому что былъ неглупъ — вотъ и все. Причиной нынѣшнихъ вашихъ выводовъ и заключеній обо мнѣ (сдѣланныхъ какъ вами, такъ и другими) было то, что я, понадѣявшись на свои силы и на (будто бы) совершившуюся зрѣлость свою, отважился заговорить о томъ, о чемъ бы слѣдовало до времени еще немножко помолчать, покуда слова мои не придутъ въ такую ясность, что и ребенку стали бы понятны. Вотъ вамъ вся исторія моего мистицизма. Мнѣ слѣдовало еще нѣсколько времени поработать въ тишинѣ, еще жечь то, что слѣдуетъ жечь, никому не говорить ни слова о внутреннемъ себѣ и не откликаться ни на что, особенно не давать никакого отвѣта моимъ друзьямъ на-счетъ сочиненій моихъ. Отчасти неблагоразумныя подталкиванья со стороны ихъ, от-

части невозможность видѣть самому, на какой степени собственнаго своего воспитанія нахожусь, были причиной появленія статей, такъ возмутившихъ духъ вашъ. Съ другой стороны, совершилось все это не безъ воли Божіей. Появленіе книги моей, содержащей переписку со многими замѣчательными людьми въ Россіи (съ которыми я бы, можетъ быть, никогда не встрѣтился, еслибы жилъ самъ въ Россіи и оставался въ Москвѣ), нужно будетъ многимъ, несмотря на всѣ непонятныя мѣста, во многихъ истинно существенныхъ отношеніяхъ, а еще болѣе будетъ нужно для меня самого. На книгу мою нападутъ со всѣхъ угловъ, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Эти нападенія мнѣ теперь слишкомъ нужны: они покажутъ мнѣ болѣе *меня самого* и покажутъ мнѣ въ то же время *васъ*, то есть *моихъ читателей*. Не увидѣвши яснѣе, что̀ такое въ настоящую минуту я самъ и что̀ такое мои читатели, я былъ бы въ рѣшительной невозможности сдѣлать дѣльно свое дѣло. Но это вамъ, покуда, не будетъ понятно; возьмите лучше это просто на вѣру: вы чрезъ то останетесь въ барышахъ. А чувствъ вашихъ отъ меня не скрывайте никакихъ. По прочтеніи книги, тотъ же часъ, покуда еще ничто не простыло, изливайте все наголо, какъ есть, на бумагу. Никакъ не смущайтесь тѣмъ, если у васъ будутъ вырываться жесткія слова: это совершенно ничего; я даже ихъ очень люблю. Чѣмъ вы будете со мной откровеннѣе и искреннѣе, тѣмъ въ большихъ останетесь барышахъ. Руку для того употребляйте первую, какая вамъ подвернется. Кто почетче и побойчѣе пишетъ, тому и диктуйте. Секретовъ у меня въ этомъ отношеніи нѣтъ никакихъ. Одинъ только секретъ и былъ, о которомъ я просилъ васъ никогда даже и мнѣ не напоминать, и о которомъ вы неблагоразумно упомянули въ вашемъ письмѣ. Сами сказали, что о немъ и семейство ваше не знаетъ, и дали написать эти слова не вашей рукѣ.

Если вы почувствовали надобность упомянуть объ этомъ дѣлѣ для того, чтобы сдѣлать сравненіе съ распоряженіемъ по части продажи «Ревизора» (котораго изданіе и представленіе мною отложено), то лучше было обойтись просто, безъ этого сравненія, — тѣмъ болѣе, что оно совсѣмъ невѣрно и невпопадъ. Есть дѣла, которыя дѣйствительно нужно производить открыто, въ виду всѣхъ, которыя суть, просто, нашъ непремѣнный долгъ, а не подвигъ благотворенія. Если почти всѣ наши писатели издавали книги для бѣдныхъ, если даже Булгаринъ, Гречъ и многіе другіе, укоряемые въ корыстолюбіи, производили въ пользу бѣдныхъ пожертвованья, публичныя чтенія и тому подобныя, — почему же я не могу также? и что же я за исключеніе? и отчего копейка отъ другого есть долгъ, а отъ меня подвигъ благотворенія? Другъ мой, вы не взвѣсили какъ слѣдуетъ вещи, и слова ваши вздумали подкрѣплять словами Самого Христа. Это можетъ безошибочно дѣлать одинъ только тотъ, кто уже весь живетъ во Христѣ, внесъ Его во всѣ дѣла свои, помышленія и начинанія, Имъ осмыслилъ всю жизнь свою и весь исполнился духа Христова. А иначе — во всякомъ словѣ Христа вы будете видѣть свой смыслъ, а не тотъ, въ которомъ оно сказано.

Но довольно съ васъ. Не позабудьте же: откровенность во всемъ, что ни относится въ мысляхъ вашихъ до меня.

Обнимаю васъ! Передайте поклонъ всѣмъ вашимъ.

Васъ очень любящій Г.

48. С. П. Шевыреву.

Неаполь. 27 апрѣля (1847).

Благодарю очень за милое письмецо твое отъ 22 марта. Мнѣ было такъ пріятно читать его! Прежде всего поговоримъ о Погодинѣ, то есть о моемъ печат-

номъ отзывѣ о Погодинѣ. Позабылъ я о моихъ словахъ, потому, что, право, не думалъ писать ихъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ они кажутся тебѣ (хотя я самъ изумился разности словъ моихъ, когда прочелъ въ печати). Причиной невѣрности твоего вывода моя же статья. Таково дѣйствіе всякаго сочиненія, въ которомъ разсматривается половина дѣла, а не все дѣло. Умолчавши о достоинствахъ, вывести недостатки — всегда будетъ казаться отверженьемъ и непризнаньемъ достоинствъ. Я вовсе не хотѣлъ попрекнуть Погодина за то, что онъ работалъ тридцать лѣтъ, какъ муравей, но за то, что онъ не умѣлъ поступить такъ, чтобы увидѣли всѣ, что онъ тридцать лѣтъ, какъ муравей, работалъ *для добра*. Статьи этой не нужно уничтожать, но вслѣдъ за ней я помѣщу письмо къ тебѣ, подъ заглавіемъ: «О достоинствѣ сочиненій и литературныхъ трудовъ Погодина» — и мы увидимъ, въ состояніи ли эти недостатки затмить тѣ его достоинства, которыя принадлежатъ ему одному и которыхъ никто другой не имѣетъ; мы разсмотримъ также и то, умѣетъ ли теперь кто-нибудь изъ насъ такъ любить Россію, какъ любитъ онъ. Повѣрь, что статья эта теперь гораздо полезнѣй для сочиненій Погодина, тѣмъ болѣе, что послѣ моихъ жесткихъ словъ о Погодинѣ, меня никто не станетъ упрекать въ лицепріятіи. Я не отрекусь отъ моихъ нападеній, но рядомъ съ ними выставлю только, что̀ слѣдуетъ взять на вѣсы, когда произнесешь полный судъ надъ человѣкомъ.

Скажу тебѣ также нѣсколько словъ о замѣчаніи твоемъ въ прежнемъ письмѣ на статью мою «О лиризмѣ русскихъ поэтовъ» и о всемъ, что̀ ни сказано о монархической власти по поводу стихотворенія Пушкина [1]. Я не отвѣчалъ на это потому, что, не имѣя моей книги, не зналъ, въ какомъ видѣ напечатана эта статья.

[1] Къ Н*.

Теперь, скрѣпясь духомъ, пробѣжалъ. Это просто безсмыслица. Статья эта и у меня въ рукописи выходила довольно темна, а съ этими, непонятными даже для меня, обрѣзываніями цензуры даже такихъ мѣстъ, которыхъ непропускъ можно только приписать къ какому-нибудь особенному умыслу самой цензуры, — просто путаница. Не говоря о разныхъ вещахъ поважнѣе, прилагаю тебѣ здѣсь непропущенный листокъ, служащій отвѣтомъ на твой запросъ о стихотвореніи Пушкина. Несмотря на всю непріятность, которую съ перваго раза нанесъ мнѣ жалкій видъ статьи моей и толки, разнесшіеся въ публикѣ, о моемъ низкопоклонствѣ, я потомъ не только успокоился, но даже обрадовался, и жду только того, чтобы на меня побольше напали со всѣхъ сторонъ за эту статью, и, если можно, даже въ Европѣ. Тогда только я получу голосъ и, въ видѣ оправданія, могу заговорить, наконецъ, о томъ, какимъ образомъ богатствомъ милости и всепрощающей любви можетъ уподобиться монархъ Богу. Много есть вещей, которыхъ по тѣхъ поръ не найдешься какъ сказать, покуда не нападутъ на тебя. Мысль статьи этой была добрая. Повѣрь, что намъ всѣмъ слѣдуетъ умѣть прощать и помнить ежеминутно о томъ, что умѣніемъ прощать мы больше всего можетъ уподобиться Богу.

Слово о моемъ отреченіи отъ искусства. Я не могу понять, отчего поселилась эта нелѣпая мысль объ отреченіи моемъ отъ своего таланта и отъ искусства, тогда какъ изъ моей же книги можно бы, кажется, увидѣть было хотя нѣкоторыя... какія страданія я долженъ былъ выносить изъ любви къ искусству, желая себя приневолить и принудить писать и создавать тогда, когда я не въ силахъ былъ, — когда изъ самаго предисловія моего ко второму изданію «Мертвыхъ Душъ» видно, какъ я занятъ одною и тою же мыслью и какъ хочу забрать тѣхъ свѣдѣній, которыя мнѣ нужны для моего труда. Что жъ дѣлать, если душа

стала предметомъ моего искусства? Виноватъ ли я въ томъ? Что жъ дѣлать, если заставленъ я многими особенными событіями моей жизни взглянуть строже на искусство? Кто жъ тутъ виноватъ? Виноватъ Тотъ, безъ воли Котораго не совершается ни одно событіе.

Появленіе моей книги [1]), несмотря на всю ея чудовищность, есть для меня слишкомъ важный шагъ. Книга имѣетъ свойство пробнаго камня: повѣрь, что на ней испробуешь какъ разъ нынѣшняго человѣка. Въ сужденіяхъ о ней непремѣнно выскажется человѣкъ со всѣми своими помышленіями, даже тѣми, которыя онъ осторожно таитъ отъ всѣхъ, и вдругъ станетъ видно, на какой степени своего душевнаго состоянія онъ стоитъ. Вотъ почему мнѣ такъ хочется собрать всѣ толки всѣхъ о моей книгѣ. Хорошо бы прилагать при всякомъ мнѣніи портретъ того лица, которому мнѣніе принадлежитъ, если лицо мнѣ незнакомо. Повѣрь, что мнѣ нужно основательно и радикально пощупать общество, а не взглянуть на него во время бала или гуляпья: иначе у меня долго еще будетъ все невпопадъ, хотя бы и возросла способность творить. Я очень жалѣю, что не попали въ мою книгу письма къ разнымъ должностнымъ государственнымъ людямъ. Меня бъ, конечно, тогда разбранили бы еще больше. Сказали бы еще болѣе: не въ свое дѣло залѣзъ и впутался, но тѣмъ не менѣе, по поводу этихъ статей обнаружилось бы передо мной многое внутри Россіи. И многіе, въ желаніи доказать мнѣ мои ошибки, стали бы разсказывать тѣ вещи, которыя именно мнѣ нужны. А этихъ вещей никакими просьбами нельзя вымолить. Одно средство: выпустить заносчивую, задирающую книгу, которая заставила бы встрепенуться всѣхъ. Повѣрь, что русскаго человѣка покуда не разсердишь, не заставишь заговорить. Онъ все будетъ лежать на боку и требо-

[1]) «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями».

вать, чтобы авторъ попотчевалъ его чѣмъ-нибудь *примиряющимъ съ жизнью* (какъ говорится). Бездѣлица! Какъ будто можно *выдумать* это примиряющее съ жизнью. Повѣрь, что какое ни выпусти художественное произведеніе, оно не возымѣетъ теперь вліянья, если нѣтъ въ немъ именно тѣхъ вопросовъ, около которыхъ ворочается нынѣшнее общество, и если въ немъ не выставлены тѣ люди, которые намъ нужны теперь и въ нынѣшнее время. Не будетъ сдѣлано этого — его убьетъ первый романъ, какой ни появится изъ фабрики Дюма. Слова твои о томъ, какъ чорта выставить дуракомъ, совершенно попали въ тактъ съ моими мыслями. Уже съ давнихъ поръ только и хлопочу о томъ, чтобъ послѣ моего сочиненія насмѣялся въ волю человѣкъ надъ чортомъ.

Я бъ очень желалъ знать, откуда происхожденьемъ тотъ старикъ, съ которымъ ты говорилъ. Судя по его отзывѣ о чортѣ, онъ долженъ быть малороссіянинъ...

49. М. С. Щепкину.

(1847) (въ концѣ мая).

Письмо ваше, добрѣйшій Михаилъ Семеновичъ, такъ убѣдительно и краснорѣчиво, что, еслибы я точно хотѣлъ отнять у васъ городничаго, Бобчинскаго и прочихъ героевъ, съ которыми, вы говорите, сжились, какъ съ родными по крови, то и тогда бы возвратилъ вамъ вновь ихъ всѣхъ—можетъ быть, даже и съ надачей лишняго друга [1]). Но дѣло въ томъ, что вы, ка-

1) Рѣчь идетъ о «Ревизорѣ». Щепкинъ такъ писалъ о немъ Гоголю: прочтя ваше окончаніе «Ревизора», я бѣсился на самого себя, на свой близорукій взглядъ, потому что до сихъ поръ я изучалъ всѣхъ героевъ «Ревизора», какъ живыхъ людей; я такъ видѣлъ много знакомаго, такъ родного, я такъ свыкся съ городничимъ, Добчинскимъ и Бобчинскимъ втеченіе 10 лѣтъ нашего сближенія, что отнять ихъ у меня и всѣхъ вообще это было бы дѣйствіе безсовѣстное... Нѣтъ, я ихъ вамъ не дамъ! не дамъ, пока существую. Послѣ меня передѣлывайте хоть въ козловъ»...

жется, не такъ поняли послѣднее письмо мое. Прочитать «Ревизора» я именно хотѣлъ затѣмъ, чтобы Бобчинскій сдѣлался еще больше Бобчинскимъ, Хлестаковъ—Хлестаковымъ, и словомъ—всякъ тѣмъ, чѣмъ ему слѣдуетъ быть. Передѣлку же я разумѣлъ только въ отношеніи къ піесѣ, заключающей «Ревизора». Понимаете ли это? Въ этой піесѣ я такъ неловко управился, что зритель непремѣнно долженъ вывести заключеніе, что я изъ «Ревизора» хочу сдѣлать аллегорію. У меня не то въ виду. «Ревизоръ» «Ревизоромъ», а примѣненіе къ самому себѣ есть непремѣнная вещь, которую долженъ сдѣлать всякъ зритель изо всего, даже и не-«Ревизора», но которое приличнѣй ему сдѣлать (по) поводу «Ревизора». Вотъ что̀ слѣдовало было (sic) доказать по поводу словъ: «Развѣ у меня рожа крива?» Теперь осталось все при своемъ: «И овцы цѣлы, и волки сыты». Аллегорія аллегор(іей), а «Ревизоръ» «Ревизоромъ». Странно, однакожъ, что свиданье наше не удалось. Разъ въ жизни пришла мнѣ охота прочесть какъ слѣдуетъ «Ревизора», чувствовалъ, что прочелъ бы дѣйствительно хорошо,—и не удалось. Видно, Богъ не велитъ мнѣ заниматься театромъ. Одно замѣчанье на-счетъ городничаго пріймите къ свѣдѣнію. Начало перваго акта нѣсколько у васъ холодно. Не позабудьте также: у городничаго есть нѣкоторое ироническое выраженье въ минуты самой досады, какъ, напримѣръ, въ словахъ: «Такъ ужъ, видно, нужно. До сихъ поръ подбирались къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь и къ нашему». Во второмъ актѣ, въ разговорѣ съ Хлестаковымъ, слѣдуетъ гораздо больше игры въ лицѣ. Тутъ есть совершенно различныя выраженья сарказма. Впрочемъ, это ощутительнѣй по послѣднему изданію, напечатанному въ «Собраніи Сочиненій».

Очень радъ, что вы занялись ревностно писаніемъ вашихъ записокъ. Начать въ ваши годы писать за-

писки, это значитъ жить вновь. Вы непремѣнно помолодѣете и силами и духомъ, а чрезъ то приведете себя въ возможность прожить лишній десятокъ лѣтъ. Обнимаю васъ. Прощайте. Н. Г.

50. С. Т. Аксакову.

Франкфуртъ. Іюнь 10 (1847).

Погодинъ мнѣ сдѣлалъ запросъ: отчего я такъ долго не писалъ къ вамъ и не сердитъ ли я на васъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ? Я къ вамъ не писалъ потому, что, во-первыхъ, вы сами не отвѣчали мнѣ на послѣднее письмо мое, а во-вторыхъ, потому, что вы, какъ я слышалъ, на меня за него разсердились. Ради Самого Христа, войдите въ мое положеніе, почувствуйте трудность его и скажите мнѣ сами: какъ мнѣ быть, какъ, о чемъ и что я могу теперь писать? Еслибъ я и въ силахъ былъ сказать слово искреннее у меня языкъ не поворотится. Искреннимъ языкомъ можно говорить только съ тѣмъ, кто сколько-нибудь вѣритъ нашей искренности; но если знаешь, что передъ тобою стоитъ человѣкъ, уже составившій о тебѣ свое понятіе и въ немъ утвердившійся, тутъ у наискреннѣйшаго человѣка онѣмѣетъ слово, не только у меня, человѣка, какъ вы знаете, скрытнаго, котораго и скрытность произошла отъ неумѣнья объясниться. Ради Самого Христа, прошу васъ теперь не изъ дружбы, но изъ милосердія, которое должно быть свойственно всякой доброй и сострадущей душѣ, изъ милосердія прошу васъ взойти въ мое положеніе, потому что душа моя уныла, какъ ни крѣплюсь и ни стараюсь быть хладнокровнымъ. Отношенія мои стали слишкомъ тяжелы со всѣми тѣми друзьями, которые поторопились подружиться со мною, не узнавши меня. Какъ у меня еще совсѣмъ не закружилась голова, какъ я не сошелъ

еще съ ума отъ всей этой безтолковщины — этого я и самъ не могу понять. Знаю только, что сердце мое разбито и дѣятельность моя отнялась. Можно еще вести брань съ самыми ожесточенными врагами, но храни Богъ всякаго отъ этой страшной битвы съ друзьями! Тутъ все изнеможетъ, что̀ ни есть въ тебѣ. Другъ мой, я изнемогъ, — вотъ все, что могу вамъ сказать теперь. Что̀ же касается до непзмѣнности моихъ сердечныхъ отношеній, то скажу вамъ, что любовь, болѣе чѣмъ когда-либо прежде, теперь доступнѣе душѣ. Если я люблю и хочу любить даже тѣхъ, которые меня не любятъ, то какъ я могу не любить тѣхъ, которые меня любятъ? Но я прошу васъ теперь не о любви. Не имѣйте ко мнѣ любви, но имѣйте хотя каплю милосердія, потому что положеніе мое, повторяю вамъ вновь, тяжело. Еслибы вы вошли въ него хорошенько, вы бы увидѣли, что мнѣ труднѣе, нежели всѣмъ тѣмъ, которыхъ я оскорбилъ. Другъ мой, я говорю вамъ правду.

Обнимаю васъ отъ всей души. Весь вашъ Г.

...Другъ мой, тяжело очутиться въ этомъ вихрѣ недоразумѣній! Вижу, что мнѣ нужно надолго отказаться отъ пера во всѣхъ отношеніяхъ и отъ всего удалиться...

51. В. А. Жуковскому.

Неаполь. $\frac{\text{1848. Генваря 10.}}{\text{1847. Декабря 22.}}$

Виноватъ передъ тобой, душа моя! Всякій день собираюсь писать — и непостижимая *неохота* удерживаетъ. Передъ мной опять Неаполь, Везувій и море! Дни бѣгутъ въ занятіяхъ, время летитъ такъ, что не знаешь, откуда взять лишній часъ. Учусь, какъ школьникъ, всему тому, чему пренебрегъ выучиться въ школѣ. Но что̀ разсказывать объ этомъ! Хотѣлось бы поговорить о томъ, о чемъ съ однимъ тобой могу говорить:

о нашемъ миломъ *искусствѣ*, для котораго живу и для котораго учусь теперь, какъ школьникъ. Такъ какъ теперь предстоитъ мнѣ путешествіе въ Іерусалимъ, то хочу тебѣ исповѣдаться; кому же, какъ не тебѣ? Вѣдь литература заняла почти всю жизнь мою, и главные мои грѣхи — здѣсь. Вотъ уже скоро двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я, едва вступавшій въ свѣтъ юноша, пришелъ въ первый разъ къ тебѣ, уже совершившему полъ-дороги на этомъ поприщѣ. Это было въ Шепелевскомъ дворцѣ. Комнаты этой уже нѣтъ. Но я ее вижу какъ теперь, всю, до малѣйшей мебели и вещицы. Ты подалъ мнѣ руку и такъ исполнился желаньемъ помочь будущему сподвижнику! Какъ былъ благосклонно-любовенъ твой взоръ!.. Что насъ свело, неравныхъ годами? Искусство. Мы почувствовали родство, сильнѣйшее обыкновеннаго родства. Отъ чего? Отъ того, что чувствовали оба святыню искусства.

Не мое дѣло рѣшить, въ какой степени я поэтъ; знаю только то, что прежде, чѣмъ понимать значенье и цѣль искусства, я уже чувствовалъ чутьемъ всей души моей, что оно должно быть свято. И едва ли не со времени этого перваго свиданья нашего оно уже стало *главнымъ* и *первымъ* въ моей жизни, а все прочее *вторымъ*. Мнѣ казалось, что уже не долженъ я связываться никакими другими узами на землѣ, ни жизнью семейной, ни должностной жизнью гражданина, и что словесное поприще есть тоже служба. Еще я не давалъ себѣ отчета (да и могъ ли тогда его дать?), что должно быть предметомъ моего пера, а уже творческая сила шевелилась и собственныя обстоятельства жизни моей наталкивали на предметы. Все совершалось какъ бы независимо отъ моего собственнаго (свободнаго) произволенія. Никогда, напримѣръ, я не думалъ, что мнѣ придется быть сатирическимъ писателемъ и смѣшить моихъ читате-

лей. Правда, что, еще бывши въ школѣ, чувствовалъ я временами расположенье къ веселости и надоѣдалъ товарищамъ неумѣстными шутками. Но это были временные припадки; вообще же я былъ характера скорѣй меланхолическаго и склоннаго къ размышленію. Впослѣдствіи присоединилась къ этому болѣзнь и хандра. И эти то самые болѣзнь и хандра были причиной той веселости, которая явилась въ моихъ первыхъ произведеніяхъ: чтобы развлекать самого себя, я выдумывалъ безъ дальнѣйшей цѣли и плана героевъ, становилъ ихъ въ смѣшныя положенія вотъ происхожденіе моихъ повѣстей! Страсть наблюдать за человѣкомъ, питаемая мною еще сызмала, придала имъ нѣкоторую естественность; ихъ даже стали называть вѣрными снимками съ натуры. Еще одно обстоятельство: мой смѣхъ вначалѣ былъ добродушенъ; я совсѣмъ не думалъ осмѣивать что-либо съ какой-нибудь цѣлью, и меня до такой степени изумляло, когда я слышалъ, что обижаются и даже сердятся на меня цѣликомъ сословія и классы общества, что я наконецъ задумался. «Если сила смѣха такъ велика, что ея боятся, стало быть, ее не слѣдуетъ тратить по-пустому». Я рѣшился собрать все дурное, какое только я зналъ, и за однимъ разомъ надъ всѣмъ посмѣяться — вотъ все происхожденіе «Ревизора»! Это было первое мое произведеніе, замышленное съ цѣлью произвести доброе вліяніе на общество, что, впрочемъ, не удалось: въ комедіи стали видѣть желанье осмѣять узаконенный порядокъ вещей и правительственныя формы, тогда какъ у меня было намѣреніе осмѣять только самоуправное отступленье нѣкоторыхъ лицъ отъ форменнаго и узаконеннаго порядка. Представленье «Ревизора» произвело на меня тягостное впечатлѣніе. Я былъ сердитъ и на зрителей, меня не понявшихъ, и на себя самого, бывшаго виной тому, что меня не поняли. Мнѣ хотѣлось убѣжать отъ всего. Душа требовала уединенья и обдуманья стро-

жайшаго своего дѣла. Уже давно занимала меня мысль *большого сочиненья*, въ которомъ бы предстало все, что̀ ни есть и хорошаго и дурного въ русскомъ человѣкѣ, и обнаружилось бы предъ нами виднѣй *свойство* нашей русской природы. Я видѣлъ и обнималъ порознь много частей, но планъ цѣлаго никакъ не могъ передо мной выясниться и опредѣлиться въ такой силѣ, чтобы я могъ уже приняться и начать писать. На всякомъ шагу я чувствовалъ, что мнѣ многаго недостаетъ, что я не умѣю еще ни завязывать, ни развязывать событій, и что мнѣ нужно выучиться постройкѣ большихъ твореній у великихъ мастеровъ. Я принялся за нихъ, начиная съ нашего любезнаго Гомера. Уже мнѣ показалось было, что я начинаю кое-что понимать и пріобрѣтать даже ихъ пріемы и замашки, а способность творить все не возвращалась. Отъ напряженья болѣла голова. Съ большими усиліями удалось мнѣ кое-какъ выпустить въ свѣтъ первую часть «Мертвыхъ Душъ», какъ бы затѣмъ, чтобы увидѣть на ней, какъ я былъ еще далекъ отъ того, къ чему стремился. Послѣ этого нашло на меня вновь безблагодатное состоянie. Изгрызалось перо, раздражались нервы и силы — и ничего не выходило. Я думалъ, что уже способность писать просто отнялась отъ меня. И вдругъ болѣзни и тяжкія душевныя состоянья, оторвавши меня разомъ отъ всего и даже отъ самой мысли объ искусствѣ, обратили къ тому, къ чему прежде, чѣмъ сдѣлался писатель, уже имѣлъ я охоту: къ наблюденью внутреннему надъ человѣкомъ и надъ *душой человѣческой*. О, какъ глубже передъ тобой раскрывается это познанie, когда начнешь дѣло съ собственной своей души! На этомъ то пути поневолѣ встрѣтишься *ближе* съ Тѣмъ, Который одинъ изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ на землѣ показалъ въ Себѣ полное познанье души человѣческой; божественность Котораго если бы даже и отвергнулъ міръ, то ужъ этого послѣдняго свойства

никакъ не въ силахъ отвергнуть, развѣ только въ такомъ случаѣ, когда сдѣлается уже не *слѣпъ*, а просто *глупъ*. Этимъ крутымъ поворотомъ, происшедшимъ не отъ моей воли, наведенъ я былъ заглянуть глубже въ душу вообще и узнать, что существуютъ ея высшія степени и явленія. Съ этихъ поръ способность творить стала пробуждаться; живые образы начинаютъ выходить ясно изъ мглы; чувствую, что работа пойдетъ, что даже и языкъ будетъ правиленъ и звученъ, а слогъ окрѣпнетъ. И, можетъ быть, будущій уѣздный учитель словесности прочтетъ ученикамъ своимъ страницу будущей моей прозы непосредственно во слѣдъ за твоей, примолвивши: «Оба писателя правильно писали, хотя и не похожи другъ на друга». Выпускъ книги «Переписка съ друзьями», съ которою (отъ радости, что расписалось перо) я такъ поспѣшилъ, не подумавши, что прежде, чѣмъ принести какую-нибудь пользу, могу сбить ею съ толку многихъ, пришелся въ пользу мнѣ самому. На этой книгѣ я увидѣлъ, гдѣ и въ чемъ я перешелъ въ то излишество, въ которое, въ эпоху нынѣшняго переходнаго состоянья общества, попадаетъ почти всякій идущій впередъ человѣкъ. Несмотря на пристрастье сужденій объ этой книгѣ и разномысліе ихъ, въ итогѣ мнѣ послышался общій голосъ, указавшій мнѣ мѣсто мое и границы, которыхъ я, какъ писатель, не долженъ преступать.

Въ самомъ дѣлѣ, не мое дѣло поучать проповѣдью. Искусство и безъ того уже поученье. Мое дѣло говорить *живыми образами*, а не разсужденьями. Я долженъ выставить *жизнь* лицомъ, а не трактовать о жизни. Истина очевидная. Но вопросъ, могъ ли бы я безъ этого большого крюку сдѣлаться достойнымъ производителемъ искусства? Могъ ли бы я выставить жизнь въ ея глубинѣ, такъ, чтобы она пошла въ поученье? Какъ изображать людей, если не узналъ прежде, что̀ такое *душа человѣческая?* Писатель, если

только онъ одаренъ творческою силою создавать собственные образы, воспитайсь (sic) прежде, какъ человѣкъ и гражданинъ земли своей, а потомъ уже принимайся за перо! Иначе все будетъ невпопадъ. Что пользы поразить позорнаго и порочнаго, выставя его на видъ всѣмъ, если не ясенъ въ тебѣ самомъ идеалъ ему противоположнаго прекраснаго человѣка? Какъ выставлять недостатки и недостоинство человѣческое, если не задалъ самому себѣ запроса: въ чемъ же достоинство человѣка? и не далъ на это себѣ сколько-нибудь удовлетворительнаго отвѣта. Какъ осмѣять исключенья, если еще не узналъ хорошо тѣ правила, изъ которыхъ выставляешь на видъ исключенья? Это будетъ значитъ разрушить старый домъ прежде, чѣмъ имѣешь возможность выстроить на мѣсто его новый. Но искусство не разрушенье. Въ искусствѣ таятся сѣмена созданья, а не разрушенья. Это чувствовалось всегда, даже и въ тѣ времена, когда все было невѣжественно. Подъ звуки Орфеевой лиры строились города. Несмотря на неочищенное еще до сихъ поръ понятіе общества объ искусствѣ, всѣ, однакоже, говорятъ: «Искусство есть примиренье съ жизнью». Это правда. Истинное созданье искусства имѣетъ въ себѣ что то успокаивающее и примирительное. Во время чтенья душа исполняется стройнаго согласія, а по прочтеніи удовлетворена: ничего не хочется, ничего не желается, не подымается въ сердцѣ движенье негодованья противу брата, но скорѣе въ немъ струится елей всепрощающей любви къ брату; и вообще не устремляешься на *порицанье* дѣйствій другого, но на *созерцанье* самого себя. Если же созданье поэта не имѣетъ въ себѣ этого свойства, то оно есть одинъ только благородный, горячій порывъ, плодъ временнаго состоянья автора. Оно останется, какъ примѣчательное явленье, но не назовется созданьемъ искусства. Подѣломъ! Искусство есть примиренье съ жизнью!

Искусство есть водворенье въ душу стройности и порядка, а не смущенья и разстройства. Искусство должно изобразить намъ такимъ образомъ людей земли нашей, чтобы каждый изъ насъ почувствовалъ, что это *живые люди*, созданные и взятые изъ того же тѣла, изъ котораго и мы. Искусство должно выставить намъ на видъ всѣ доблестныя *народныя* наши качества и свойства, не выключая даже и тѣхъ, которыя, не имѣя простора свободно развиться, не всѣми замѣчены и оцѣнены такъ вѣрно, чтобы каждый почувствовалъ ихъ и въ себѣ самомъ и загорѣлся бы желаньемъ развить и возлелѣять въ себѣ самомъ то, что имъ заброшено и позабыто. Искусство должно выставить намъ всѣ дурныя наши народныя качества и свойства такимъ образомъ, чтобы слѣды ихъ каждый изъ насъ отыскалъ прежде въ себѣ самомъ; и подумалъ бы о томъ, какъ прежде съ самого себя сбросить все омрачающее благородство природы нашей. Тогда только и такимъ образомъ дѣйствуя, искусство исполнитъ свое назначенье и внесетъ порядокъ и стройность въ общество!

Итакъ, благословясь и помолясь, обратимся же сильнѣй, чѣмъ когда-либо прежде, къ нашему милому искусству. Что касается до меня, то, отложивши все прочее на будущее время (когда Богъ удостоитъ быть сколько-нибудь достойнымъ того), хочу заняться крѣпко «Мертвыми Душами». Съѣзжу въ Іерусалимъ (чего стало даже и совѣстно не сдѣлать); поблагодарю, какъ сумѣю, за все бывшее. Помолюсь, да укрѣпится душа и соберутся силы, и съ Богомъ за дѣло. Очень, очень бы хотѣлось, чтобы привелъ Богъ намъ опять пожить вмѣстѣ, въ Москвѣ, вблизи другъ отъ друга. Перечитывать написанное и быть судьей другъ другу теперь будетъ еще больше нужно, чѣмъ прежде.

Затѣмъ отъ всей души поздравляю тебя съ новымъ годомъ. Дай Богъ, чтобъ былъ онъ намъ обоимъ очень, очень плодотворенъ, плодотворнѣе всѣхъ прошедшихъ.

Прощай, мой родной! Цѣлую тебя и обнимаю крѣпко. Пиши ко мнѣ. Твое письмо еще застанетъ меня въ Неаполѣ. Раньше февраля я не думаю подняться. Обнимаю все твое милое семейство вмѣстѣ съ Рейтернами. Твой Г.

52. Духовное завѣщаніе Н. В. Гоголя.

а) Друзьямъ моимъ.

Благодарю васъ много, друзья мои. Вами украсилась жизнь моя. Считаю долгомъ сказать вамъ теперь напутственное слово. Не смущайтесь никакими событіями, какія ни случаются вокругъ васъ. Дѣлайте каждый свое дѣло, моляся въ тишинѣ. Общество тогда только поправится, когда всякій частный человѣкъ займется собою и будетъ жить какъ христіанинъ, служа Богу тѣми орудіями, какія ему даны, и стараясь имѣть доброе вліяніе на небольшой кругъ людей, его окружающихъ. Все придетъ тогда въ порядокъ, сами собой установятся тогда правильныя отношенія между людьми, опредѣлятся предѣлы законные всему. И человѣчество двинется впередъ...

Будьте не мертвыя, а живыя души. Нѣтъ другой двери, кромѣ указанной Іисусомъ Христомъ, и всякъ прелазай иначе есть тать и разбойникъ.

Во Имя Отца и Сына и Святого Духа.

Отдаю все имущество, какое есть, матери и сестрамъ. Совѣтую имъ жить въ любви совокупно въ деревнѣ, и помня, что отдавъ себя крестьянамъ и всѣмъ людямъ, помнить изреченіе Спасителя: «Паси овцы моя!» Господь да внушить все, что должны онѣ сдѣлать. Служившихъ мнѣ людей наградить. Якима отпустить на волю. Семена также, если онъ прослужитъ лѣтъ десять графу [1]).

---

1) Гр. А. П. Толстому.

Мнѣ бы хотѣлось, чтобы деревня наша по смерти моей сдѣлалась пристанищемъ всѣхъ не вышедшихъ замужъ дѣвицъ, которыя бы отдали себя на воспитаніе сиротокъ, дочерей бѣдныхъ неимущихъ родителей. Воспитаніе самое простое: Законъ Божій да безпрерывное упражненье въ трудѣ на воздухѣ около сада или окол...

Если не будете малы, не внидете въ Царствіе Божіе.

Помилуй, Господи, меня грѣшнаго: свяжи сатану вновь.

б) Статья изъ завѣщанія, относящаяся къ дѣламъ семейственнымъ.

Завѣщаю доходы отъ изданій сочиненій моихъ, какіе... по смерти моей въ собственность моей матери и моимъ сестрамъ на условіи дѣлиться съ бѣдными пополамъ. Какъ бы ни нуждались онѣ сами, но да помнятъ вѣчно, что есть на свѣтѣ такіе, которые нуждаются еще болѣе ихъ. Изъ бѣдныхъ же должны онѣ помогать только такимъ, которые возымѣютъ желаніе искреннее перемѣнить жизнь и сдѣлаться лучшими, для чего имъ слѣдуетъ подробно входить въ обстоятельства и положеніе каждаго бѣдняка и помогать не прежде, какъ совершенно его узнавши: деньги эти пріобрѣтены не безъ труда, а потому и не должны быть брошены на воздухъ. Все же мое недвижимое имущество, какое имѣлъ я, отдано мною уже давно моей матери; если акъ актъ, утверждавшій сію дачу и сдѣланный назадъ тому пятнадцать лѣтъ, не покажется довольно утвердительнымъ, то я подтверждаю это вновь здѣсь, дабы никто не дерзнулъ у ней оспаривать ея право. Прошу какъ мать, такъ и сестеръ моихъ, перечитать сызнова послѣ моей смерти всѣ мои письма къ нимъ, писанныя въ послѣдніе три года,

особенно не исключая тѣхъ, которыя, повидимому, относятся къ одному хозяйству: многое поймется по смерти моей лучше. По кончинѣ моей никто изъ нихъ уже не имѣетъ права принадлежать себѣ, но — всѣмъ тоскующимъ, страждущимъ и претерпѣвающимъ какое-нибудь неизмѣнное горе; чтобы домъ и деревня ихъ походили скорѣй на гостиницу и странноприимный домъ, чѣмъ на обиталище помѣщика: чтобы всякій, кто бы ни пріѣзжалъ, былъ ими принятъ, какъ родной и сердцу близкій человѣкъ: чтобы радушно и родственно разспросили онѣ его обо всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, дабы узнать, не понадобится ли въ чемъ ему помочь, или же, по крайней мѣрѣ, дабы умѣть ободрить и освѣтить его. — чтобы никто изъ ихъ деревни не уѣзжалъ сколько-нибудь не утѣшеннымъ. Если же путникъ простого званія, привыкнулъ къ нищенской жизни и ему неловко почему-либо помѣститься въ помѣщичьемъ домѣ, то чтобы онъ отведенъ былъ къ зажиточному и лучшему крестьянину на деревнѣ, который былъ бы притомъ жизни примѣрной, и умѣлъ бы помогать собрату умнымъ совѣтомъ. чтобы и онъ разспросилъ своего гостя такъ же радушно обо всѣхъ его обстоятельствахъ, ободрилъ, освѣжилъ и снабдилъ разумнымъ напутствіемъ, донося потомъ обо всемъ владѣющимъ, дабы и онѣ могли съ своей стороны прибавить къ тому свой совѣтъ или вспомоществованіе, какъ и что̀ найдутъ приличнымъ, чтобы такимъ образомъ никто изъ ихъ деревни не уѣзжалъ и не уходилъ сколько-нибудь неутѣшеннымъ.

53. Совѣтъ сестрамъ.

Во имя Отца и Сына... Я бы хотѣлъ, чтобы по смерти выстроенъ былъ храмъ, въ которомъ бы производились частыя поминки по грѣшной душѣ. Для того

кладу въ основаніе половину моихъ доходовъ съ сочиненій. Если сестры не выйдутъ замужъ, домъ свой да превратятъ сестры въ обитель, выстроивъ посреди двора и открывши у себя пріютъ бѣднымъ, живущимъ безъ мѣста дѣвицамъ. Жизнь должна быть самая простая: довольствовать(ся) тѣмъ, что производитъ деревня, и ничего не покупать. Со-временемъ обитель можетъ превратиться въ монастырь, если потомъ на старости дней сестры возымѣютъ желаніе принять иноческій чинъ. Одна изъ нихъ можетъ быть игуменьею. Я бы хотѣлъ, чтобы тѣло мое было погребено если не въ церкви, то оградѣ церковной, и чтобы панихиды по мнѣ не прекращались.

54. Строки, написанныя за нѣсколько дней до кончины.

Аще не будете малы, яко дѣти, не внидите въ Царствіе Небесное.

Помилуй меня грѣшнаго, прости, Господи! Свяжи вновь Сатану таинственною силою неисповѣдимаго креста!

Какъ поступить, чтобы признательно, благодарно и вѣчно помнить въ сердцѣ моемъ полученный урокъ? И страшнѣе исторіи всѣхъ событій Евангель...

Указатель литературы о Гоголѣ [1]).

А. Собранія сочиненій.

1. **Сочиненія Н. В. Гоголя.** Ред. Н. С. Тихонравова. Изд. 10. М. 1889. Т. I—V.

Превосходное критическое изданіе съ богатымъ историко-литературнымъ комментаріемъ. Первая попытка научнаго установленія текста. Дополнительные томы (VI и VII, Спб., 1896) были только подготовлены Тихонравовымъ и редактировались В. И. Шенрокомъ. Въ нихъ использованъ (не вполнѣ и слабѣе, чѣмъ въ предыдущихъ томахъ) преимущественно рукописный матеріалъ; самые пріемы редактированія значительно слабѣе Тихонравовскихъ.

2. **Ревизоръ.** Первоначальный сценическій текстъ. Ред. Н. С. Тихонравова. М. 1886.

Образцовое по полнотѣ и точности собраніе данныхъ для литературной исторіи „Ревизора".

3. **Сочиненія Н. В. Гоголя.** Дополнительный томъ. Ред. Н. С. Тихонравова. Вып. I (дальнѣйшихъ не было). М. 1892. Изд. „Колоколъ".

Дополненія — извлеченія изъ рукописей къ изд. подъ № 1, отличающіяся обычными достоинствами Тихонравовскихъ работъ. Использовано, съ ошибками, въ дополнительныхъ томахъ № 1.

4. **Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя.** Ред. А. И. Кирпичникова. Т. I—III. М. 1902.

Въ текстѣ внесены мѣстами поправки къ Тихонравовскому изданію. При первомъ томѣ „опытъ хронологической канвы для біографіи Н. В. Гоголя", полезный, какъ справочное пособіе (изданъ и отдѣльно). Комментаріи слишкомъ коротки и бѣглы, но даютъ дополненія къ Тихонравову.

5. **Сочиненія и письма Н. В. Гоголя.** Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Ред. В. В. Каллаша. Т. I—IX. Спб. 1908—1909.

Комментированное изданіе, использовавшее какъ старую, такъ и новѣйшую литературу о Гоголѣ.

---

[1]) Книги, переиздававшіяся нѣсколько разъ, указаны безъ года изданія. Сокращенія: Спб. — Петербургъ, М. — Москва, ред. — подъ редакціей, сб. — сборникъ, т. — томъ, вып. — выпускъ, т-во—товарищество.

6. **Письма Н. В. Гоголя.** Ред. В. И. Шенрока. Т. I—IV. Спб. 1902.

Изданіе съ существенными недочетами текста, хронологіи и комментарія (см. замѣчанія П. П. Дашкевича въ Академическомъ „Сборникѣ“, № 78 и В. В. Каллаша въ „Русской Мысли“ (1902), и въ „Русскомъ Архивѣ“ (1908). Въ него не вошелъ рядъ писемъ, опубликованныхъ въ „Старинѣ и Новизнѣ“, „Историческомъ Вѣстникѣ“, „Русской Старинѣ“ и „Русскомъ Архивѣ“. Требуетъ основательной переработки и переизданія. Пока, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, является единственнымъ источникомъ для изученія переписки Гоголя.

Б. Біографическіе матеріалы и біографіи.

1. **В. И. Шенрокъ.** Матеріалы для біографіи Гоголя. Т. I—IV. М. 1902—1908.

Обилие цѣнныхъ данныхъ, но недостатокъ цѣльности и перспективы. Сборникъ сырыхъ, необработанныхъ фактовъ съ противорѣчіями, повтореніями, пробѣлами и излишними длиннотами. Пользованіе имъ мало подготовленными читателями требуетъ опытнаго руководительства.

2. **В. И. Шенрокъ.** Ученическіе годы Гоголя. М. 1898.

Эпизодъ изъ біографіи Н. В., отличающійся указанными выше недочетами и достоинствами.

3. **Н. И. Коробка.** Дѣтство и юность Гоголя. „Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія“. 1902, февраль.

Серьезная, богатая матеріаломъ, но сухо написанная статья. Дополненіями къ ней могутъ быть статьи г. Заболотскаго въ Академическихъ „Извѣстіяхъ“ 1902, II, г. Щеголева въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (1902, II) и „Литературномъ Вѣстникѣ“ (1902, II) и г. Чаговца въ Сборникѣ „Памяти Гоголя“ (Кіевъ, 1902 г.).

4. **П. В. Владиміровъ.** Изъ ученическихъ книгъ Гоголя. Кіевъ. 1890.

Всесторонній комментарій къ очень характерной для молодого Гоголя перепискѣ его съ товарищемъ по Нѣжину Высоцкимъ.

5. **Н. А. Лавровскій.** Къ біографіи Н. В. Гоголя. Кіевъ. 1881.

Прекрасная для своего времени, но теперь нѣсколько устарѣвшая работа о Нѣжинскомъ періодѣ жизни Гоголя. Ее хорошо дополняютъ: содержательный, но сухо написанный очеркъ М. И. Сперанскаго „Гимназія высшихъ наукъ и Нѣжинскій періодъ жизни Н. В. Гоголя“ (Кіевъ, 1902) и матеріалы „Гоголевскаго сборника“ подъ ред. проф. Сперанскаго (Кіевъ, 1902).

6. **А. И. Кирпичниковъ.** Сомнѣнія и противорѣчія въ біографіи Гоголя. 3 вып. Спб. 1900—1902.

Рядъ цѣнныхъ детальныхъ изслѣдованій о жизни Н. В., необходимыхъ для его научной біографіи. Дополненія въ статьяхъ В. И. Шенрока „Спорные вопросы въ біографіи Гоголя“ („Вѣстникъ Европы“, 1904, сент. и октябрь).

7. **Николай М.** (Кулишъ П.), а) Опытъ біографіи Н. В. Гоголя. Спб. 1854. б) Записки о жизни Н. В. Гоголя. Т. I—II. Спб. 1855.

Устарѣвшія книги, сохранившія свое значеніе и до сихъ поръ благодаря включеннымъ въ текстъ цѣннымъ воспоминаніямъ о Гоголѣ близкихъ къ нему лицъ и современниковъ. См. въ настоящемъ сборникѣ отдѣлъ воспоминаній. По недостатку мѣста въ немъ не могли быть использованы автобіографическія записки М. И. Гоголь, матери писателя, ярко рисующія ту нравственную атмосферу, въ которой слагался великій писатель, и воспоминанія Г. П. Данилевскаго, живо написанныя и характерныя отдѣльными подробностями („Русскій Архивъ", 1902, IV и полное собраніе сочиненій Г. П. Данилевскаго, т. XIV и XX).

8. **Н. Н. Баженовъ.** Болѣзнь и смерть Н. В. Гоголя. М. 1902. (Психіатрическія бесѣды на литературныя и общественныя темы. М. 1903).

Талантливый психіатрическій этюдъ, представляющій и значительный историко-литературный интересъ. Дополненіемъ къ нему могутъ служить воспоминанія доктора Тарасенкова, лѣчившаго Н. В. „Послѣдніе дни жизни Н. В. Гоголя". (М. 1902).

В. Характеристики личности и творчества; критическія оцѣнки всей литературной дѣятельности Гоголя или его отдѣльныхъ произведеній.

1. **Д. Н. Овсянико-Куликовскій.** Гоголь. Спб. 1909. 3 изд.

Тонкій и глубокій анализъ психологіи творчества Гоголя.

2. **Его же.** Гоголь въ его произведеніяхъ. М. 1909. Изд. И. Д. Сытина.

3. **Н. А. Котляревскій.** Н. В. Гоголь. Спб. 1903.

Живо написанный обзоръ жизни и литературной дѣятельности Гоголя по 1842 г., въ связи съ развитіемъ русской литературы той эпохи.

4. **П. В. Владиміровъ.** Очеркъ развитія творчества Н. В. Гоголя. Кіевъ. 1891.

Первая серьезная работа по исторіи творчества Гоголя, устарѣвшая въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ, но не потерявшая значенія и до сихъ поръ.

5. **Д. С. Мережковскій.** Гоголь и чортъ. М. 1906. (То же. Гоголь. Изд. Пантеонъ. Спб. 1909).

Оригинальное, высоко-талантливое освѣщеніе религіозныхъ исканій Гоголя и роли „чорта" въ его творчествѣ. Тонкій анализъ Чичиковщины и Хлестаковщины.

6. **Г. Александровскій.** Этюды по психологіи художественнаго творчества „Ревизоръ" Гоголя. Кіевъ. 1898.

Хорошій, популярно-написанный анализъ процесса созданія „Ревизора".

7. **В. Шереметевскій.** Каковъ Хлестаковъ на самомъ дѣлѣ, и за кого подчасъ принимаютъ его. Спб. 1888.

Хорошо составленный „опытъ литературной бесѣды для учащихся старшаго возраста".

8. Н. В. Волковъ. Къ исторіи русской комедіи. I. Зависимость „Ревизора“ Гоголя отъ комедіи Квитки „Пріѣзжій изъ столицы“. Спб. 1899.

Интересная попытка выясненія одного изъ наиболѣе запутанныхъ вопросовъ литературной исторіи „Ревизора“. Существенныя возраженія А. І. Лященко въ Сборникѣ „Памяти Л. Н. Майкова“. Спб. 1902. Выясненію литературной исторіи комедіи посвящена еще дѣльная, но сухая статья П. Д. Смирнова въ Академическихъ „Извѣстіяхъ“. 1901, кн. I.

9. А. Д. Алферовъ. Особенности творчества Гоголя и значеніе его поэзіи для русскаго самосознанія. М. 1901. (2-е изд. 1909).

Сжатый, популярно написанный очеркъ, разсчитанный на широкій кругъ читателей.

10. І. Е. Мандельштамъ. О характерѣ Гоголевскаго стиля. Гельсингфорсъ. 1902.

Первая попытка научнаго изученія Гоголевскаго стиля, съ серьезными пробѣлами и недочетами, но дающая богатый матеріалъ для характеристики творческихъ пріемовъ Н. В. Цѣнная рецензія А. Г. Горнфельда въ „Рус. Богатствѣ“. 1902, № 1.

11. В. Зелинскій. Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя. М. 3 вып.

Пестрый сборникъ критическихъ матеріаловъ, воспроизведенныхъ съ искаженіями и неоговоренными сокращеніями, дающій все-таки нѣкоторое представленіе объ оцѣнкѣ произведеній Гоголя его современниками.

12. Н. В. Гоголь. Рѣчи, посвященныя его памяти, въ публичномъ соединенномъ собраніи Отд. русск. яз. и слов., разряда изящной слов. Академіи наукъ и ист.-филол. фак. Петерб. университета. Спб. 1902.

Сборникъ. Болѣе выдающіяся статьи — „Значеніе Гоголя въ созданіи современнаго международнаго положенія русской литературы“ А. Н. Пыпина и „Значеніе Гоголя для его преемниковъ“ К. К. Арсеньева.

13. Памяти Гоголя. Научно-литературный сборникъ истор. общ. Нестора Лѣтописца. Кіевъ. 1902.

Сборникъ. Болѣе выдающіяся статьи: „Свѣдѣнія о предкахъ Гоголя“ А. М. Лазаревскаго, „Юношеская идиллія Гоголя“ И. В. Шаровольскаго, „Научныя и литературныя произведенія Гоголя по исторіи Малороссіи“ И. М. Каманина, „Исторія возникновенія и созданія Мертвыхъ Душъ“ М. Н. Марковскаго, „Значеніе мысли и творчества Гоголя“ Н. Н. Дашкевича, „Семейная хроника Гоголей“ и „На родинѣ Гоголя“ В. А. Чаговца и „Гоголь и Бѣлинскій“ Г. В. Александровскаго.

14. Гоголевскій Сборникъ, подъ. ред. проф. М. Н. Сперанскаго. Кіевъ. 1902.

Болѣе интересныя статьи М. Н. Сперанскаго объ изображеніяхъ Гоголя, г. Заболотскаго—обзоръ Гоголевской литературы и г. Сребрянскаго — матеріалы для исторіи Нѣжинскаго періода жизни Н. В.

15. **А. Н. Пыпинъ.** Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20 до 50 годовъ. Спб.

Не потерявшій своего значенія и до сихъ поръ анализъ „Выбранныхъ мѣстъ“ и второго тома „Мертвыхъ Душъ“ съ общественной точки зрѣнія.

16. **А. Н. Пыпинъ.** Исторія русской литературы. Т. IV. Спб.

Одна изъ главъ посвящена своду всей разработки жизни, личности и творчества Гоголя по 1899 г.

17. **Н. С. Тихонравовъ.** Сочиненія. Т. III. часть I и II. М. 1898.

Рядъ превосходныхъ этюдовъ о Гоголѣ: „М. С. Щепкинъ и Н. В. Гоголь“, „Первое представленіе „Ревизора“ на московской сценѣ“, „Пушкинъ и Гоголь“.

18. **А. Н. Веселовскій.** Этюды и характеристики. М.

Превосходные очерки о „Мертвыхъ Душахъ“ и объ отношеніяхъ Гоголя къ Чаадаеву.

19. **С. А. Венгеровъ.** Очерки по исторіи русской литературы. Спб. 1907.

Большой очеркъ, посвященный Гоголю, какъ „писателю-гражданину“. Детальное, мѣстами своеобразное и интересное освѣщеніе общественнаго міровоззрѣнія и значенія великаго писателя.

20. **В. В. Каллашъ.** а) Основныя особенности личности и творчества Гоголя. б) Н. В. Гоголь и его письма. М. 1902.

Г. Иллюстраціи къ біографіи и произведеніямъ Гоголя.

Иллюстрированныхъ изданій сочиненій Гоголя много. Лучшее—„Мертвыя Души“ съ рисунками Боклевскаго и Агина, „Невскій проспектъ“ (Спб., 1908). Изъ дешевыхъ — изданія отдѣльныхъ произведеній Маркса. Его же „Мертвыя Души“ (Спб., 1902) только посредственны. Очень интересенъ альбомъ Хмелевскаго „Гоголь на родинѣ“ (Полтава и Кіевъ, 1902 [1]). Къ открытію памятника въ Москвѣ Общ. Люб. Рос. Слов. печатается полная иконографія Гоголя.

Д. Библіографія Гоголевской литературы.

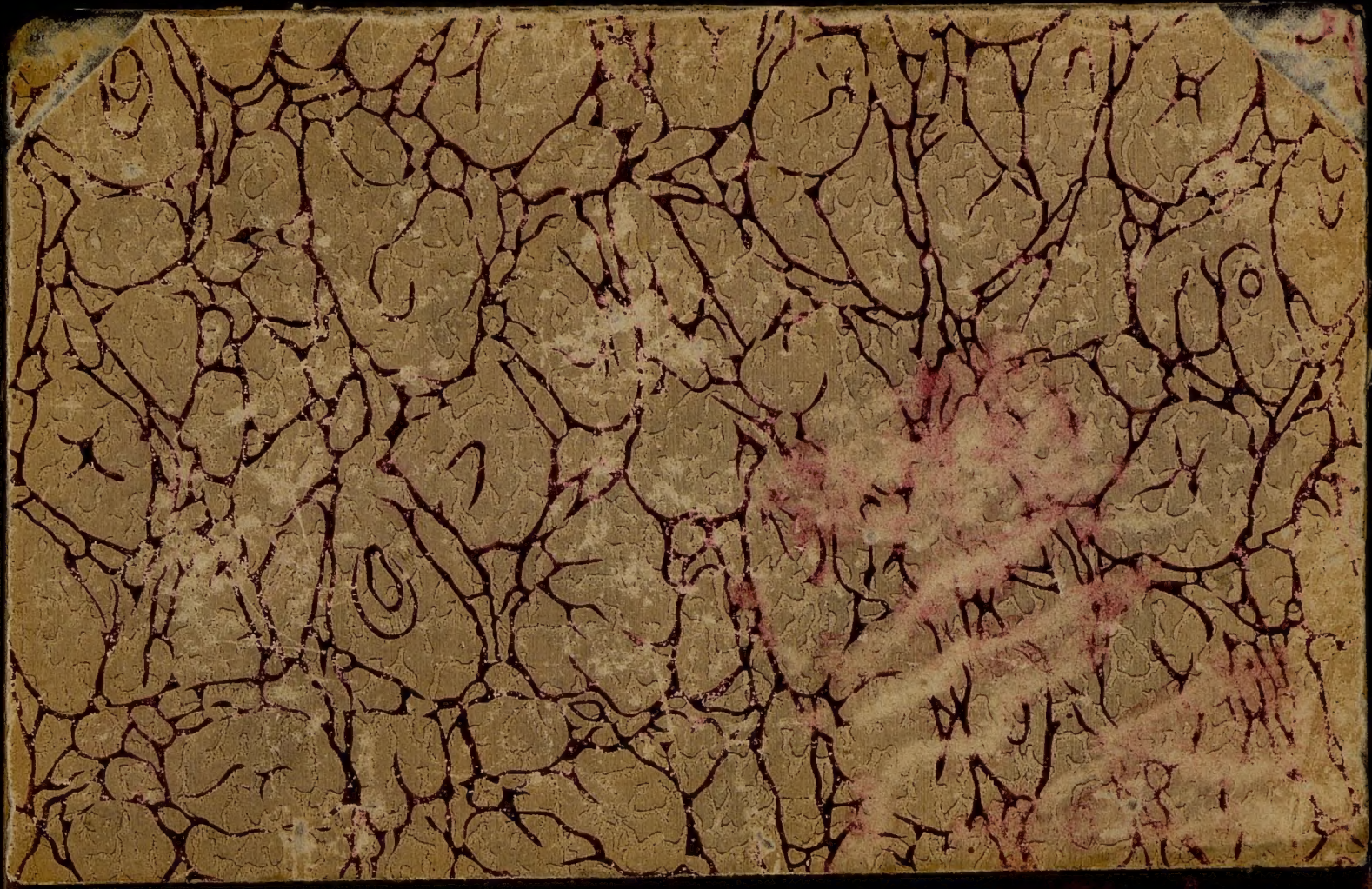
1. **С. А. Венгеровъ.** Источники словаря русскихъ писателей. Т. I. Спб. 1900. Стр. 786—814.

2. **С. Бертенсонъ.** Опытъ библіографическаго указателя Гоголевской юбилейной литературы. (Спб. 1903. То же: „Лит. Вѣстникъ“ 1903, V).

3. **А. Липовскій.** Гоголевская юбилейная литература. Спб. 1902.

4. **В. В. Каллашъ.** Жуковско-Гоголевская юбилейная литература. М. 1902. („Русская Мысль“ 1902).

5. **Горожанскій.** Библіографическій указатель литературы о Н. В. Гоголѣ. М. 1883.


[1]) См. статью М. Н. Сперанскаго въ Гоголевскомъ Сборникѣ. Кіевъ, 1902 г.